

Министерство внутренних дел Российской Федерации
Омская академия

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

VI международная научно-практическая конференция
15–16 декабря 2021 г.

Омск
ОмА МВД России
2022

УДК 342
ББК 67.620я54
Р72

Редакционная коллегия:

С. К. Буряков — кандидат политических наук (председатель);
М. А. Бучакова — доктор юридических наук, доцент;
С. М. Гасанова (отв. секретарь);
Ю. В. Герасименко — доктор юридических наук, профессор;
В. А. Гусев — доктор юридических наук, профессор (зам. председателя);
М. А. Засыпкин — кандидат юридических наук;
Е. В. Кошелев — кандидат юридических наук

Реализация Конституции Российской Федерации: состояние и перспективы : мат-лы VI международной науч.-практ. конф. — Омск : Омская академия МВД России, 2022. — 164 с.

ISBN 978-5-88651-791-0

В сборнике освещаются теоретические и правоприменительные вопросы в сфере конституционного права, отдельные аспекты деятельности органов публичной власти, проблемы реализации конституционных норм в отраслевом законодательстве.

Предназначен для профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников, адъюнктов и аспирантов образовательных организаций МВД России, сотрудников иных правоохранительных органов.

УДК 342
ББК 67.620я54

ISBN 978-5-88651-791-0

© Омская академия МВД России, 2022

РАЗДЕЛ I. ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПОЛОЖЕНИЙ В РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

С. К. Буряков

Конституция РФ и развитие российской государственности

Конституция РФ, принятая на референдуме, выступает результатом волеизъявления многонационального российского народа. Главной задачей конституционного регулирования является упорядочение и организация функционирования общества и государства, и потому действующая Конституция закрепляет основы конституционного строя, права и свободы человека и гражданина, гарантии их обеспечения, основы федеративного устройства, организацию единой публичной власти, включающей органы государственной власти и местного самоуправления.

В Конституции безальтернативно закреплено верховенство ее норм, означающее, что ни один закон или подзаконный акт, действующий на территории РФ, не может противоречить ее положениям. Принцип верховенства Основного закона еще раз подчеркивает ценность конституционных норм и институтов и их значение для дальнейшего развития российской государственности.

Президент РФ В. Путин в послании Федеральному собранию РФ 15 января 2020 г. озвучил предложение о внесении поправок в Конституцию РФ 1993 г. В итоге Закон РФ о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» был официально опубликован и вступил в силу.

Масштабные изменения Конституции РФ, включающие более 200 поправок, были одобрены в ходе общероссийского голосования большинством граждан. Никогда еще в истории России Конституция не становилась

объектом столь пристального изучения и активного обсуждения населением страны. В дискуссию о конституционных преобразованиях было вовлечено более 100 млн граждан России. Не случайно процесс конституционных изменений получил название конституционной реформы 2020 г.

Посредством конституционных преобразований была усилена роль Президента РФ, расширены его полномочия, позволяющие оказывать влияние на все ветви власти; укреплены позиции органов публичной власти, расширены полномочия Правительства, а также внесены изменения в порядок осуществления им деятельности; усовершенствована система контроля, в том числе за деятельностью органов публичной власти со стороны органов судебной власти и прокуратуры, расширена компетенция Конституционного Суда; внесены значительные изменения в систему местного самоуправления и его взаимодействия с органами государственной власти.

В этих условиях актуальность исследования проблем реализации Конституции РФ и положений конституционного права в целом является чрезвычайно высокой. Глубокое осмысление произошедших конституционных преобразований, практики их правоприменения, а также поиск наиболее перспективных путей дальнейшего развития РФ выступает важной задачей ученых-конституционалистов.

А. А. Бейсеев

Деятельность государственных органов Республики Казахстан в рамках взаимодействия с комитетами ООН по защите прав человека

Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства. Подтверждением этому стало принятое Правительством Республики Казахстан (далее — РК) постановление от 11 июня 2021 г. № 405, согласно которому был утвержден План первоочередных мер в области прав человека [1, с. 15].

План включает в себя мероприятия по совершенствованию механизмов взаимодействия с договорными органами ООН и специальными процедурами Совета ООН по правам человека. Как отметил Президент РК Касым-Жомарт Токаев, реализация плана — это важный этап политической модернизации, определяющий взаимоотношения человека и государства на основе принципов демократии и международных стандартов в области защиты прав и свобод человека и гражданина.

Казахстаном признана компетенция четырех комитетов ООН: Комитета по правам человека, Комитета по ликвидации дискриминации женщин, Комитета по ликвидации расовой дискриминации, Комитета против пыток.

Следует отметить, что Генеральная прокуратура РК, являясь уполномоченным органом по сбору и подготовке материалов по жалобам лиц против Казахстана, достаточно эффективно реализует данную функцию. Однако имплементация решений договорных органов ООН на территории РК все еще остается на низком уровне. Нередко требуются дополнительные правовые и организационные меры со стороны государства для всесторонней и полной реализации норм международного права.

Национальные правозащитные учреждения являются государственными органами, обладающими конституционными и законодательными полномочиями по защите и поощрению прав человека. Они представляют собой часть государственного аппарата и финансируются государством. Так, к государственным институтам несудебной защиты в РК относятся: прокуратура, Комиссия по правам человека при Президенте РК, Уполномоченный по правам человека, при котором функционирует «Национальный центр по правам человека» (исполнительный орган уполномоченного по правам человека).

Перечисленные государственные органы выступают важным звеном в решении международно-правовых вопросов в области прав человека и государственных институтов, так как именно эти структуры позволяют государствам выполнять конкретные международные правовые обязательства в области прав и свобод человека на национальном уровне.

Полномочия по рассмотрению запросов комитетов ООН требуют наличия соответствующей компетенции в деятельности названных органов, что является значимым для эффективного регулирования жалоб против Казахстана. В настоящее время отсутствуют реальные полномочия, которые позволили бы реализовывать указанную выше задачу на соответствующем уровне.

Международная практика по исполнению решений и рекомендаций конвенционных органов в области прав человека показывает, что в большинстве стран подготовка докладов, материалов, касающихся индивидуальной жалобы, для представления государства в международных органах по правам человека и непосредственная координация исполнения решений данных международных органов в случае установления нарушения прав человека являются функциями одного уполномоченного органа — министерства юстиции конкретной страны. Об этом свидетельствует опыт Грузии, Польши, Турции, Великобритании, Канады и др. [2, с. 27–30].

Представляется целесообразным создание Департамента по международным органам в области прав человека при Министерстве юстиции либо Межминистерского комитета по мониторингу и исполнению решений конвенционных органов ООН по правам человека, координатором которого могло бы выступать Министерство иностранных дел [3, с. 15]. Аналогично грузинской модели в его состав должны входить два направления:

- по подготовке материалов для представления в международные органы по правам человека;
- по исполнению решений международных органов по правам человека.

Список источников

1. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2100000405> (дата обращения: 25.11.2021).

2. *Имплементация норм международных договоров в области прав человека (гражданские и политические права) в законодательство Республики Казахстан / под общ. ред. Р. К. Сарпекова, Ж. О. Кулжабаевой. Астана, 2019.*

3. *Миллер А. В., Аклбекова Р. М. Имплементация решений международных органов по правам человека : первый опыт Казахстана и практика других стран. Алматы, 2015.*

М. А. Бучакова

Конституционные основы духовной жизни общества

Любое цивилизованное государство опирается на свои духовные ценности и традиции. Для России духовно-нравственные ценности играли государствообразующую роль, кардинально влияли на историческую судьбу. Русские мыслители Ф. М. Достоевский и И. А. Ильин писали об особой миссии России. Философ В. С. Соловьев отмечал, что «страна обладает так называемой третьей силой, которая сможет дать мировой истории и культуре некое особое содержание» [1].

В соответствии с Конституцией РФ духовные основы конституционного строя РФ базируются на принципах идеологического многообразия, светского характера государства, защиты культурных ценностей. В части 1 ст. 13 Конституции РФ закреплён принцип идеологического многообразия, устанавливающий, что никакая идеология не может признаваться в качестве государственной или обязательной. В статье 44 гарантируется свобода литературного, художественного, научного,

технического и других видов творчества, а также преподавания. Опосредованно конституционные основы духовно-культурных отношений определены ст. ст. 26 и 72. Однако на конституционном уровне эта сфера общественных отношений регулируется фрагментарно, поскольку касается преимущественно частной жизни, внутреннего мира личности.

Прошедшие 30 лет стали противоречивым периодом формирования российской государственности. Духовный кризис, поразивший наше государство в результате ряда событий, подорвавших духовно-культурные основы, выступавшие фундаментом построения Советского государства, как никогда является угрожающим духовной безопасности общества.

Президент России В. В. Путин отмечал, что воспринял распад СССР как трагедию, как распад исторической России. По словам российского лидера, Россия превратилась в совершенно другую страну, и то, что нарабатывалось в течение 1000 лет, было утрачено [2].

В настоящее время экономическая система общества потребления негативным образом влияет на культуру и нравственную идею. Духовно-нравственные ценности, которых всегда придерживалась Россия, перестали играть жизнеопределяющую роль. Большинство стран Запада восприняли новые псевдоценности в виде легализации однополых браков, трансгендерства, эвтаназии, употребления легких наркотиков. Не только законодательная регламентация таких отношений, но и их защита, массированная пропаганда подрывают нравственно-духовные основы жизнедеятельности общества. Несогласие с «западными ценностями» и противодействие им воспринимаются как нарушение принципа толерантности в обществе, а критический подход и запрет распространения — как нарушение прав человека. Поэтому важными в современных условиях развития России видятся не только экономическая или политическая стабильность и безопасность, но и духовно-нравственное развитие народа.

В последние годы РФ показала миру готовность защищать конституционные и традиционные ценности. Так, в Федеральном законе от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» названы сведения, причиняющие вред здоровью детей, к числу которых отнесена информация, отрицающая семейные ценности, пропагандирующая нетрадиционные сексуальные отношения и формирующая неуважение к родителям и (или) другим членам семьи. В Федеральном законе от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» одним из ее направлений определено формирование системы нравственных и смысловых ориентиров, позволяющих противостоять идеологии экстремизма, национализма и другим негативным социальным явлениям. Тем самым, несмотря на закреплен-

ность конституционной нормы об идеологическом многообразии, ярко прослеживается направленность на формирование определенной идеологии, содержащей высокие нравственные установки, позволяющие противостоять деструктивным идеологическим течениям.

Поправки в Конституцию 2020 г. содержат блок конституционных положений, нацеленных на укрепление духовной составляющей российского общества. В контексте исторической преемственности обращение к тысячелетней истории России, памяти предков и вере в Бога, к отечественным государственно-правовым и нравственным традициям будет способствовать формированию высокой гражданской позиции современной молодежи

Таким образом, духовные основы жизни общества занимают важное место в системе основ конституционного строя РФ, являясь важным фактором сохранения устойчивости государства.

Список источников

1. URL: [http://www. filosoff.org](http://www.filosoff.org) (дата обращения: 15.11.2021).
2. URL: [http://www. lenta.ru](http://www.lenta.ru) (дата обращения: 15.11.2021).

В. А. Гусев

Конституционное право на получение квалифицированной юридической помощи по защите прав и свобод человека в процессе проведения оперативно-розыскных мероприятий

Согласно Конституции РФ «каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи» (ст. 48). Данное конституционное право выступает производным от основополагающего конституционного положения о том, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства (ст. 2). Очевидно, что потребность в получении квалифицированной юридической помощи возникает у человека в сложных ситуациях, требующих определенных знаний в правовой сфере. Именно в такой ситуации оказывается индивид в случае претензий к нему со стороны государственных органов, заподозривших его в совершении противоправных деяний и решающих вопрос о привлечении его к ответственности в рамках уголовного судопроизводства. В связи с этим в Уголовно-процессуальном кодексе РФ детально прописан порядок участия адвоката в качестве защитника прав и интересов таких лиц. Однако в Федеральном законе от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельно-

сти» (далее — Закон об ОРД) нет даже упоминания о защитнике (адвокате), несмотря на то, что права и свободы лица могли быть ограничены органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность (далее — ОРД).

Полагаем, что игнорирование законодателем права на получение квалифицированной юридической помощи при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ) создает ряд проблем в правоприменительной практике.

Специфика ОРД заключается в осуществлении ее преимущественно в негласной форме. Соответственно лица, в отношении которых проводятся ОРМ, об этом не знают и на первоначальном этапе обратиться за квалифицированной помощью не могут. Оперативные сотрудники в ходе проведения негласных ОРМ, собрав необходимые сведения, являющиеся основанием для привлечения к уголовной ответственности, задерживают заподозренное лицо. Завершаются такие мероприятия уже гласно: проводится личный досмотр задержанного; изъятие предметов и документов, имеющих доказательственное значение; составляются протокол и другие оперативно-служебные документы. В связи с этим у задержанного появляется возможность воспользоваться конституционным правом на защиту и получение квалифицированной юридической помощи, в том числе по вопросу законности проведенных в отношении него ОРМ.

Данный вывод основан на постановлении Конституционного Суда РФ (далее — КС РФ) от 27 июня 2000 г. № 11-П, в котором сказано следующее: «... закрепляя это право как непосредственно действующее, Конституция РФ не связывает предоставление помощи адвоката (защитника) с формальным признанием лица подозреваемым либо обвиняемым, а следовательно, и с моментом принятия органом дознания, следствия или прокуратуры какого-либо процессуального акта, не наделяет федерального законодателя правом устанавливать ограничительные условия его реализации [1].

КС РФ разъяснил, что лицо, в отношении которого проводятся ОРМ, имеет право на получение квалифицированной юридической помощи, и ему должна быть обеспечена возможность им воспользоваться, за исключением случаев проведения ОРМ в условиях режима *секретности*, соблюдения требований *конспиративности* и *оперативности*.

Очевидно, что в ситуации трансформации негласных ОРМ в гласные нет ни объективной возможности, ни смысла и дальше сохранять секретность и конспиративность: все действия оперативных сотрудников осуществляются открыто как для самого лица, права и свободы которого ограничены, так и для окружающих граждан. Вместе с тем требование оперативности проведения мероприятия сохраняет свою актуальность. Задачей оперативных сотрудников является фиксация обстановки на ме-

сте преступления, оперативное (быстрое) обнаружение, обеспечение сохранности и изъятие предметов, вещей и документов, которые могут быть доказательствами по делу, динамичное (в разумные сроки) оформление соответствующих процессуальных и оперативно-служебных документов, необходимых для представления их следователю и принятия решения о возбуждении уголовного дела.

КС РФ определил, что в силу преимущественно негласного характера и безотлагательности проводимых оперативно-розыскных мероприятий Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» не предусматривает участие в оперативно-розыскной деятельности адвоката. Однако судьи обратили внимание, что «нормы отраслевого законодательства, в частности, названного Закона, не могут применяться в отношении подозреваемого, обвиняемого без учета особенностей его правового положения, в том числе вытекающих из предписаний ст. ст. 48, 49 и 51 Конституции РФ (определения КС РФ от 1 декабря 1999 г. № 211-О, от 24 января 2008 г. № 104-О-О)» [2].

По смыслу ряда норм УПК РФ (ст. ст. 157, 164, 165, 182 и 183) требование о незамедлительном обеспечении права на помощь адвоката (защитника) не может быть распространено на случаи проведения следственных действий, не связанных с дачей лицом показаний и носящих безотлагательный характер, подготавливаемых и проводимых без предварительного уведомления лица об их осуществлении ввиду угрозы уничтожения (утраты) доказательств, в том числе выемки, производство которой не приостанавливается, и для явки адвоката (защитника). По аналогии с данным судебным решением должностные лица оперативных подразделений производят действия в рамках ОРМ независимо от того, успевает адвокат прибыть в указанное место или нет.

Таким образом, резюмируем, что в случае проведения гласного ОРМ и осуществления в его рамках действий, направленных на ограничение права на передвижение лица, личный досмотр, изъятие и т. п., должны быть созданы все возможные в конкретной правовой ситуации условия обеспечения права человека на квалифицированную юридическую помощь. В этих целях в Законе об ОРД должен быть закреплён соответствующий Конституции РФ механизм привлечения и участия адвоката в оперативно-розыском процессе в качестве защитника.

Список источников

1. По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. *Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Барковского Константина Олеговича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 127 УПК РСФСР, пунктом 1 части первой статьи 6 и пунктом 3 части первой статьи 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» : определение Конституционного Суда РФ от 1 декабря 1999 г. № 211-ФЗ-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бухрова Дмитрия Юрьевича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 21, статьями 84, 86 и 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьями 2 и 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» : определение Конституционного Суда РФ от 24 января 2008 г. № 104-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».*

Ю. В. Герасименко

Правовые проблемы реализации статуса уполномоченного по защите прав предпринимателей в Российской Федерации

В соответствии с ч. 1 ст. 34 Конституции РФ каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности.

В свою очередь в ч. 1 ст. 45 Конституция РФ гарантирует государственную защиту прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации.

Эти конституционные установления являются правовой основой формирования новых правозащитных учреждений и институтов в сфере предпринимательской деятельности.

Одним из самых заметных и эффективных стал институт уполномоченных по защите прав предпринимателей, который широко представлен как на федеральном, так и на региональном уровнях.

Его формирование началось с принятием Указа Президента РФ от 22 июня 2012 г. № 879 «Об Уполномоченном при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей». Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 78-ФЗ «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации» (далее — Федеральный закон № 78-ФЗ) определил основные задачи Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей и уполномоченных по защите прав предпринимателей в субъектах РФ.

В настоящее время уполномоченные по защите прав предпринимателей (бизнес-омбудсмены) являются важным звеном действующего государственного механизма защиты прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности в их отношениях с органами публичной власти.

Между тем практика функционирования института бизнес-защиты позволяет утверждать, что правовая основа деятельности региональных уполномоченных по защите прав предпринимателей все еще далека от совершенства и имеет пробелы регулирования их статуса.

Например, в ч. 1 ст. 8 Федерального закона № 78-ФЗ закреплено, что законом субъекта РФ может учреждаться должность уполномоченного по защите прав предпринимателей в субъекте РФ, которая является государственной должностью субъекта РФ. Тем самым федеральный законодатель фактически предусмотрел лишь право, а не обязанность субъекта РФ вводить данную должность. Поэтому в настоящее время назначение регионального бизнес-омбудсмана представляется не императивным требованием закона, а неким результатом добровольного выбора региональных властей. Это выступает причиной того, что в некоторых субъектах РФ неоправданно затягивается (Красноярский край) или вообще игнорируется (Астраханская область) назначение региональных уполномоченных по защите прав предпринимателей. Это приводит к очевидному ущемлению прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности.

Кроме того, в работе института бизнес-защиты ощущается острая потребность появления не только в Федеральном законе № 78-ФЗ, но и в иных федеральных нормативных правовых актах конкретных адресных норм, позволяющих региональным уполномоченным по защите прав предпринимателей более эффективно реализовывать свое предназначение. Это касается расширения общих процессуальных возможностей уполномоченных, статуса, структуры и численности аппаратов, призванных осуществлять юридическое и информационно-справочное обеспечение их деятельности, и т. д.

Т. Ю. Герасименко

О недопустимости ограничения прав женщин в воспитании своих детей: решение ЕСПЧ по делу «Тапаева и другие против России»

В РФ предусмотрено, что материнство и детство, семья находятся под защитой государства. Забота о детях, их воспитание — равное право и обязанность родителей (чч. 1, 2 ст. 38 Конституции РФ).

Согласно части 3 ст. 46 Конституции РФ каждый вправе в соответствии с международными договорами РФ обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты.

Учрежденный в 1959 г. Европейский суд по правам человека (далее — ЕСПЧ, Суд) является межгосударственным судебным органом, который в рамках своей компетенции выносит соответствующие решения по жалобам, поданным как индивидуальными заявителями, так и государствами.

Жалобы должны касаться нарушений гражданских и политических прав, закрепленных в Европейской конвенции о защите прав человека.

Конвенцией, в частности, гарантируются права на:

- жизнь;
- справедливое судебное разбирательство;
- уважение частной и семейной жизни;
- свободу выражения мнения;
- свободу мысли, совести и религии;
- уважение собственности.

В недавнем решении ЕСПЧ по делу «Тапаева и другие против России» [1, с. 42] впервые было признано существование системной дискриминации женщин на Северном Кавказе, заключающейся в их праве воспитывать своих детей после развода или смерти супруга.

Из жалобы следовало, что жительница Чеченской Республики Луиза Тапаева была замужем и проживала с мужем и его родителями в селе Гойты Урус-Мартановского района. В этом браке родились четыре дочери. После гибели мужа в июне 2015 г. Тапаева вместе с детьми переехала к своим родителям, проживающим в том же селе. Девочки стремились поддерживать родственные контакты с бабушкой и дедушкой по отцовской линии. Но в начале 2016 г. родители мужа неожиданно перестали общаться с внуками. А несколько месяцев спустя свекор при содействии неизвестных лиц принудительно забрал у матери детей и не позволял в дальнейшем им общаться друг с другом. Поскольку заявительница не смогла отстоять свои права в различных судебных инстанциях Чеченской Республики и вернуть своих детей, в мае 2018 г. она подала жалобу в ЕСПЧ.

Жалоба оперативно была коммуницирована и передана на рассмотрение по существу в третью секцию Суда.

Суд не только признал прямое нарушение ст. 8 (право на семейную жизнь), ст. 14 (дискриминация по принципу пола) Европейской конвенции о защите прав человека, но и усмотрел несоблюдение ряда норм

Конституции РФ и Семейного кодекса РФ. В своем решении он также отметил, что ЕСПЧ уже давал оценку нескольким жалобам жительниц Северного Кавказа, оказавшихся в аналогичной ситуации, когда местные власти следовали не закону, а некой стойкой традиции «принадлежности» детей семье отца.

Суд постановил, что РФ следует не только незамедлительно принять все надлежащие меры для обеспечения уважения семейной жизни Луизы Тапаевой и ее детей, но и выплатить компенсацию в размере € 16,2 тыс.

Таким образом, дело Луизы Тапаевой в РФ будет пересмотрено в соответствии с принятым постановлением ЕСПЧ.

Список источников

1. URL: <http://www.echr.coe.int> (дата обращения: 10.12.2021).

Т. Е. Грязнова

Учение об английском конституционализме М. М. Ковалевского

Английский конституционализм, рассматриваемый либеральными представителями российской юриспруденции в качестве эталона правового государства, неизменно притягивал внимание и М. М. Ковалевского. В соответствии с устоявшейся традицией его истоки автор связывает с принятием Великой хартии вольностей в 1215 г.

Однако определяющую роль в становлении конституционализма сыграл, по М. М. Ковалевскому, Билль о правах 1689 г., провозгласивший важнейшие начала английской государственности: принцип законности, регулярность парламентских сессий, свободу парламентских выборов и прений, установление новых налогов с согласия парламента [1, с. 27; 2, с. 65].

Считая Англию родиной высшей стадии развития конституционного государства — парламентаризма, начало его истории М. М. Ковалевский связывает с царствованием Карла II (1660–1685 гг.), в период правления которого появилась двухпартийная политическая система и получили признание публичные права граждан (Habeas corpus Act). К основным признакам английского парламентаризма автор относит: наличие стабильной двухпартийной системы; формирование министерства из партии, обладающей парламентским большинством; наличие политической ответственности министров; сосредоточение фактической государственной власти у народных представителей [3, с. 35; 4, с. 286–287].

Политическая ответственность министров перед народными представителями позволяет М. М. Ковалевскому утверждать, что «английская система кабинета... гарантирует в наших глазах начало народного самоуправления...» [5, с. 198].

Особенность английского парламентаризма М. М. Ковалевский видит в оптимальной модели разделения властей, предусматривающей возможность их взаимодействия и влияния друг на друга, а также в реализации принципов законности, независимости и несменяемости судей, служащих надежной гарантией свободы подданных [4, с. 234, 328; 6, с. 562, 568–569].

Важным признаком парламентских государств М. М. Ковалевский, как и другие либеральные представители отечественной юриспруденции, считает смягчение, а в перспективе полную отмену избирательных цензов. Англия путем проведения целого ряда продуманных реформ смогла вплотную приблизиться к решению этой проблемы. Не случайно анализ современного состояния избирательного права в Англии позволил М. М. Ковалевскому заключить, что оно максимально приблизилось к демократическому идеалу [5, с. 161–202]. Таким образом, «...из аристократической державы Англия стала демократической монархией...» [7, с. 134].

Список источников

1. Ковалевский М. М. Учение о личных правах. М., 1906.
2. Ковалевский М. М. Общее конституционное право : лекции, читанные в Санкт-Петербургском университете и Политехникуме. 1907–1908. СПб., 1908. Ч. II.
3. Ковалевский М. М. Общий ход развития политической мысли во второй половине XIX века. СПб., 1905.
4. Ковалевский М. М. Общее конституционное право : лекции, читанные в Санкт-Петербургском университете и Политехникуме. 1907–1908. СПб., 1908. Ч. I.
5. Ковалевский М. М. Кризис в западных конституциях // Вестник Европы. 1886. № 5.
6. Ковалевский М. М. Происхождение современной демократии. М., 1895. Т. I.
7. Ковалевский М. М. История монархии и монархических доктрин : курс лекций, читанных на экономическом отделении Санкт-Петербургского политехнического института императора Петра Великого в 1911–1912 учебном году. СПб., 1912. Вып. III.

Т. А. Грищенко

Некоторые проблемы соотношения государственного суверенитета и международного права в контексте новой редакции статьи 79 Конституции РФ

Принятие Закона РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О поправке к Конституции и о совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» вызвало массовую дискуссию как в научной среде, так и в обществе. Согласно аналитическому portalу Яндекс.ру большое число публикаций было посвящено ст. 79, в которой излагается, что «решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации, в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации» [1, с. 22].

Помимо отечественного обсуждения статья подверглась резкой критике со стороны международной общественности. Так, в заключении Венецианской комиссии Совета Европы от 18 июня 2020 г. говорится, что Россия является членом Совета Европы и участником Европейской конвенции о правах человека, которая обязывает ее исполнять решения Европейского суда по правам человека (далее — ЕСПЧ). По мнению комиссии, принятие поправки входит в противоречие с обязательствами России как участницы данной конвенции.

Основу критики составило предположение о том, что положения ст. ст. 79, 79.1 вступают в противоречия с п. 4 ст. 15 Конституции РФ.

Нами проведен краткий анализ критических положений новеллы ст. 79 с учетом позиций Конституционного суда РФ, ЕСПЧ, отечественной правоприменительной практики и конституционных норм ряда зарубежных стран [1, с. 24].

Отметим, что в 90-е гг. при формировании демократической модели государственности Россия находилась в сильной зависимости от международного права, что в свою очередь привело к неопределенности в толковании юридической силы Основного закона. В этот период в среде конституционалистов шла ожесточенная полемика между сторонниками конституционализации международного права и приверженцами интернационализации конституционного права.

Сформировав со временем все базовые демократические институты и обеспечивающие их государственно-правовые механизмы, РФ стала последовательно отстаивать национальные интересы, в том числе и в правовом поле. К началу XXI в. Конституция заняла прочное место в качестве

закона, имеющего на территории РФ высшую юридическую силу, отраслевое законодательство полностью отошло от правовых норм, принятых еще в РСФСР, суды все реже обращались к международным нормам.

Закономерным итогом данного процесса стало принятие постановления Конституционного Суда РФ от 7 июня 2000 г. № 10-П, поставившего точку в научном дискурсе: «верховенство, независимость и самостоятельность государственной власти, полнота законодательной, исполнительной и судебной власти государства на его территории, независимость в международном общении — необходимый качественный признак России как государства строится на безусловном верховенстве Основного закона» [2].

Постановление исходило из идеи безусловного суверенитета России не только во внутренней сфере, но и на международной арене, что не могло не привести к конфликту между обязательным приоритетом норм международного права и обязательным приоритетом суверенитета РФ.

В связи с этим при толковании новеллы ст. 79 следует понимать, что в ее основе заложен суверенитет Российского государства. Таким образом, новелла не противоречит, а развивает незыблемые положения ст. 15 Конституции и гармонизирует их с такими же конституционными нормами, касающимися суверенитета России.

Противоречие между ст. ст. 15 и 79 усматривают сторонники интернационализации конституционного права, такая интерпретация утратила свою актуальность за последние 20 лет, причем не только в России, но и в большинстве европейских стран. После евроинтеграции многие европейские государства приняли поправки в свои конституции, обеспечив сходные механизмы защиты национального суверенитета. Так, в 2008 г. Франция по инициативе Президента Н. Саркози провела конституционную реформу. Конституционный закон от 23 июля 2008 г. № 2008-724 «О модернизации институтов V Республики» наделил Парламент широкими правами в области международной и европейской политики (ст. 884) [3; 4, с. 21].

Таким образом, даже с позиции интернационализации конституционного права обеспечение национальных интересов не должно допускать вмешательства в сферу законодательной власти посторонних институтов.

Список источников

1. Грищенко Т. А., Ляшенко Т. Т. Некоторые проблемы соотношения государственного суверенитета и международного права в контексте новой редакции ст. 79 Конституции Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 4.

2. По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. URL: <https://rg.ru/2020/02/10/andrej-kliskas-prioritet-konstitucii-nepomeshaet-sobliudeniiu-vseh-obiazatelstv.htm> (дата обращения: 05.12.2021).

4. Федосеева В. А. Анализ постановления Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П // Молодой ученый. 2017. № 31(165).

О. А. Дизер

К вопросу о деятельности Уполномоченного при Президенте РФ по правам человека в сфере свободы совести

Конституция РФ заложила принципы построения государственно-конфессиональных взаимоотношений: принцип светскости государства; принцип соблюдения и учет свободы совести и т. д.

В соответствии со ст. 28 Конституции РФ каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними.

Принятые в 2020 г. поправки в Конституцию сформировали дополнительные условия для реализации указанного права. Так, согласно ч. 2 ст. 67.1 Конституции Российская Федерация признает исторически сложившееся государственное единство, основанное в том числе на вере в Бога. Таким образом, закрепляя в тексте Конституции РФ формулировку «вера в Бога», законодатель признает значимость религиозно-нравственных ценностей при укреплении государственной целостности.

Несмотря на попытки законодателя оптимизировать и усовершенствовать общественные отношения, возникающие в результате реализации свободы совести, следует указать на многочисленные факты нарушений в указанной области.

Согласно ежегодному докладу о деятельности Уполномоченного по правам человека в РФ за 2020 г. из 44 087 поступивших обращений по вопросам нарушений прав и свобод 508 были отнесены к сфере свободы совести и вероисповедания, что ставит вопрос о наличии системы мер, направленных на защиту свободы совести, а также систему органов публичной власти, взаимодействующих с институтами гражданского общества. В настоящее

время функционируют различные органы публичной власти, для которых деятельность по обеспечению свободы совести не является основной. Например, Федеральное агентство по делам национальностей [1] занимается урегулированием межнациональных отношений, Минюст России [2] реализует полномочия по принятию решений о государственной регистрации религиозных организаций и т. д. В условиях глобализации межконфессиональных отношений, усиления национальных регулятивных механизмов, поиска путей их демократизации эффективное обеспечение указанного права посредством исключительно данных органов не будет адекватным.

Отвечая на запросы времени, в целях обеспечения гарантий свободы совести, соблюдения и уважения государственными органами, органами местного самоуправления и должностными лицами необходимо ставить вопрос о реформировании существующих органов публичной власти по обеспечению свободы совести и говорить о создании специализированного государственного органа — Уполномоченного по защите права граждан на свободу совести в РФ. Кроме того, в пользу учреждения такой государственной должности выступила Российская ассоциация защиты религиозной свободы, которая предлагает ввести отдельный институт уполномоченного по защите прав верующих в РФ [3]. В соответствии с определением Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2004 г. № 437-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Хорошенко Андрея Анатольевича на нарушение его конституционных прав положением пункта 3 статьи 20 Федерального конституционного закона „Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации“» такой орган не правомочен выносить государственно-властные решения, его деятельность не отменяет и не влечет пересмотра компетенции государственных органов, обеспечивающих защиту и восстановление нарушенного права на свободу совести. Вместе с тем, как представляется, такой орган должен стать посредником между верующими, религиозными объединениями и государством, способствовать формированию единой государственно-конфессиональной политики и стать одним из субъектов по ее реализации.

Список источников

1. URL: <https://fadn.gov.ru> (дата обращения: 11.11.2021).
2. *Вопросы* Министерства юстиции Российской Федерации : указ Президента РФ от 13 октября 2004 г. № 1313. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. *Ассоциация религиозной свободы за введение «Омбудсмена для верующих»*. URL: <https://ria.ru/20200211/1564564470.html> (дата обращения: 11.11.2021).

Влияние пандемии COVID-19 на избирательные права и свободы

Неблагоприятная эпидемиологическая обстановка, вызванная пандемией COVID-19, стала одной из основных причин внесения изменений в законодательство об избирательном процессе. Так, со вступлением в силу Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 267-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» текст Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее — Закон № 67-ФЗ) был дополнен ст. 61.3, позволяющей по решению избирательной комиссии проводить процедуру голосования вне помещения для голосования на территориях и в местах, пригодных к оборудованию для проведения голосования (на придомовых территориях, на территориях общего пользования и в иных местах). При этом 23 мая 2020 г. в ст. 66 Закона № 67-ФЗ внесен пункт 18, также закрепляющий возможность проведения выборов на придомовых территориях. Однако, как отмечает Е. И. Колюшин, «если в п. 18 ст. 66 речь идет о голосовании в условиях защиты здоровья избирателей, создания для них максимального удобства, то в подпункте «а» п. 4 ст. 63.1 такие условия не называются, а голосование в указанных местах квалифицируется как одна из двух перечисляемых „дополнительных возможностей реализации избирательных прав граждан Российской Федерации“» [1, с. 55–60]. Кроме того, выборы стали проводиться в течение нескольких дней, а не в рамках единого дня голосования.

По нашему мнению, принятие подобных законодательных норм приводит к нарушению фундаментальных принципов избирательного процесса, гарантированных ст. 32 Конституции РФ и Законом № 67-ФЗ, поскольку создает широкий простор для нарушений законодательства, например, для фальсификации результатов выборов.

В настоящее время на привычных избирательных участках устанавливаются камеры видеонаблюдения, транслирующие в режиме реального времени происходящее на участке через Интернет; присутствуют наблюдатели, контролирующие порядок проведения процедуры голосования.

Обеспечение подобных мер на придомовых и иных территориях, где проводятся выборы, не представляется возможным, особенно с учетом того, что выборы проходят в течение нескольких дней.

Кроме того, ст. 64 Закона № 67-ФЗ отныне предусматривает возможность голосования избирателей по почте, а также посредством дистан-

ционного электронного голосования. Данная мера направлена на снижение рисков распространения коронавирусной инфекции. Тем не менее И. А. Бутяйкин справедливо указывает на то, что «встает серьезный вопрос о реализации существующего принципа тайны голосования, так как голосование по почте раскрывает тайну адресата и позволяет при желании выяснить, кого поддерживает или не поддерживает конкретный гражданин, отправивший письмо в избирательную комиссию» [2, с. 33].

Еще одним важным изменением является дополнение текста Закона № 67-ФЗ ст. 10.1, предоставляющей избирательным комиссиям право откладывать выборы при введении на соответствующей территории режима повышенной готовности.

По мнению В. И. Чехариной, «перенос выборов во время пандемии COVID-19 следует рассматривать как новое правовое явление в новейшей истории, имеющее массовый характер, которое оказывает непосредственное влияние на избирательный процесс, гарантии избирательных прав, способы голосования избирателей, явку и результаты выборов. В то же время это может также повлиять на заинтересованность граждан в проводимых избирательных кампаниях» [3, с. 27].

Данный вывод наглядно показывает двойственность переноса даты проведения выборов в условиях пандемии. С одной стороны, подобная мера направлена на улучшение эпидемиологической обстановки, снижение количества случаев заражения коронавирусной инфекцией. С другой стороны, это автоматически пролонгирует срок полномочий избираемых органов власти и должностных лиц, нарушая принцип периодической сменяемости избираемых представителей власти.

В заключение подчеркнем, что пандемия оказала воздействие на различные сферы деятельности как отдельно взятого человека, так и государства в целом. Исходя из этого необходимо конкретизировать законодательные нормы, принятые в экстренном порядке и создающие пространство для нарушения конституционных прав и свобод граждан, связанных с проведением выборов, обеспечением их законности.

Список источников

1. Колюшин Е. И. Избирательная реформа 2020 года в свете принципов избирательного права // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 12.
2. Бутяйкин И. А. Контроль за голосом избирателя самим избирателем на выборах в Российской Федерации // Право и практика. 2020. № 2.
3. Чехарина В. И. О специфике организации и проведения выборов во время пандемии COVID-19 (некоторые вопросы) // Политика и общество. 2020. № 4.

А. В. Жиляев

Проблемы законодательного регулирования миграционной реформы в Российской Федерации

Ситуация, сложившаяся в России в 90-е гг. прошлого века, характеризовалась появлением массовых миграционных потоков, плохо контролируемых государством. Отсутствие целенаправленной политики в этой сфере привело к возникновению десятков различных сложно систематизируемых нормативных правовых актов, каждый из которых регулировал только свой элемент единой отечественной миграционной системы. Со временем с появлением новых вызовов и угроз российской государственности актуальным стал вопрос о проведении широкомасштабной реформы данной области общественных отношений, в результате этого в марте 2020 г. в рамках реализации Концепции государственной миграционной политики на 2019–2025 годы Президент РФ сформулировал ряд предложений по реформированию миграционных режимов и института гражданства Российской Федерации. Ключевой задачей такой работы стало существенное обновление действующей нормативной правовой базы, имеющее целью повышение эффективности ее реализации. В свете сложности и многоплановости поставленной задачи полагаем, что на первый план должен выйти вопрос об оптимальном сочетании формы и содержания будущих преобразований.

Говоря о законодательном обеспечении реформы, следует подчеркнуть, что в настоящее время сложились самые благоприятные предпосылки для систематизации (с возможной последующей кодификацией) миграционного законодательства. Однако в случае, если встанет вопрос о принятии миграционного кодекса, то будет необходимо решить одну проблему принципиального характера — должен ли он охватывать обе сферы миграции (внутреннюю и внешнюю) или только внешнюю. По нашему мнению, по крайней мере на первом этапе кодекс должен регулировать только вопросы внешней миграции. Очевидно, что ряд действующих федеральных законов затруднительно будет объединить в один правовой акт в ближайшей перспективе. Речь в первую очередь идет о законах о гражданстве РФ и о правовом положении иностранных граждан в РФ. Они регламентируют разные области общественных отношений, далеко не всегда связанные друг с другом и с собственно миграционными процессами. Поэтому с учетом названного контекста необходимо определить частные направления правового регулирования, которые должны быть согласованы друг с другом и в целом укладываться в него. С формально-

юридической точки зрения они должны быть отражены в отдельных разделах (главах) кодекса.

За основу следует взять действующие федеральные законы о правовом положении иностранных граждан в РФ, о миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в РФ и о порядке выезда из РФ и въезда в РФ, а также иные нормативные правовые акты, регулирующие ключевые аспекты миграционно-правовых отношений.

Открытым остается вопрос о возможности (целесообразности) включения в миграционный кодекс положений законов о беженцах, о вынужденных переселенцах и о государственной политике РФ в отношении соотечественников за рубежом. Сферу вынужденной миграции можно признать в достаточной степени обособленной, для того чтобы она регламентировалась отдельно, с самостоятельной систематизацией.

В структуру кодекса, на наш взгляд, следует ввести общую и особенную части. Общая часть должна включать в себя следующие положения: понятийный аппарат (в том числе определение основных видов миграции и их классификацию); принципы миграционной политики и управления миграционными процессами; основные направления миграционной политики и международного сотрудничества России с зарубежными государствами в области миграции; критерии разграничения предметов ведения и полномочий различных властных структур, представляющих все уровни организации власти, по решению данных задач; миграционные режимы и основы правового статуса разных категорий субъектов миграционно-правовых отношений. Внимание при этом необходимо уделить вопросам правового закрепления системы, структуры и общей компетенции федеральных органов исполнительной власти, уполномоченных на осуществление функций по контролю и надзору в сфере миграции.

Особенная часть должна систематизироваться на основе действующего российского законодательства и складывающейся правоприменительной практики с учетом новелл миграционной реформы (в том числе введения новых институтов), а также согласовываться с существующим международно-правовым регулированием миграции, в котором выделяются четыре области правовой регламентации: защита прав мигрантов; защита вынужденных мигрантов; борьба с незаконной миграцией; регулирование миграционных потоков.

В силу значительных масштабов работы допускаем, что весь процесс может быть поделен на стадии. Например, на первой из них можно принять не миграционный кодекс, а федеральный закон под условным наименованием «О миграции и миграционной системе Российской Федера-

ции». Уже это будет движением вперед и позволит решить сразу многие проблемы. Например, исключить имеющееся дублирование отдельных правовых актов и ликвидировать пробелы правового регулирования, характерные для некоторых институтов миграционного права. Кроме того, десятки указов президента и постановлений правительства перестанут вторгаться в поле законодательной деятельности и займут подобающее им место подзаконных актов. Окончательным же итогом реформы должна стать всеохватывающая нормативная база, позволяющая эффективно регулировать такого рода общественные отношения, в том числе с учетом меняющейся обстановки.

Е. С. Зайцева

Возможности использования современных правотворческих технологий для установления пределов правового регулирования

В настоящее время существует достаточное количество процедур, методов, средств, выработанных юридической наукой и практикой, нацеленных на повышение эффективности правотворческого процесса. Многие из них тесно связаны между собой и могут быть рассмотрены как самостоятельные правотворческие технологии.

Являясь разновидностью юридической технологии, правотворческая технология выступает в качестве системы последовательных мыслительных и внешне актуализированных действий и операций субъектов правотворчества, направленных на достижение и решение поставленных целей и задач, осуществляемых с использованием различных средств, правил, приемов, способов и методов. Среди существующих правотворческих технологий можно выделить те, которые напрямую связаны с установлением пределов правового регулирования. К их числу следует отнести, прежде всего, юридическое прогнозирование и правовой эксперимент.

Юридическое прогнозирование — это научно-практическая деятельность по выявлению тенденций развития сферы правового регулирования и возможных вариантов правовых решений и действий [1, с. 6]. Необходимо отличать два уровня юридического прогнозирования, вызванных спецификой его объектов. Первый уровень прогнозирования определяется социальной обусловленностью права и предполагает выявление общественных отношений, имеющих правовую природу, и следовательно, требующих правового регулирования (сфера правового

регулирования). На данном уровне юридическое прогнозирование предполагает анализ меняющихся объекта и сферы правового регулирования, для того чтобы правильно закрепить его предмет. Когда предмет правового регулирования определен и содержание правовых норм нашло свое отражение в законопроекте, возникает потребность в изучении юридической и социальной эффективности права, его институтов и норм, что составляет второй уровень прогнозирования. Таким образом, юридическое прогнозирование как средство установления пределов сферы правового регулирования предполагает перманентный анализ развития общественных отношений в целях выявления и коррекции вектора дальнейшего правового развития.

Тесно взаимодействующей, но в то же время самостоятельной правотворческой технологией является *правовой эксперимент*, выступающий как организованная правотворческим органом апробация предполагаемых нововведений в ограниченном масштабе для проверки эффективности, полезности и экономичности экспериментальных правовых норм и отработки оптимальных вариантов будущих правотворческих решений общего действия [2, с. 99]. По своей сути *правовой эксперимент* — это опытная проверка результатов прогнозирования.

Правовой (правотворческий) эксперимент нужно рассматривать как полевой (натурный) эксперимент, наряду с лабораторным, вычислительным, естественным, другими экспериментами в системе методов социально-правового экспериментирования. Особенность этого вида эксперимента заключается в том, что он одновременно выступает и методом научного исследования, и способом практического освоения действительности [3, с. 33].

Рассматривая правовой эксперимент как правотворческую технологию, направленную на установление пределов правового регулирования, следует отметить необходимость использования решающего, а не уточняющего эксперимента. Именно решающий эксперимент предполагает оценку инновационной идеи, допускает проверку нескольких вариантов решения одной и той же проблемы, что позволяет определить социальную обусловленность вводимых правовых новелл [3, с. 42–43]. Эта социальная обусловленность напрямую вытекает из правовой природы общественных отношений, которую можно определять в том числе и посредством эксперимента. Уточняющий эксперимент, когда вопрос о социальной обусловленности решен заранее и речь идет об уточнении и корректировке некоторых деталей [3, с. 42], такого значения для установления пределов правового регулирования не имеет.

Сегодня практика использования правового эксперимента нашла отражение во введении особых экспериментальных правовых режимов, связанных с разработкой и внедрением цифровых инноваций, которые должны создаваться в целях формирования новых видов экономической деятельности, развития конкуренции, расширения состава, качества и доступности товаров, работ и услуг, повышения эффективности государственного и муниципального управления, обеспечения развития науки и социальной сферы, совершенствования общего регулирования [4, с. 13].

В заключение обратим внимание на две ключевые проблемы: первая заключается в том, что возможности, которые дают правотворческие технологии для установления пределов правового регулирования, применяются не в полном объеме. Вторая — это формальный подход к их использованию. Любая технология может быть эффективной только тогда, когда у всех субъектов, вовлеченных в правотворческий процесс, есть понимание, что их деятельность социально значима и от ее результатов зависит благополучие общества в целом и каждого гражданина в отдельности.

Список источников

1. Тихомиров Ю. А. Прогнозы и риски в правовой сфере // Журнал российского права. 2014. № 3.
2. Черногор Н. Н., Залоило М. В. Актуальные проблемы правотворчества : учеб. пособие. М., 2018.
3. Лапаева В. В. Научное обеспечение правотворческих экспериментов // Проблемы совершенствования советского законодательства : сб. ст. М., 1988. Вып. 41.
4. Черногор Н. Н., Залоило М. В. Метаморфозы права и вызовы юридической науке в условиях пандемии коронавируса // Журнал российского права. 2020. № 7.

М. А. Засыпкин

Нормотворческая деятельность Президента РФ в сфере обеспечения национальной безопасности

В механизме государственной власти Президенту РФ отведена особая роль. Как глава государства он реализует функции управления, в том числе и в сфере обеспечения национальной безопасности, которая в настоящее время приобретает особый приоритет.

Конституция РФ, Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» закрепили за Президентом РФ полномочия по определению основных направлений государственной политики в области обеспечения безопасности. В установленном Конституцией РФ порядке он должен принимать меры по охране суверенитета РФ, ее независимости и государственной целостности, поддерживать гражданский мир и согласие в стране, обеспечивать согласованное функционирование и взаимодействие органов, входящих в единую систему публичной власти.

Полномочия по обеспечению национальной безопасности Президент РФ реализует в основном вне рамок законодательного процесса. В ходе нормотворческой деятельности он принимает непосредственное участие в создании правовых норм, их изменении или отмене.

Результатом нормотворческой деятельности Президента РФ является издание указов как нормативного, так и ненормативного характера.

В частности, Президент РФ путем принятия указов утверждает (одобряет) Стратегию национальной безопасности Российской Федерации, иные концептуальные и доктринальные документы, разрабатываемые Советом Безопасности РФ.

Принятие Президентом РФ указов на основании Конституции РФ и федерального законодательства имеет важное значение для конкретизации и процедурного обеспечения национальных интересов.

Так, введенные в действие указами Президента РФ документы в сфере обеспечения национальной безопасности нацелены на реализацию основных направлений государственной политики в области национальной безопасности. Одним из направлений государственной политики является гарантия прав и свобод человека и гражданина.

В целях регулирования санитарно-эпидемиологической обстановки населения на территории РФ в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19) в соответствии со ст. 80 Конституции РФ Президент РФ принял ряд указов [1; 2; 3], на основании которых на высших должностных лиц субъектов РФ была возложена обязанность по разработке и реализации комплекса ограничительных и иных мероприятий. В итоге в каждом регионе была сформирована система ограничений и запретов, связанная с противодействием распространению коронавирусной инфекции. Введение данной системы значительно повлияло на условия реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина. Однако указанные ограничительные меры в первую очередь были направлены на сохранение жизни и здоровья граждан.

К числу актов Президента РФ ненормативного характера в сфере обеспечения национальной безопасности следует отнести указы, на основании которых назначается и освобождается от исполнения должностных обязанностей высшее командование Вооруженных Сил РФ; назначаются на должность после консультаций с Советом Федерации РФ и освобождаются от должности федеральные министры (обороны, внутренних дел, юстиции, иностранных дел, предотвращения чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий), директор Федеральной службы безопасности.

В настоящее время можно констатировать, что система обеспечения национальной безопасности РФ нуждается в совершенствовании нормативно-правовых и институциональных аспектов.

Так, борьба с распространением коронавирусной инфекции показала, что в правовой системе РФ отсутствует надлежащая правовая база, закрепляющая особый правовой режим функционирования органов власти, входящих в единую систему публичной власти, для введения системы ограничительных мер, адресованных гражданам и организациям.

Нормотворческая деятельность Президента РФ в сфере обеспечения национальной безопасности в этих условиях направлена на поддержание правовых и институциональных механизмов национальной безопасности, а также ресурсных возможностей государства и общества на уровне, отвечающем национальным интересам страны.

Список источников

1. *О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)* : указ Президента РФ от 2 апреля 2020 г. № 239. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. *О продлении действия мер по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)* : указ Президента РФ от 28 апреля 2020 г. № 294. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. *Об определении Порядка продления действия мер по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения в субъектах Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)* : указ Президента РФ от 11 мая 2020 г. № 316. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

А. Т. Карасев

Некоторые вопросы о конституционной юстиции в субъектах РФ в свете поправок в Конституцию РФ 2020 г.

Идея выделить из сферы единой государственной власти различные ветви, на которые возлагались бы обязанности по осуществлению определенных функций, зародилась достаточно давно и получила теоретическое обоснование еще в древние времена.

Так, Аристотель считал, что государственная власть имеет различные стороны и каждая из них представлена органами, выражающими соответствующее назначение: власть, обсуждающая и решающая общегосударственные вопросы; власть правительственная и власть судебная.

Это означает, что государственная власть в сфере государственно-правовых отношений выполняет специфические задачи и функции. Поэтому вполне обоснованно Конституция РФ в ст. 10, закрепляя принцип разделения властей, выделяет в системе государственной власти такую, как судебная власть, а в главе 7 конкретизирует саму систему судебной власти, определяя в качестве ее элемента Конституционный Суд РФ. При этом в ст. 11 уточняется, что и в субъектах РФ осуществляется государственная власть, которую реализуют образуемые субъектами органы государственной власти. Соответственно и в субъектах РФ должны быть органы не только законодательной (представительной) и исполнительной власти, но и органы судебной власти.

Создатели теории разделения властей придавали суду первостепенное и самостоятельное значение в обеспечении законности и справедливости при условии, если судебная власть не будет зависеть от других (Платон, Ш. Монтескьё, М. И. Свешников, С. А. Котляревский и др.). Все это говорит о том, что судебная власть, являясь одним из продуктов осуществления принципа разделения властей, по своим функциональным признакам представляет собой государственную власть со всеми присущими ей атрибутами. Наличие такой власти в субъектах — это и теоретическая, и практическая задача, позволяющая обеспечить защиту прав и свобод человека, законность и справедливость на соответствующей территории.

В качестве третьей ветви власти в субъектах и предполагалось создание конституционных (уставных) судов, выполняющих задачу сдерживания неправомерных действий как законодательных и исполнительных органов власти субъектов, так и органов местного самоуправления.

Принятый в 1996 г. Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (далее — ФКЗ о судебной системе) (ст. 2) включил данные суды в судебную систему и уточнил, что к судам субъектов РФ относятся конституционные (уставные) суды субъектов РФ. Главной особенностью формирования органов конституционной юстиции в субъектах было то, что это инициатива самих субъектов РФ, тем более что ст. 27 указанного Закона устанавливала, что конституционный (уставный) суд может создаваться субъектом РФ. Это диспозитивная норма, которая предоставляла субъектам право, а не обязанность на такие действия. Следует отметить, что такие суды имеются и в других федеративных государствах [1, с. 123–124; 2].

Опираясь на Конституцию РФ, ФКЗ о судебной системе, Свердловская область в Уставе от 23 декабря 2010 г. закрепила не только принцип разделения властей, но и в ч. 2 ст. 9 уточнила, что государственную власть в области осуществляют: Законодательное Собрание; Губернатор, Правительство, Уставный суд и мировые судьи. При этом необходимо отметить, что создание Уставного суда в Свердловской области было предусмотрено в Уставе области еще в 1994 г., а Закон «Об Уставном суде» вступил в силу в мае 1997 г., сам же суд начал свою работу только в марте 1998 г. Такие суды действовали в 15 субъектах РФ, 28 субъектов предусмотрели в своих основных нормативных актах формирование таких судов, но не сделали этого. Остальные субъекты об уставных судах и не упоминали. Но даже создавшие уставные суды субъекты не всегда положительно относились к их деятельности, что приводило к их упразднению, например, в Челябинской области [3, с. 36–40; 4, с. 138–142].

Принятые в 2020 г. поправки в Конституцию РФ (ч. 3 ст. 118) закрепили судебную систему РФ, в которой конституционным (уставным) судам субъектов места не нашлось. Вся надежда была на то, что в действующем ФКЗ о судебной системе такие суды останутся. Но принятая в декабре 2020 г. поправка исключает норму о праве субъектов РФ создавать конституционные (уставные) суды и, соответственно, о том, что данные суды являются элементом судебной системы РФ. При этом отмечается, что полностью эта норма утратит силу с 1 января 2023 г. В данном законе субъектам предоставляется право создавать конституционные (уставные) советы, действующие при законодательных (представительных) органах государственной власти субъектов. Что это будут за органы, какой будет их статус? Почему о них говорится в ФКЗ о судебной системе, если они не будут выполнять судебные функции? Здесь законодатель пошел по пути образования в законе правовой не-

определенности, в надежде, что в будущем она разрешится. В тех же субъектах, где такие суды есть, весьма неоднозначно восприняли норму о конституционных (уставных) советах. Так, по мнению общественно-го советника губернатора Свердловской области А. Гайды, нет смысла создавать такой совет в Свердловской области, так как имеется институт регионального законодательства, который вполне может справиться и с функциями уставного совета. На аналогичной позиции настаивает и директор Института регионального законодательства области. При этом в Свердловской области сохранили Уставный Суд до 1 января 2023 г., как это и предусматривается в ФКЗ о судебной системе, сократив число судей до трех человек.

В Республике Татарстан такой совет уже создали. Каким будет результат его деятельности, по какому пути пойдут другие субъекты РФ — покажет время.

Список источников

1. *Кряжков В. А.* О конституционных судах земель Германии // Государство и право. 1995. № 5.
2. *Белослудцев В. И., Зимин А. В., Зайко Т. М., Карасев А. Т.* Правовой контроль за соблюдением основных прав и интересов граждан и юридических лиц в практике различных государств : науч.-практ. пособие. Екатеринбург, 1999.
3. *Карасев А. Т., Савоськин А. В.* К вопросу об упразднении Уставного суда Челябинской области // Проблемы права. Международный правовой журнал. 2014. № 2.
4. *Карасев А. Т., Савоськин А. В.* Нужна ли конституционная юстиция в субъектах Российской Федерации // Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства : сб. науч. тр. Казань, 2016. Вып. XI.

О. А. Кожевников

К дискуссии о нормативной основе местного самоуправления в формирующейся единой системе публичной власти в Российской Федерации

2021 г. — очередная точка исторического этапа исполнения принятых в 2020 г. поправок в Конституцию РФ. Одним из главных направлений стала нормативная реализация нового для текста Конституции РФ конституционно-правового термина «система публичной власти».

В обновленном тексте Основного закона вопросы организации и функционирования публичной власти нашли свое отражение во многих статьях. Так, положения, касающиеся организации публичной власти, отнесены к предметам ведения Российской Федерации (п. «г» ст. 71 Конституции РФ). Состав единой системы публичной власти и ее цель определены в ч. 3 ст. 132 Конституции РФ. Полномочия Президента РФ по обеспечению согласованного функционирования и взаимодействия органов, входящих в единую систему публичной власти, закреплены ч. 2 ст. 80 Конституции РФ, а полномочия по формированию Государственного Совета РФ нашли свое отражение в п. «е.5» ст. 83.

Нельзя не отметить, что внедрение в текст Конституции РФ термина «публичная власть» несомненно потребовало его расшифровки и нормативной регламентации, поскольку ранее ни в научной литературе, ни в нормативной практике этого не было.

Например, в научных работах советского периода у одних авторов публичная власть отождествлялась с общественной. Так, профессор Л. А. Григорян писал, что «термин „публичная власть“ означает всего лишь „общественная власть“. А общественная власть существует во всяком обществе» [1, с. 17]. В работах других исследователей публичную власть рассматривали как синоним государственной и политической власти. Профессор А. И. Ким утверждал, что «общественная и публичная власть не тождественны; тождественны же публичная и государственная власти, порожденные политическими отношениями» [2, с. 65].

В работах более близкого к настоящему времени периоду также не наблюдается единства в понимании структуры и содержания публичной власти. Например, А. А. Югов отмечает, что публичная власть «...есть система всеобщего участия населения в решении совместных дел» [3, с. 12] В. Е. Чиркин подчеркивает: «публичная власть — это разновидность социальной власти, возникающая в „территориальных объединениях людей“, имеющая „общий, общественный, а не частный характер“. Это территориальные публичные коллективы... Власть в таком коллективе предназначена сохранять и охранять коллектив» [4, с. 9].

К сожалению, законодатель, развивая положения обновленного текста Конституции РФ, не только не внес какую-то определенность в понимание категории публичной власти, но и еще более усугубил ситуацию. В качестве яркого примера можно привести положения ч. 3 ст. 132 Конституции РФ, устанавливающей, что органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в РФ, и ст. 2 Федерального закона от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ

«О Государственном Совете Российской Федерации», в которой под единой системой публичной власти понимается совокупность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ, иных государственных органов, органов местного самоуправления, а ст. 1 Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (далее — Закон об общих принципах организации публичной власти) в состав единой системы публичной власти включены уже органы государственной власти, иные государственные органы, органы местного самоуправления.

Представляется, что «разногласица» федерального законодателя не только не соответствует неоднократно изложенным позициям Конституционного Суда РФ в части возложения обязанности на законодателя соблюдать однозначность, ясность и непротиворечивость правового регулирования, но и способствует развитию и так весьма дискуссионной проблематики о месте отдельных органов власти в единой системе публичной власти. Это в полной мере относится и к органам местного самоуправления, самому близкому к населению уровню власти.

Как было отмечено ранее, ч. 2 ст. 132 Конституции РФ включила органы местного самоуправления, наряду с органами государственной власти, в единую систему публичной власти для осуществления взаимодействия, направленного на наиболее эффективное решение задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории. Таким образом, основной целью формирования единой системы публичной власти заявлено взаимодействие в интересах населения, при этом очевидно, что законодатель не совсем удачно сформулировал указанную норму, применив конструкцию, которая также не имеет своего единообразного понимания — «взаимодействие».

Совершенно иной подход законодатель демонстрирует в п. 2 ст. 2 Закона об общих принципах организации публичной власти, указывая, что органы, входящие в единую систему публичной власти в субъекте РФ, осуществляют взаимодействие в целях создания условий для обеспечения устойчивого и комплексного социально-экономического развития в пределах территории субъекта РФ. Полагаем, что «взаимодействие в интересах населения» и «создание условий для обеспечения устойчивого и комплексного социально-экономического развития в пределах территории субъекта Российской Федерации» не являются тождественными категориями как по смыслу, так и по содержанию.

В настоящее время на рассмотрении в Государственной Думе РФ находится законопроект № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», в котором в очередной раз законодатель изменяет понятие «местное самоуправление». В законопроекте под указанной конституционно-правовой категорией предлагается закрепить форму самоорганизации граждан в целях самостоятельного решения вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения (вопросов местного значения). В связи с этим возникает вопрос: если местное самоуправление определяется как самоорганизация для самостоятельного решения вопросов обеспечения жизнедеятельности населения, то как заявленная в Конституции РФ и Законе об общих принципах организации публичной власти цель единой системы публичной власти — взаимодействие — будет соотноситься с понятием местного самоуправления? Пока трудно себе представить взаимодействие органов федерального и регионального уровня для самоорганизации граждан в целях самостоятельного решения ими вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения.

Это только некоторые примеры весьма дискуссионного подхода к формированию нормативной основы единой системы публичной власти и ее роли в развитии местного самоуправления как одного из уровней публичной власти. Избранный законодателем путь формирования законодательства о единой системе публичной власти посредством применения правовых категорий, не имеющих своего единообразного понимания ни в юридической науке, ни в нормативной практике, очевидно ведет к ослаблению конституционных основ народовластия, что в конечном итоге может стать причиной значительного снижения гарантии прямого действия всех положений Конституции РФ в совокупности, в том числе и в части гарантированного самостоятельного осуществления на всей территории местного самоуправления.

Список источников

1. Григорян Л. А. Советы — органы власти и народного самоуправления. М., 1965.
2. Ким А. И. Государственная власть и народное представительство в СССР. Томск, 1975.
3. Югов А. А. Правовые основы публичной власти в Российской Федерации : монография. Екатеринбург, 1999.
4. Чиркин В. Е. Публичная власть в современном обществе // Журнал российского права. 2009. № 7.

В. Н. Козлов

Новые вопросы конституционного контроля в Российской Федерации

Конституция РФ устанавливает существующее взаимодействие социальных сил, которые в свою очередь требуют политического господства. Поскольку это соотношение меняется естественным образом, никакая письменная конституция не может выполнять эту функцию без изменения текста, учитывая как объективные, так и субъективные условия. Поэтому эффективность работы нашей Конституции обуславливается внесением поправок. Необходимо отметить, что Конституционный Суд РФ (далее — КС РФ) принял более 10 решений, которые относятся к толкованию Конституции РФ, в свою очередь, любое толкование рассматривается как поправка.

Основная компетенция КС РФ — решение о конституционном статусе законов (законность) и другие меры по исправлению положений, которые содержат в себе определенные характеристики. Например, ограниченный и всесторонний контроль.

В случае доказательства всестороннего и ограниченного контроля, а также эффективных вопросов КС РФ можно обратиться к отдельным решениям:

1) от 31 октября 1995 г. № 12-П по делу о толковании ст. 136 Конституции РФ: какими должны быть наименование и правовая форма документа, содержащего поправку к Конституции;

2) от 23 марта 1995 г. № 1-П по делу о толковании ч. 4 ст. 105 и ст. 106 Конституции РФ: распространяется ли 14-дневный срок, установленный для рассмотрения и одобрения федеральных законов в Совете Федерации РФ, на федеральные законы по вопросам, перечень которых дан в ст. 106 Конституции РФ;

3) от 12 апреля 1995 г. № 2-П по делу о толковании ч. 3 ст. 103, ч. 2, 5 ст. 105, ч. 3 ст. 107, ч. 2 ст. 108, ч. 3 ст. 117, ч. 2 ст. 135 Конституции РФ:

а) тождественно ли общее число депутатов Государственной Думы РФ ее численному составу, определенному ч. 3 ст. 95 Конституции РФ, либо оно означает число фактически избранных депутатов, за исключением тех, чьи полномочия на момент голосования прекращены в установленном порядке;

б) является ли указание на общее число членов Совета Федерации РФ и депутатов Государственной Думы РФ основанием для принятия решений на базе суммы голосов членов обеих палат Федерального Собрания РФ;

4) от 16 июня 1998 г. № 19-П по делу о толковании отдельных положений ст. ст. 125, 126, 127 Конституции РФ: вытекает ли из ст. ст. 125, 126, 127 (ныне исключена) Конституции РФ полномочие судов общей юрисдикции и арбитражных судов проверять конституционность нормативных актов и признавать их утратившими юридическую силу или это является исключительной компетенцией КС РФ;

5) от 14 июля 1997 г. № 12-П по делу о толковании содержащегося в ч. 4 ст. 66 Конституции РФ положения о вхождении автономного округа в состав края, области: каков характер отношений между двумя субъектами Федерации в случае вхождения одного в другой;

6) от 11 декабря 1998 г. № 28-П по делу о толковании положений ч. 4 ст. 111 Конституции РФ: вправе ли Президент РФ вновь представить отклоненную Государственной Думой РФ кандидатуру Председателя Правительства РФ; каковы правовые последствия трехкратного отклонения Государственной Думой РФ одной и той же кандидатуры на указанную должность.

Изменения и дополнения имеют равное общественно-политическое и конституционное значение с начальными этапами принятия конституции, поэтому им посвящен отдельный раздел действующей Конституции РФ, в частности, глава 9 «Конституционные поправки и пересмотр Конституции». Необходимо отметить ст. 134, так как она определяет, кто вносит предложения о поправках и положениях. Конституция РФ не предусматривает, чтобы поправки и положения регламентировались другими нормативными правовыми актами. Однако они регулируются Федеральным законом от 4 марта 1998 г. № 33-ФЗ «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации» (далее — Федеральный закон № 33-ФЗ). Системообразующее значение для всех последующих решений имеет норма ст. 2 Федерального закона № 33-ФЗ, согласно которой:

— поправки к главам 3–8 Конституции РФ принимаются в форме закона о поправке к Конституции РФ;

— под поправкой к Конституции РФ в указанном законе понимается любое изменение текста глав 3–8 Конституции РФ: исключение, дополнение, новая редакция какого-либо из положений названных глав Конституции РФ. Одним законом о поправке к Конституции РФ охватываются взаимосвязанные изменения конституционного текста.

Закон о поправке к Конституции РФ получает наименование, отражающее суть поправки.

Необходимо перейти к сути данной статьи и ответить на вопросы о конституционном контроле поправок и положений в России.

Что предполагают соответствующие поправки, внесенные в Государственную Думу РФ в виде Закона о поправке в Конституцию РФ? Появилось достаточно важное изменение, касающееся полномочий КС РФ, связанных с возможностью КС РФ по запросу Президента РФ рассматривать закон до его подписания главой государства. С одной стороны, можно было бы приветствовать такого рода полномочия, поскольку подразумевается, что КС РФ может фактически признать, что закон не соответствует Конституции РФ и отправлять его на доработку, на исправление конституционно-правовых дефектов. Но на практике существует очень большой риск, что это полномочие будет использовано политическими ветвями власти для того, чтобы легитимировать наиболее неоднозначные законодательные реформы, например, закон о суверенном интересе.

Кроме того, есть еще одна опасность поправок. Дело в том, что если допустить возможность КС РФ высказываться о его конституционности до вступления закона в силу, возникнет ситуация, когда КС РФ окажется связанным своими правовыми позициями: например, по жалобам граждан ему будет гораздо сложнее рассматривать вопросы и принимать взвешенные решения.

Мы понимаем, что у КС РФ в настоящее время существует весьма сомнительное полномочие — проверять возможность исполнения и неисполнения в соответствии с Конституцией РФ решений международных органов по правам человека. Данная формулировка «по правам человека» исчезает из всей конструкции и получается так, что фактический любой орган, который действует на основании международного договора и принимает какие-либо решения в отношении РФ, попадает в ситуацию, когда его решение может быть формально признано неисполнимым в РФ. Один из самых важных вопросов, возникающих в связи с конституциональной реформой: может ли сделать что-то КС РФ для того, чтобы вмешаться в эту ситуацию, повлиять на возможность принятия этих поправок или отклонить их. Сегодня у КС РФ таких полномочий нет и, более того, в 2014 г., когда был упразднен Высший арбитражный суд РФ, в КС РФ обращалась группа депутатов Государственной Думы РФ с просьбой проверить конституционность самого упразднения. КС РФ отказался принимать запрос к рассмотрению и указал, что полномочие проверки вновь вносимых в Конституцию изменений на соответствие основам конституционного строя должно принадлежать именно КС РФ, но такое полномочие не предусмотрено ни в Конституции РФ, ни в федеральном конституционном законе, поэтому суд посчитал невозможным выйти за рамки

формальности и отказался рассматривать вопрос, указав федеральному законодателю о наделении КС РФ таким полномочием.

На основании поправки количество судей Конституционного Суда сокращается с 19 до 11. Законотворческая процедура в отношении федеральных конституционных законов и федеральных законов дополняется возможностью Президента обратиться в КС РФ с запросом о поправке конституционности одобренного Парламентом закона до его подписания. В случае подтверждения конституционности закона Президент РФ подписывает его. Если же КС РФ не подтвердит конституционность федеральных конституционных законов и федеральных законов, то глава государства возвращает закон в Государственную Думу РФ.

Необходимо затронуть риски, которые возможны при внесении поправок: КС РФ будет использоваться другими органами для легитимации неоднозначных конституционных реформ, а поправки ограничивают возможности КС РФ.

Для выяснения всех вопросов, связанных с проведением голосования, после завершения КС РФ в России оно соответствует общепринятым демократическим стандартам, воле народа и не может рассматриваться как нарушение положений Конституции РФ, а также ст. 2 Закона о поправке, которая направлена на эффективное проведение голосования и предназначена для подготовки, организации и решения вопросов для обеспечения удобства граждан, их волеизъявления.

В результате оценки всего комплекса поправок и положений, которые нашли отражение в Законе о поправках, КС РФ пришел к выводу и вынес соответствующее заключение: порядок вступления в силу ст. 1 Закона о поправке соответствует Конституции РФ; не вступившие в силу положения Закона о поправке соответствуют положениям глав 1, 2, 9 Конституции РФ.

Общепринято, что все поправки предлагаются для поддержки тех, кто осуществляет государственную власть в течение последних десяти лет. Эволюционное развитие российской Конституции идет полным ходом, так как поправки и положения, вносимые в Конституцию и осуществляющие конституционный контроль, — это усиление конституционного строя.

Избирательные права граждан в современных условиях

В настоящее время почти все стадии участия граждан в выборном процессе связаны с сетью Интернет. Это и информирование избирателя о проходящих выборах, и предвыборная агитация, и дистанционное электронное голосование. В сети Интернет сложилась комплексная информационная инфраструктура, позволяющая получать сведения практически по всем областям знаний. В последние годы изменились не только количество пользователей сети в России, но и их предпочтения. С появлением Интернета наибольшей популярностью пользовались различные развлекательные ресурсы, а сегодня востребованы страницы с полезной информацией, в том числе политической.

Справочные сайты, содержащие статистические данные о регионе, об избирателях, представляют собой в сети Интернет уникальный ресурс.

В мире идут споры о безопасности, достоверности результатов выборов, проведенных через глобальную сеть посредством дистанционного электронного голосования.

Формированию собственной точки зрения избирателя, разработке модели рационального выбора с помощью Интернета способствует, с одной стороны, получение большого количества информации о выборах из разных источников, с другой стороны, различные формы представления этих сведений (текстовые, аудио- и видеофайлы, графика). Сеть Интернет значительно расширяет возможности общения участников избирательного процесса и постепенно превращается в арену информационной войны. Многие источники информации можно рассматривать с политической точки зрения, их влияние на поведение избирателей неоспоримо.

Говоря о содержании специализированных сетевых ресурсов, используемых участниками избирательного процесса, можно выделить следующие группы:

- официальные сайты органов государственной власти;
- страницы избирательных комиссий, призванные публиковать официальную информацию о выборах (например, справки о кандидатах, об избирательных участках, о результатах выборов и т. д.);
- сайты политических партий и кандидатов, основная задача которых — агитация и привлечение новых избирателей, а также информирование о проводимых ими пресс-конференциях;
- опросные сайты, предлагающие проголосовать за какого-либо кандидата или предложить своего. Это своеобразные тренинги по

голосованию, результаты которых обычно контролируют владельцы сайта, а затем создают псевдорейтинги для упомянутых на нем кандидатов;

— аналитические сайты, где представлены различные политические силы (их агитационные материалы, интервью с лидерами, оценки экспертов и др.), а также заказные и незаказные предвыборные материалы СМИ.

Информация об избирательных комиссиях субъектов РФ размещена на сайте Центральной избирательной комиссии РФ (далее — ЦИК России). Самостоятельные интернет-сайты имеют только одиннадцать избирательных комиссий из 85 [1].

Большинство этих сайтов содержат разделы со сведениями о составе избирательной комиссии субъекта РФ, нормативно-правовой базе, ходе и результатах федеральных, региональных и местных выборов в регионе (в виде таблиц, диаграмм, графиков, карт), архивные данные, ссылки на интернет-ресурсы ЦИК России и избирательных комиссий других регионов.

В заключение отметим, что в настоящее время необходимо развивать формы участия граждан в избирательных отношениях через информационно-телекоммуникационную сеть Интернет с соблюдением оптимального правового компромисса между возможностью доступа к данным технологиям и соблюдением конституционных принципов участия в выборах.

Список источников

1. URL: <http://www.cikrf.ru/> (дата обращения: 20.09.2021).

К. И. Корсун

Местное самоуправление и гражданское общество в России: проблемы и перспективы становления

Современное гражданское общество представляет собой многомерное политическое, общественное, а порой и экономическое явление [1, с. 83]. Можно с уверенностью сказать, что это самоорганизующееся общество способно контролировать власть, самостоятельно решать определенные вопросы и действовать на общее благо. Только сознательные, политически активные, свободные граждане своей страны могут создать наиболее рациональную форму общественной коллективной жизни. Обращение правового государства невозможно без существования гражд-

данского общества, которое выступает в качестве предпосылки развития такого государства.

Российская Федерация, безусловно, является правовым государством, поддерживающим демократические ценности, признающим права и свободы человека высшей ценностью, а их соблюдение и защиту — обязанностью государства. Однако сформировано ли в России гражданское общество или процесс его становления еще не завершен — вопрос, который до сих пор остается дискуссионным.

Считаем необходимым отметить, что гражданское общество предполагает не столько равенство членов общества в каждой из сфер, сколько равенство возможностей для реализации прав и свобод его членами.

О том, что местное самоуправление выступает институтом гражданского общества, у российских ученых споров не вызывает. Так, по мнению И. К. Коломиец, «...местное самоуправление является средой формирования гражданской инициативы, ... стратегическим, долгосрочным инструментальным механизмом развития гражданского общества...» [2, с. 10]. В свою очередь Н. А. Старжинский отмечает, что «развитое местное самоуправление является условием формирования ... гражданского общества», при этом он подчеркивает, что эффективным местное самоуправление может быть «... только если существует сильная гражданско-общественная основа самоорганизации...» [3]. Принцип самоорганизации выступает ведущим при становлении как местного самоуправления, так и гражданского общества.

Формирование и развитие местного самоуправления и гражданского общества предполагают наличие самостоятельных и активных граждан, где Конституция РФ и отраслевое законодательство представляют собой правовую основу и создают предпосылки желаемого порядка общественных отношений, складывающихся в процессе их реализации. Важнейшим условием взаимодействия и развития правового государства и гражданского общества является гарантированность реального соблюдения государством прав и свобод личности.

Кроме того, по степени сформированности местного самоуправления и гражданского общества можно судить о состоянии общества в целом, его интересах, настроениях, отношении к действующей власти. И государство должно постоянно отслеживать реакцию общественности на действия и решения, исходящие от властных структур различных уровней, а также общую удовлетворенность граждан существующей правовой реальностью. Полагаем, что государственные и муниципальные органы как представители народа должны не только поддерживать, но

и прививать гражданам с ранних лет стремление проявлять инициативу и участвовать в разрешении вопросов, имеющих государственное значение.

Однако в настоящее время все чаще затрагивается проблема ограничения самоорганизации институтов гражданского общества, и в первую очередь это касается местного самоуправления. Так, ограничение прямых выборов глав муниципальных образований, участие органов государственной власти в формировании органов местного самоуправления, упразднение муниципальных образований без одобрения местного сообщества — все это ведет к недоверию местной власти и оторванности ее от населения, а затем — к дестабилизации гражданского общества, и так сформированного не в полной мере.

Безусловно, создание сильного гражданского общества зависит не только от степени развитости местного самоуправления. Проблемы, на наш взгляд, имеют более глубокий характер, и основной из них является низкий уровень правосознания и политической культуры граждан. Воспитание гражданина — патриота своей страны, заинтересованного в управлении делами государства на всех уровнях власти, — важная задача не только государства, но и общества в целом. Ведь низкая социальная активность граждан, а также преобладание частных интересов над общественными чаще всего связаны с низким уровнем правосознания. В связи с этим крайне важным видится принятие Основ государственной политики РФ в области правовой культуры и правового сознания граждан, для реализации которых целесообразно разработать государственную программу Российской Федерации «Комплексное развитие правового сознания и правовой культуры населения».

Отметим, что в настоящее время гражданское общество в России еще развивается. Главными сдерживающими факторами, как было сказано, выступает низкий уровень правосознания и правовой культуры российского населения. Для практической реализации, наряду с повышением уровня правосознания и правовой культуры граждан, необходимо заинтересовать население в участии в управлении делами государства, в том числе посредством местного самоуправления, а для этого органам государственной власти нужно разработать механизмы самоограничения от чрезмерного вмешательства в интересы местной власти.

Список источников

1. Усватов И. С. К вопросу о структуре гражданского общества: определение понятия института гражданского общества // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 4.

2. Коломиец И. К. Местное самоуправление как механизм формирования гражданского общества. URL: <http://diss.rsl.ru> (дата обращения: 20.10.2021).

3. Старжинский Н. А. Местное самоуправление в условиях формирования информационного и гражданского общества. URL: <http://diss.rsl.ru> (дата обращения: 21.10.2021).

О. А. Ладыгина

Права, законные интересы и правовые преимущества в структуре правового статуса личности (по законодательству Республики Казахстан)

В эпоху глобализации возрастает роль правового статуса личности в решении актуальных проблем человеческой цивилизации. Правовой статус включает в себя права, интересы, свободы и обязанности человека и гражданина. В последние годы происходят кардинальные изменения как в мировой правовой системе, так и в правовой системе Республики Казахстан (далее — РК). Они послужат основой для защиты, обеспечения и развития прав человека. С одной стороны, это процесс интеграции и регионализации, основанный на мировой глобализации, с другой, внутриполитические и либеральные реформенные процессы в РК.

В полном объеме правовой статус человека и гражданина регулируется всей совокупностью нормативных актов, действующих в стране.

В структуру конституционного статуса личности как юридического понятия входят: статус человека и гражданина, которые проявляются во всех сферах реализации правосубъектности личности; гражданство; основные права, свободы, законные интересы и обязанности; гарантии правового статуса.

Принцип правового статуса личности — это признаваемые и охраняемые государством и правом руководящие идеи, исходя из которых осуществляется использование прав и свобод человека и гражданина, и выполнение им обязанностей [1].

Значение конституционных принципов заключается в том, что они определяют основные черты правового статуса всех членов общества, распространяются на все без исключения права и обязанности, независимо от того, в какой отрасли права они закреплены.

Наивысшей ценностью в правовом государстве выступают права и свободы человека и гражданина. Чем более развито гражданское общество в государстве, тем выше значимость прав.

На протяжении веков одно государство сменяло другое, создавались и уходили в небытие различные империи, центр мировой политики смещался с одного континента на другой. Однако центральным компонентом всегда оставался человек, который боролся и отстаивал свои права и свободы.

Идея естественных прав человека, данных ему от рождения, постепенно сформировалась в четкую концепцию, которая на сегодняшний день является универсальным принципом международного права и подчеркивает ее значимость для всего мирового сообщества.

Дошедшие до нас исторические документы показывают, что на различных этапах развития правам человека уделялось отдельное внимание. Права закреплялись как в международных соглашениях, так и в национальном законодательстве.

После обретения независимости РК стала полноправным членом международного сообщества, но это не значит, что идея прав и свобод человека на международном уровне автоматически была перенесена в правовую систему Казахстана. Внутри государства были свои предпосылки к развитию концепции прав и свобод человека.

В настоящее время Казахстаном ратифицирован весь международный билль о правах человека.

Правам и свободам человека и гражданина посвящен раздел 2 Конституции РК, содержащий 30 статей, в целом соответствующих международным нормам по правам человека.

Международные положения нашли свое отражение в Конституции РК. Так, согласно ст. 1 «Республика Казахстан утверждает себя демократическим, светским, правовым и социальным государством, высшими ценностями которого являются человек, его жизнь, права и свободы» [2].

Политика современного Казахстана в целом направлена на реализацию этой нормы. Существуют некоторые проблемы по присоединению РК к международным договорам, в том числе в области защиты прав человека, так как в правовую систему государства входят только ратифицированные международные договоры. Прежде чем их ратифицировать, Конституционный Совет дает заключение на соответствие их Конституции РК. В связи с этим Второй факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах, направленный на отмену смертной казни, Казахстаном был ратифицирован лишь 2 января 2021 г. с оговоркой: «Республика Казахстан в соответствии со статьей 2 Второго факультативного протокола оставляет за собой право примене-

ния смертной казни в военное время после признания виновным в совершении особо тяжких преступлений военного характера, совершенных в военное время» [3]. Это является большим достижением для страны. Всего Казахстан ратифицировал около 90 договоров, направленных на защиту прав человека.

Оценивая исторический опыт международного регулирования прав и свобод человека, следует учитывать, что развитие соответствующего международно-правового института отражает процессы, свойственные национальным правовым системам и степени эффективности внутреннего механизма защиты прав и свобод. Государственное регламентирование в этой области обнаруживало чрезвычайное разнообразие, а потому характерной чертой стало отсутствие совместимых друг с другом стандартов провозглашения и обеспечения прав личности. Не было основы для разработки общих принципов такого юридического регулирования на международном уровне.

Несмотря на то, что Казахстан присоединился ко многим международным договорам, имплементировав их нормы в национальное законодательство, достиг определенных результатов в обеспечении прав и свобод человека, остается еще ряд серьезных проблем. Они заключаются в их гарантированности в социальной сфере, охране прав человека от преступных посягательств, от произвола и нарушений со стороны государственных структур, в том числе правоохранительных органов.

Список источников

1. Конституционный статус личности. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30464840&pos=4;-59#pos=4;-59 (дата обращения: 10.12.2021).

2. Конституция Республики Казахстан. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005029#pos=13;-55 (дата обращения: 10.12.2021).

3. О ратификации Второго факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, направленного на отмену смертной казни : закон РК от 2 января 2021 г. № 404-VI. URL: https://online.zakon.kz/m/Document/?doc_id=34469292 (дата обращения: 10.12.2021).

А. А. Морозов

Свобода совести в России в первые десятилетия XXI века: тенденции законодательной и правоприменительной практики

Право на свободу совести в российском законодательстве в основных своих характеристиках сложилось в 1990-е гг., получив гарантии в Конституции РФ 1993 г. и основное свое содержание в Федеральном законе от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и религиозных организациях».

За последние десятилетия возник обширный корпус научных публикаций, анализирующих различные аспекты проблематики свободы совести в России в связи с законодательной и правоприменительной практикой. Они отражают и различные подходы к пониманию свободы совести, и политико-правовые изменения, затрагивающие условия реализации свободы совести в современном российском обществе.

Для определения тенденций в развитии правовой регламентации и правоприменительной практики необходимо дифференцировать содержание права на свободу совести, в которой можно выделить четыре основных компонента: исповедовать единолично или совместно с другими людьми любую религию или не исповедовать никакой, иметь любые убеждения; менять свои убеждения; распространять свои религиозные или иные убеждения; действовать в соответствии с ними.

Возможность исповедовать единолично или совместно с другими людьми любую религию или не исповедовать никакой, иметь любые убеждения в целом сохраняется. Вместе с тем в некоторых случаях возникают серьезные проблемы.

Во-первых, значительным драматизмом отличается ситуация, сложившаяся вокруг последователей учения Свидетелей Иеговы после решения Верховного Суда РФ (далее — ВС РФ) от 20 апреля 2017 г. № АКПИ17-238, ликвидировавшего религиозную организацию «Управленческий центр Свидетелей Иеговы в России» (деятельность организации запрещена на территории Российской Федерации) и входящие в ее структуру местные филиалы. Это решение не предполагало преследования адептов, продолжающих исповедание веры. Однако несколько сотен верующих в итоге были привлечены к ответственности за продолжение деятельности запрещенной организации. Правоприменительная практика вызвала необходимость новых разъяснений Пленума ВС РФ, в которых излагалось, что следует считать продолжением или возобновлением противоправной

деятельности запрещенной организации [1]. Результатом стал оправдательный приговор одному из свидетелей Иеговы во Владивостоке в ноябре 2021 г.

Во-вторых, в некоторых публикациях отмечается акцент российского законодательства на защите свободы вероисповедания, при котором за скобками остаются внерелигиозные формы мировоззрения [2, с. 30]. Для объединения на их основе не предусмотрены специальные юридические формы.

Наличие права иметь любые убеждения и менять их в любой момент не претерпевает особых изменений. Наши внутренние убеждения, не высказанные публично, остаются достоянием нашей личной жизни. Российское государство в настоящее время далеко от тоталитарного стремления регламентировать сферу личной жизни и личных убеждений, если они не проявляют себя в общественных отношениях.

Возникают разнообразные коллизии относительно права распространять свои религиозные или иные убеждения. Во-первых, оно ограничивается рядом исключений, связанных с распространением экстремистских идей и террористической практики, защитой конституционного строя, а также общественной нравственности. Во-вторых, возникают проблемы в связи с появлением норм об оскорблении религиозных чувств верующих. В-третьих, появление в Федеральном законе «О свободе совести и о религиозных объединениях» новой главы III.1 «Миссионерская деятельность» в 2016 г. фактически стала вмешательством государства во внутриконфессиональные процессы. Прежде всего это касается крупных религиозных организаций. Верующие, не согласные с позицией руководства организации, фактически не могут заниматься миссионерской деятельностью и вообще высказываться от имени своей религии, так как не получают соответствующих документов. В-четвертых, в межрелигиозной конкуренции указанный Закон, по замечанию А. А. Исаевой, с одной стороны, создавал нормативную основу для развития различных верований и конфессий, действующих в стране, с другой — предусмотрел механизмы, позволявшие в случае необходимости воспрепятствовать распространению отдельных верований [3, с. 17].

И наконец, обеспечение права гражданина действовать в соответствии со своими убеждениями является, пожалуй, самой сложной задачей, стоящей перед государством. Она заключается в достижении «паритета между всеми претензиями, основанными на соображениях совести и религиозных убеждениях, при одновременном ограничении вреда, который могут причинить эти исключения» [4, с. 45]. Постепенное решение этой задачи осуществляется Российским государством.

Список источников

1. О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 октября 2021 г. № 32. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/30487/> (дата обращения: 10.12.2021).

2. Афанасьев С. Д. Ценностные аспекты свободы совести в решениях конституционных судов России и Германии // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 2.

3. Исаева А. А. Правовые основы религиозной безопасности в информационном пространстве российского общества // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 10.

4. Маркова Е. Н. Отказ от исполнения правовой обязанности по соображениям совести и религиозным убеждениям: критерии оценки и защита убеждений личности // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 3.

Г. Е. Москаленко

К вопросу о вкладе С. А. Муромцева в формирование основ российского конституционализма

Современные дискуссии о конституционной реформе в России актуализируют обращение к идейному наследию одного из основоположников российского конституционализма — С. А. Муромцева. Председатель первой Государственной Думы и выдающийся теоретик права являлся признанным главой конституционного движения России конца XIX–начала XX вв., отстаивающим идеи правового государства, конституционной монархии и народного представительства. Однако долгое время конституционный проект, разработанный отечественным правоведом, не мог быть обсужден открыто или обнародован. Такая возможность появилась лишь в период первой русской революции, когда конституционный проект С. А. Муромцева был изложен в его статье «К вопросу об организации будущего представительства», опубликованной в газете «Русские ведомости» от 6 июля 1905 г.

Проект Основного закона содержал сто тринадцать статей, объединенных в шесть разделов:

1. «О законах».
2. «О правах российских граждан».
3. «Учреждение Государственной Думы».

4. «О министрах».
5. «Об основах местного самоуправления».
6. «О судебной власти».

Согласно проекту Российская империя должна была представлять собой дуалистическую монархию с сильной исполнительной властью, находящейся в руках монарха, и двухпалатным парламентом. Данные положения могут характеризовать автора как умеренного конституционалиста, который почему-то не создал отдельный раздел, посвященный монархической власти и ее прерогативам. Следует отметить, что такие разделы были абсолютно типичными для конституций монархических государств того времени. Несмотря на это, содержание проекта С. А. Муромцева позволяет реконструировать прерогативы монарха на основе анализа имеющихся разделов.

Особое внимание отечественный правовед уделил третьему разделу (в него вошли 52 статьи из 113), посвященному парламенту, — Государственной Думе, состоявшей, по замыслу автора, из двух палат (земской палаты и палаты народных представителей). С. А. Муромцев отмечал, что Государственная Дума «...образуется собраниями, доверием народа облеченных, избранных от населения лиц, призываемых сим избранием к участию в осуществлении законодательной власти и в делах высшего государственного управления» [1, с. 389]. Важно отметить, что создание земской палаты существенно отличало проект мыслителя от монархических конституций зарубежных стран, для которых было характерно наличие верхней палаты, состоящей из представителей аристократии. Земская палата формировалась посредством избрания гласных городскими думами, а также губернскими и областными земскими собраниями; палата народных представителей — всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. Пассивным избирательным правом обладали граждане страны мужского пола, достигшие 25-летнего возраста и способные по состоянию здоровья осуществлять обязанности народного представителя.

В своем проекте С. А. Муромцев осветил положения, регламентирующие неприкосновенность членов Государственной Думы, которые не могли быть задержаны без разрешения палаты, даже при наличии неопровержимых доказательств, свидетельствующих о причастности народного представителя к совершенному преступлению.

Характерной чертой проекта стала разработка теории и практики местного самоуправления, базисом которого являлось местное земское самоуправление, построенное на основе демократических выборов.

Достаточно сжато и расплывчато был составлен шестой раздел проекта, касающийся судебной власти. Он включал пять статей, провозгласивших прежде всего принципы независимости и несменяемости судей.

Таким образом, в проекте четко прослеживался принцип разделения властей на исполнительную, законодательную и судебную. Достаточно подробно регламентировались личные права граждан, содержание которых соответствовало отечественной либеральной традиции начала XIX в.

Проект Основного закона имел важное значение для развития теории и практики конституционного движения в Российской империи начала XIX в. Содержание проекта позволяет отнести его автора к крылу умеренных либералов, стоявших на позициях плавного преобразования страны от абсолютной к дуалистической монархии и построения правового государства. Несмотря на ряд недостатков данного проекта, следует отметить, что он стал одним из немногих наиболее системных и разработанных конституционных документов своего времени. При этом мыслитель стремился создать его максимально адаптированным к российским условиям, а не слепо заимствовать зарубежные образцы. Его теоретическое и практическое значение также состоит в том, что он стал основой для деятельности кадетской партии в Государственной Думе.

Список источников

1. Сергей Андреевич Муромцев : сб. ст. К. К. Арсеньева, Н. И. Астрова, С. И. Бондарева, М. М. Винавера, В. Н., Н. А. Гредескула, Н. В. Давыдова, Н. А. Каблукова, А. А. Кизеветтера, Ф. Ф. Кокошкина, С. А. Котляревского, А. Р. Ледницкого, П. Н. Милюкова, В. Д. Набокова, Н. В. Тесленко, А. А. Цурикова, кн. Д. И. Шаховского и Г. Ф. Шершеневича. М., 1911. 419 с.

А. Е. Никитина

Совершенствование деятельности полиции по обеспечению права на свободу совести

Для науки конституционного права актуальной является проблема, посвященная обеспечению прав и свобод, в том числе свободы совести, которая предполагает: индивидуальную или коллективную возможность исповедовать или не исповедовать религию; наличие и реализацию личных религиозных или иных убеждений.

Концепция защиты свободы совести, создание государственных институтов, определение их полномочий по ее охране и защите создают необходимые условия для эффективной реализации конституционного права на свободу совести [1, с. 452]. В настоящее время ведущая роль в обеспечении права на свободу совести отведена полиции, которая выполняет одну из главных задач, — принимает меры, нацеленные на выявление, предупреждение и пресечение злоупотребления правом на свободу совести [2, с. 54].

В условиях глобализации прав и свобод, усложнения межконфессиональных отношений, предполагающих широкий выбор форм поведения, особое место среди полицейских подразделений по охране и защите свободы совести занимает служба участковых уполномоченных полиции (далее — УУП). Сотрудники данного подразделения осуществляют деятельность по организации и проведению профилактических мероприятий, направленных на нейтрализацию и последующее недопущение правонарушений в рассматриваемой сфере общественных отношений. Кроме того, сотрудники данной службы решают общие задачи, в частности, принимают меры по предупреждению и пресечению преступлений и иных правонарушений, выявлению и раскрытию преступлений, ведут прием граждан и др. [3, с. 153].

Основными ведомственными нормативными правовыми актами, регламентирующими деятельность УУП, являются приказы МВД России от 29 марта 2019 г. № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности», утверждающий Инструкцию по исполнению участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности, и от 17 января 2006 г. № 19 «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений», утверждающий Инструкцию о деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений. Исходя из анализа указанных ведомственных нормативных актов, следует констатировать, что в ходе реализации полномочий по обеспечению свободы совести УУП испытывает трудности, которые неблагоприятно отражаются на обеспечении указанного права. Так, УУП должен обладать необходимыми знаниями, касающимися вопросов свободы совести, организовывать и проводить профилактические мероприятия по недопущению проявлений различных форм злоупотреблений правом на свободу совести. В этих целях УУП должен знать свой административный участок, функционирующие на нем религиоз-

ные объединения, осуществлять профилактический обход, проводить индивидуальную профилактическую работу как с лицами, склонными к совершению правонарушений религиозного характера. Как правило, информация о религиозных объединениях, в том числе имеющих деструктивный характер, поступает от жителей. УУП может первым проверить деятельность такого религиозного объединения и при необходимости своевременно передать данные в специализированное подразделение полиции.

Вместе с тем в ведомственных нормативных актах МВД России не конкретизирована деятельности УУП по обеспечению свободы совести. Это свидетельствует о том, что существует необходимость нормативного закрепления оснований деятельности УУП в сфере государственно-конфессиональных отношений, что будет свидетельствовать о наличии дополнительной гарантии реализации свободы совести в РФ.

Список источников

1. Бучакова М. А., Дизер О. А. Совершенствование правового регулирования в сфере общественной нравственности // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2020. Т. 25. № 4(83).

2. Скиданова А. Е. Роль органов внутренних дел в обеспечении права на свободу совести в Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 1(77).

3. Барышников М. В. Административно-правовое регулирование деятельности участкового уполномоченного полиции: проблемы и пути совершенствования // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2020. № 2(83).

А. В. Петров

Национальный шовинизм как вызов принципу федерализма: конфликт витальных и секулярных целей

Факт существования любого государства неразрывно связан с жизнью народов, обитающих на его территории. Эта жизнь с необходимостью пребывает в более или менее уравновешенном состоянии, когда узкие этнические интересы оказываются подчинены общему делу, каковым и выступает государство. Национальный вопрос может решаться разными способами — как компромиссно, так и насильственно, когда его решение связано с физическим истреблением или поражением в правах одного народа другим. В мировой истории найдется немало примеров такого реше-

ния национального вопроса, но все же чаще народы являли добрую волю договариваться, и результатом этих договоров было государственное строительство. Причем государство, будучи построенным, давало себе труд так организовать свою внутреннюю жизнь, чтобы в самих этих правилах содержались механизмы защиты от национальной розни. Федеративный принцип организации государства содержит в себе механизм такого рода, не только позволяя проявляться национальной самобытности народов, но и, самое важное, иметь юридически определенную политическую самостоятельность в пределах федеративного государства.

Федеративное устройство обещает ряд преимуществ, связанных с относительной децентрализацией власти и вовлечением местного общества в управление. Непременным условием существования федеративного государства является равноправие субъектов, входящих в него.

Юридическое равноправие субъектов РФ на деле реализуется весьма неравно, поскольку возможности регионов различны. Экономическое неравенство, особенно ярко заметное при сравнении столиц и провинции (и кричащее при сравнении столиц и заштатной периферии), возбуждает у населения последней чувство несправедливости, так же, как неравенство возможностей, связанное с разной доступностью социальных лифтов, провоцирует социальную рознь. Эта рознь, в общем свойственная всякому классовому обществу, в тяжелых и запущенных формах может поколебать не только социальный мир, но и само государство. Усугубляет ее то обстоятельство, что некоторые субъекты Федерации являются хронически дотационными, тогда как иные, имея развитую финансово-промышленную базу, опосредованно содержат первых. В России к этой группе потребителей относятся в основном национальные республики. По-видимому, сложившаяся в сознании национальных элит картина мало чем отличается от простого тезиса о том, что Федерация за все платит, а сам факт того, что федеральные дотации поступают из года в год полноводной рекой, питает шовинистические чувства.

Национальный шовинизм являет собой довольно архаичный феномен, сопровождавший с древних времен всякий долгоживущий народ. Он исходит из приоритета в национальном сознании витальных целей, связанных с физическим выживанием и сохранением идентичности. Витальные цели всегда господствуют там, где нет общей, наднациональной идеи. Такая идея представляет собой конструкцию иного качества. Она может быть как сакральной — и тогда народы объединяются под общим религиозным символом, так и секулярной — тогда объединение происходит под политическими лозунгами.

В современной стране, прошедшей долгий путь секуляризации культуры, объединяющая идея не может быть сакральной, поскольку она с необходимостью будет этноконфессиональной. Наше отечество имело опыт использования этноконфессиональной идеи в качестве объединяющей (вспомним чеканно-лаконичную формулу графа С. С. Уварова), но ее употребление как руководящего принципа породило великодержавный шовинизм и печальный эпитет насчет народной несвободы, адресуемый России тех лет. Современная Россия отказалась и от имперской, и от советской версий общей идеи, не предлагая взамен ничего, кроме непроговоренной, но живо заявляющей о себе идеи, — идеи личного обогащения. В этих условиях пророс «малодержавный» шовинизм, основывающийся на ложной мысли об историческом успехе малого народа, которая, в свою очередь, основывается на экономической стабильности и том факте, что они не были полностью ассимилированы в прошлом.

Как и всякая форма шовинизма, его «малодержавная» версия близорука, поскольку путает экономическую самостоятельность с хронической дотационностью, на деле свидетельствующей о полной хозяйственной несостоятельности, а богатство и силу национальной культуры, способной противостоять ассимиляции, — с тем, что полная ассимиляция не была целью национальной политики ни в Российской империи, ни в СССР. Впрочем, эта близорукость не мешает шовинистически мыслящей публике демонстрировать пренебрежение не только по отношению к национальным чувствам других народов, населяющих Россию, и в особенности государствообразующего народа, исторически несущего на своих плечах основную тяжесть Русского государства, но и к закону, действующему, по обывательскому мнению, в отношении этнической преступности чересчур мягко.

За примерами, питающими такой ход общественной мысли, можно обратиться к средствам массовой коммуникации, которые в последнее время полнятся новостями об этнической преступности. При этом властная и культурная элита республик, чьи уроженцы все чаще и чаще попадают в криминальные хроники, пытаются не решить эту проблему или хотя бы осудить возмутительное поведение земляков, а создать юридический механизм для ее замалчивания. Ничего, кроме чувства раздражения, такая политика вызывать не может, особенно у народов, привыкших при решении проблем полагаться на закон и правила, а не на силу и наглость. Это чувство более чем резонно, как резонен и возбуждаемый им вопрос: «если федерация — это общее дело, то каков вклад в это дело малых народов, чаще звучащих в полицейских сводках, чем славящихся

достижениями культуры?». Этот вопрос тревожен с точки зрения будущего федеративного государства, и защита этого будущего есть дело бескомпромиссной борьбы с национальным шовинизмом и этнической преступностью, а также паритетного правоприменения без оглядки на национальность.

А. К. Сисакьян

К вопросу о влиянии конституционных ценностей при формировании конституционного правосознания

Сконцентрированные в Конституции РФ ценности есть выражение наиболее значимых для государства явлений наивысшего значения. С учетом наличного уровня национального конституционного правосознания приходится констатировать, что действующей Конституции РФ необходим переход от мифически-эпической заданности к действительно функционирующим юридическим императивам. Провозглашенные конституционные ценности оказались не до конца внедренными в канву государственно-правовых реалий, что как результат приводит к деформациям конституционного правосознания и мнимому конституционализму [1, с. 7]. В контексте конституционно-правового мировоззрения личность ассоциируется с гражданским обществом. С помощью институтов гражданского общества наступает «социализация государственной власти» [2, с. 6].

Как результат конституционных преобразований 2020 г., п. «е.1» ч. 1 ст. 114 Конституции РФ к числу полномочий Правительства РФ относит осуществление мер по поддержке институтов гражданского общества. Столь робкого указания в числе многочисленных полномочий органа государственной власти, по нашему убеждению, недостаточно.

Что вкладывает законодатель в содержание термина «публичная власть»? Народовластие или власть, осуществляемую органами государственной власти и самоуправления? Следуя логике конституционного постулата, что единственным источником власти в РФ является ее многонациональный народ, публичная власть должна реализовываться при содействии со стороны институтов гражданского общества. Тем не менее в Федеральном законе «О Государственном Совете Российской Федерации» [3], где дается легальное определение термина, об участии гражданского общества не говорится ничего.

Актуальной остается ситуация вокруг парламентского и общественного контроля. В Федеральном законе «О парламентском контроле» [4]

перечислены способы его осуществления. Вместе с тем палатам Федерального Собрания РФ в качестве способа ведения названного контроля не предоставлено правомочие по учреждению комиссий парламентского контроля (за исключением парламентского расследования). Выходит, что ни самостоятельно, ни по отдельности палаты парламента обеспечить такой контроль не могут. Анализируя законодательство о парламентском контроле, равно и практику его реализации, складывается ощущение пребывания его в состоянии робкого прозябания.

Осуществление общественного контроля связывают с созданием общественных палат на всех уровнях власти. Их учреждение должно было обеспечить конструктивный диалог между обществом и органами власти. Нужно считать, что именно эта идея легла в основу принятого Федерального закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» [5]. В действительности, органы гражданского контроля если и функционируют, то под контролем и с одобрения публичных органов власти. Получается, что достигнуть ожидаемого паритета частных и публичных интересов так и не удалось. Закрепленный в ч. 1 ст. 7 Конституции РФ постулат о социальной государственности считать реализованным было бы слишком большим преувеличением.

В теории права между провозглашением социальных прав в учредительном документе государства и принятием на себя обязанности по их обеспечению и защите государством стоит знак тождества [6, с. 91]. Удовлетворенность населения состоянием социально-экономической сферы определяет в сознании народа уровень доверия к органам публичной власти, формирует правовые ценности и в целом отношение к государственно-правовой сфере, а значит и формирует конституционное правосознание. Образовавшийся в перестроечные годы вакуум в конституционном правосознании уже несоветских граждан, спровоцированный в том числе по причине самоустранения государства из сфер жизни, где участие его было необходимо, довели общество до состояния социального кризиса. Вероятно потому конституционные преобразования 2020 г., анонсированные главой Российского государства как меры, ориентированные на снижение степени социальной напряженности в обществе, возымели широкий общественный резонанс.

Несостоятельность конституционной социальной поправки п. «ж» ч. 1 ст. 72, связанной с отнесением к совместному ведению РФ и субъектов РФ координации вопросов здравоохранения, в том числе обеспечения оказания доступной и качественной медицинской помощи, продемонстрировал коллапс по случаю объявления пандемии. Была ли

необходимость в обновлении п. «ж.1» ч. 1 ст. 72, ч. 4 ст. 67.1 Конституции РФ? Как именно повлияет на процесс правового регулирования обеспечение достойных условий жизни россиян новое содержание ч. 5 ст. 75, ст. 75.1 Конституции РФ? В условиях отсутствия внутренней согласованности Конституции РФ, непоследовательных действий органов публичной власти по внедрению подлинных конституционных ценностей говорить о формировании достаточного конституционного правосознания преждевременно.

Список источников

1. *Кутафин О. Е.* Российский конституционализм. М., 2008.
2. *Бондарь Н. Ю.* Правовое положение общества в системе социального контроля за деятельностью органов государственной власти в Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2009. № 3.
3. *О Государственном Совете Российской Федерации* : федеральный закон от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. *О парламентском контроле* : федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 77-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. *Об основах общественного контроля* : федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 77-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. *Колесников Е. В., Плотникова И. Н., Старшова У. А.* Становление социального государства в Российской Федерации: проблема развития социальных и экономических прав человека и гражданина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 4.

Н. А. Трусов

Система национальной безопасности России: логика построения, элементы, современное состояние

Национальная безопасность представляет собой сложное системное явление, находящееся под воздействием множества условий и факторов разной природы и характера. Система национальной безопасности включает в себя целый ряд элементов (подсистем, видов), состоящих друг с другом в сложных структурно-функциональных связях. Обеспечение национальной безопасности предполагает достижение безопасности всех ее элементов, но не всегда бывает этому равной.

В юридической науке встречаются разные основания к дифференциации системы национальной безопасности. Основным критерием является объект обеспечения. Действующее законодательство поддерживает сложившийся в науке подход о триедином объекте обеспечения национальной безопасности России: личность, общество и государство. Поэтому собственно обеспечения национальной безопасности России можно достигнуть, только обеспечив безопасность личности, общественную и государственную безопасность.

Основным источником и движущей силой, заставляющей систему национальной безопасности трансформироваться, подстраиваясь под социально-экономические реалии и геополитическую обстановку, являются угрозы национальной безопасности, складывающиеся в разных сферах жизнедеятельности личности, общества и государства. Национальная безопасность в соответствующей предметной сфере составляет самостоятельный элемент системы национальной безопасности России.

Соответствующие элементы (подсистемы) системы национальной безопасности, в зависимости от источника их нормативного закрепления, можно классифицировать на три группы.

1. Конституционные элементы. Получают свое закрепление в Конституции (Основном законе) страны, а затем находят свою конкретизацию в текущем законодательстве. Вследствие того, что конституция в любом государстве выступает самым стабильным нормативным правовым актом, конституционные элементы в системе национальной безопасности также являются самыми стабильными. Они определяют построение системы национальной безопасности страны, по меньшей мере, на период действия ее Конституции (Основного закона).

С момента своего принятия Конституция РФ 12 декабря 1993 г. закрепила пять элементов системы национальной безопасности (безопасность государства, общественную безопасность, безопасность личности, экологическую и военную безопасность), а после конституционной реформы 2020 г. в разряд конституционных были возведены еще две — информационная и международная безопасность.

2. Базовые элементы. Получают свое закрепление в текущем законодательстве о безопасности. В этом смысле они менее стабильны в общей системе безопасности как конституционные.

Ранее действовавший Закон РФ от 5 марта 1992 г. № 2446-1 «О безопасности», вплоть до его отмены действующим одноименным Федеральным законом от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ, дополнительно к конституцион-

ным называл еще семь элементов системы национальной безопасности: информационную и экономическую безопасность, безопасность в сфере охраны здоровья населения и в сфере предотвращения чрезвычайных ситуаций и преодоления их последствий, внутреннюю и внешнюю безопасность, региональную безопасность (безопасность субъектов РФ). Действующий Федеральный закон «О безопасности» не содержит как такового перечня элементов системы национальной безопасности России. Его нормы больше сосредоточены на урегулировании системы обеспечения национальной безопасности.

3. Функциональные элементы. Получают свое закрепление в подзаконных документах стратегического планирования, которые разрабатываются и утверждаются, как правило, субъектом, возглавляющим систему обеспечения национальной безопасности государства. В России это глава государства. Логика в том, что для надежного обеспечения защищенности и устойчивого развития личности, общества и государства в соответствующей сфере их жизнедеятельности система национальной безопасности России должна быть «мобильна», т. е. должна быть готова в максимально короткий срок отреагировать на внезапно возникшую (или потенциально прогнозируемую) угрозу национальной безопасности и нейтрализовать ее.

В настоящее время система национальной безопасности РФ включает 21 подсистему. Дополнительно к конституционным действующая Стратегия национальной безопасности РФ от 2 июля 2021 г. определила такие элементы системы национальной безопасности, как продовольственная, энергетическая, экономическая, радиационная, химическая, гидрометеорологическая и биологическая безопасность, безопасность жизнедеятельности населения, пищевых продуктов и дорожного движения, безопасность проводимых на территории России общественно-политических и иных мероприятий, безопасность, связанную с осуществлением иностранными государствами технической разведки, а также глобальную и коллективную безопасность.

Современное состояние системы национальной безопасности России отражает накопленный ею опыт противодействия существующим и прогнозируемым угрозам ее национальной безопасности.

И. В. Упоров

Местное самоуправление в постсоветской России: от ожиданий начала 1990-х гг. до конституционных поправок 2020 г.

Институт местного самоуправления (далее — МСУ) в современной России развивается очень противоречиво. На рубеже 1990 г. было заявлено его серьезное реформирование, главный вектор которого заключался в расширении самоуправленческой составляющей на местном уровне. Начало было положено принятием в 1990 г. Закона СССР № 1417-1 «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР» с акцентом на формы непосредственной демократии (референдумы, собрания, сходы граждан, территориальное общественное самоуправление»), что отражало соответствующие изменения в Конституции СССР. Однако тогда местные Советы еще не были выведены из общей вертикали единой государственной власти, являясь ее нижним звеном. Затем в Законе РФ от 6 июля 1991 г. № 1550-1 «О местном самоуправлении в Российской Федерации» институт МСУ подвергся существенным организационным преобразованиям, в частности, предусматривалось принятие уставов МСУ, проведение референдумов, обращения в суд, расширение гласности, вместо прежних коллегиальных исполкомов местных Советов, состоявших из местных депутатов, вводился институт местной администрации, глава которой избирался всенародно; но при этом местная администрация, как и ранее исполкомы, также подчинялась вышестоящим органам государства.

В Конституции РФ 1993 г., принятой после распада СССР, на основе признания европейских ценностей реализуется дальнейшая демократизация, в частности, в ст. 12 указывается, что «органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти», в ст. ст. 130–133 определяются основные направления самостоятельной деятельности МСУ. Тем самым органы МСУ впервые оказались вне административного соподчинения с вышестоящими властными госструктурами регионального и федерального уровней, но одновременно на органы МСУ была возложена ответственность за состояние дел в районах, городах и селах. В Федеральном законе от 28 декабря 1995 г. № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» конституционные основы нашли детальное регулирование.

Однако довольно скоро реальная политика, правоприменительная практика стали показывать, что картина в действительности далека от

красивых демократических деклараций. Правящая элита России конца 1990-х гг. явно переоценила потенциал МСУ, полагая, что жители муниципальных образований уже готовы к самостоятельному решению чрезвычайно сложных вопросов на местах (здравоохранение, образование, транспорт, жилищно-коммунальное хозяйство и т. д.), не учитывали, что если раньше, при государственной поддержке всех уровней, эти вопросы решались с трудом, то почему новоявленные муниципалитеты, не имевшие вообще практики самостоятельного публичного управления территорией, смогут это сделать лучше? Не было учтено и то обстоятельство, что большинство субъектов Федерации (края, области), только-только получившие этот статус, также не имели достаточной практики самостоятельного государственного управления. Как следствие — дотационные бюджеты абсолютного большинства муниципальных образований, что определяет зависимость муниципалитетов от региональных властей.

Такое положение изменило государственную стратегию развития МСУ, и с начала 2000-х гг. де-факто был взят курс на его последовательную централизацию (огосударствление) при сохранявшейся де-юре самостоятельности. Так, в новом и пока действующем Федеральном законе от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» были заметно сужены полномочия МСУ, равно как и субъектов Федерации в этой сфере. Одновременно чиновники разного уровня, и прежде всего губернаторы, прямо высказывались, что существующая система МСУ не дает им достаточных возможностей влиять на положение дел в регионе, так как должностные лица МСУ административно не подчиняются губернатору. В публикациях на этот счет имели место острые дискуссии [1, с. 68–71].

И вот эта устойчивая тенденция в 2020 г. обрела некую законченную форму с принятием известных конституционных поправок, и прежде всего в ст. ст. 131 и 132 Конституции РФ. Органы МСУ впервые на конституционном уровне определены как органы публичной власти, в систему которой они входят вместе с органами государственной власти. Последние, в свою очередь, получают право вмешиваться в деятельность МСУ. Это ни в коем случае не говорит об отказе от института МСУ. Но это означает необходимость постепенного внедрения самоуправленческих начал по мере готовности самого гражданского общества, так как в начале 1990-х гг. взятая планка оказалась явно завышенной. Полагаем, что МСУ нужно сохранить на первичных территориях (села, поселки, небольшие города, микрорайоны в крупных городах). А вот на уровне городских

округов и районов МСУ целесообразно трансформировать в государственное управление, тем более что де-факто это уже происходит, с перспективой (вероятно, неблизкой) постепенной передачи полномочий от государства местному сообществу.

Список источников

1. Шугрина Е. С. Новый этап муниципальной реформы или контрреформирование контрреформ? // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 4.

И. К. Харитонов

Реформа конституционного контроля в России

История конституционного контроля в России богата событиями, очень изощрена и тесно связана с национальным конституционализмом, сформировавшимся в бурное время после русской революции. Этот решающий переходный период российской истории (1917–1922 гг.) привел как к созданию государства нового типа, так и к развитию определенных политических и правовых традиций, которые действуют до сих пор.

Основные принципы современного российского конституционного контроля были заложены Конституцией РФ. Согласно официальной юридической оценке А. Н. Медушевского, развитие российского конституционного контроля «происходило в сложной ситуации, связанной со слабым гражданским обществом и расколом российской правящей элиты в результате слишком быстрых и неподготовленных демократических преобразований» [1, с. 12–141]. Аналитик подчеркивает, что Конституция РФ 1993 г. была принята не в результате конституционной реформы, а в результате конституционной революции, в ходе которой победившая партия навязала свою волю проигравшим. Этот факт определил ключевые характеристики российской Конституции.

Но если внедряться в глубь истории, то стоит отметить, что некоторые исследователи утверждают, что Конституция РСФСР 1918 г. установила парламентскую форму конституционного контроля, основанную на принципе, согласно которому вся полнота власти, включая конституционный контроль, должна быть предоставлена высшему представительному органу народа. Конституционная доктрина советской власти, сформулированная М. А. Рейснером, определила место Конституции в Советском государстве.

Он подчеркивал, что советская Конституция четко отражала своеобразное понимание единства государственной власти, позволяющее сосредоточить законодательные, исполнительные и контрольные функции в высших государственных органах в целях революционной целесообразности [2, с. 111]. Ярким примером этого является ВЦИК и его Бюро, которым было предоставлено право отменять любые акты, противоречащие Конституции 1918 г., а также толковать Конституцию как таковую. Совнарком РСФСР также отвечал за предотвращение любых конституционных нарушений.

Позже к конституционному контролю был подключен Верховный Суд, который столкнулся с конституционными нарушениями в деятельности как центральных, так и местных органов власти. Несмотря на то, что практика привлечения Верховного Суда СССР к советскому конституционному контролю оказалась достаточно эффективной, она просуществовала недолго.

В начале тридцатых годов произошли фундаментальные изменения в советском законодательстве, вызванные победой Сталина в драматических межпартийных войнах в период перехода к тотальной коллективизации и форсированной индустриализации национальной экономики. В то время ведущая роль в законотворчестве перешла к партийным аппаратам, включая практику принятия решений как партийными, так и советскими органами. Сталин, обладавший широкой личной властью, не нуждался ни в каком конституционном контроле. Конституция СССР 1936 г. более детально закрепила преобладающий характер общесоюзного законодательства по сравнению с Основным законом 1924 г. Сталинская Конституция не содержала никаких положений, дающих право республиканским органам обжаловать акты, издаваемые всесоюзными властями, как это было в Конституции 1924 г. Основным законом 1936 г. содержал расплывчатое определение конституционного контроля. Так, в Советском государстве конституционный контроль существовал в течение многих лет в формальной имитационной форме, не имеющей реального значения.

Вторая половина 80-х гг. характеризовалась тем, что конституционные нормы стали одним из основных объектов противоречий. Значение конституционных структур еще больше возросло в связи с созданием в СССР института президентской власти. В декабре 1989 г. издан Закон СССР «О конституционном надзоре в СССР», согласно которому был образован Комитет конституционного надзора — квазисудебный орган, частично прикрепленный к парламенту. Комитет прекратил практику из-

дания секретных законодательных актов, влияющих на права граждан; постановил, что ограничения свободы передвижения и выбора места жительства, вытекающие из положений закона, регламентирующих прописку, нарушали Конституцию и международные соглашения о правах человека.

Таким образом, советский период российской государственности породил две модели конституционного контроля, имеющие такие общие характеристики, как осуществление конституционного контроля высшими органами государственной власти без четкого отделения конституционного контроля от любых других функций таких органов государственной власти, включая, в частности, законотворческую деятельность и поддержку законности, а также отсутствие института защиты конституционных прав и свобод граждан в рамках системы конституционного контроля.

Исходя из вышесказанного, можно заключить, что в результате модернизации политико-правовой системы российское общество избрало путь институционализации по европейской модели судебного конституционного контроля. Можно утверждать, что Конституционный Суд РСФСР был прообразом Конституционного Суда РФ (далее — КС РФ), поскольку первый, в отличие от Комитета конституционного надзора СССР и усеченных полномочий Верховного Суда СССР в сфере надзора за соблюдением Конституции СССР 1924 г., уже представлял собой полноценный самостоятельный орган судебной власти, реализующий полномочия в форме конституционного судопроизводства.

Вернувшись в настоящее время, отметим, что одной из потребностей развивающегося российского гражданского общества и в целом правового государства является потребность в конституционном контроле. Важнейшая составляющая механизма реализации права и гарантирования прав и свобод человека и гражданина — это наличие контроля за конституционностью нормативных правовых актов и договоров Российской Федерации. Следовательно, конституционный контроль — это форма правосудия, заключающаяся в проверке конституционности законодательства и правоприменительной практики.

Необходимость конституционного контроля обусловлена наличием Конституции, потребностью действия конституционно закрепленных норм и принципов для установления и поддержания баланса полномочий высших органов власти. Главная задача конституционного контроля — это обеспечение верховенства и стабильности Конституции и, соответственно, сохранение конституционного разделения властей,

гарантирования защиты прав и свобод человека и гражданина. Объектами конституционного контроля выступают парламентские законы, указы и постановления Президента и Правительства, а также законы и постановления субъектов РФ.

В любом развитом конституционном правопорядке, в котором действует конституционный контроль, устанавливается доктрина политических вопросов. Не стал исключением и наш российский правопорядок. КС РФ является юридическим органом, призванным в рамках своих полномочий решать исключительно вопросы права, но не факта и, тем более, не вопросы политики.

КС РФ — первый в истории России судебный орган конституционного контроля. Суд был создан 30 октября 1991 г., он специализируется на вынесении решений относительно конституционности законов. Суд также рассматривает споры, касающиеся компетенции различных органов государственной власти и определенных отношений между федеральным государством и регионами.

Кроме того, КС РФ определяет конституционность международных договоров России до их вступления в силу. Суд рассматривает и другие виды дел, в том числе вопросы, связанные с импичментом федерального Президента. Другие суды могут попросить КС РФ вынести заключение о конституционности закона, применимого к конкретному делу.

Функционирование и компетенция КС РФ регулируются Федеральным конституционным законом от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», который предусматривает суд в составе 19 судей, назначаемых Советом Федерации (Верхней палатой Парламента). Пленарное заседание решает вопросы конституционного контроля, споров по вопросам компетенции государственных органов, импичмента Президента РФ и законодательных инициатив, а также любые другие вопросы, которые были ему переданы в компетенцию.

КС РФ не вправе по собственной инициативе отбирать дела для рассмотрения, требуется заявление (запрос) от одного из следующих органов: Президента РФ, федерального Правительства, Государственной Думы РФ, Совета Федерации РФ, Верховного Суда РФ, регионального законодательного или исполнительного органа.

В рамках своего конституционного контроля КС РФ проверяет законы и постановления с точки зрения как формальных требований, так и материальных норм. Суд стремится поддерживать принципы разделения полномочий между законодательной, исполнительной и судебной ветвями власти, а также соблюдение конституционных принципов

распределения полномочий между государственными органами. Сфера полномочий КС РФ ограничивается рассмотрением вопросов права, и он воздерживается от изучения фактов и обстоятельств дела, если такая деятельность входит в компетенцию другого суда или другого органа.

Прекращение дела или приостановление исполнения судебного решения происходит при обращении в КС РФ.

Так, физическое лицо может подать в КС РФ жалобу на нарушение своих конституционных прав и свобод через суд, который применил якобы неконституционный закон в конкретном деле, касающемся этого лица. Допускаются также коллективные иски группами граждан.

Законы и постановления или их отдельно определенные положения, признанные КС РФ неконституционными, утрачивают силу. Решения вступают в силу немедленно и не требуют подтверждения каким-либо исполнительным или законодательным органом. Законы или постановления, отмененные КС РФ, не могут быть восстановлены путем их повторного издания. Соответствующий законодательный или исполнительный орган обязан адаптировать законы или постановления (решения) для подтверждения постановления КС РФ, а также любых других законов и постановлений, основанных на неконституционном законе или постановлении.

Помимо рассмотрения споров, КС РФ может также давать авторитетные и обязательные толкования Конституции РФ. Такое толкование может быть предпринято только в ответ на обращение Президента РФ, Государственной Думы РФ, Совета Федерации РФ, федерального Правительства или регионального законодательного органа.

В обычных случаях КС РФ принимает решения простым большинством голосов, но для того чтобы заявления о толковании закона вступили в силу, требуется большинство в две трети голосов.

Для предостережения вмешательства органов судебного конституционного контроля в политику была разработана доктрина политических вопросов, которая призвана отсеять или исключить из деятельности КС РФ все вопросы, носившие политический характер. От определения природы вопроса политического или юридического зависят отказ или принятие к рассмотрению дела судом.

Если вопрос по своему характеру является главным образом политическим, то он должен решаться политической властью (законодательной или исполнительной). Если он носит юридический характер, то КС РФ смело принимает его разрешение. Каждый орган судебного комиссионного контроля самостоятельно наполняет смыслом понятие «политический вопрос».

Доктрину политических вопросов КС РФ выстраивал планомерно с самого начала своей деятельности, а именно с постановления 1995 г., следовательно, можно прийти к выводу, что данная доктрина включает в себя два основных элемента.

Во-первых, Конституционный Суд должен воздерживаться от рассмотрения дел, в которых, по сути, преобладают аспекты политической, экономической и иной целесообразности. Политическая, экономическая или иная целесообразность охватывает дела, в которых заявители ставят перед Конституционным Судом вопрос о целесообразности тех или иных подходов в правовом регулировании общественных отношений. В качестве примера можно привести решение КС РФ по определению № 540-О за 2011 г. В данном деле перед КС РФ была оспорена величина коэффициента повышения окладов по штатным должностям и окладов по специальным званиям сотрудников органов внутренних дел. В частности, указывалось, что такая величина не соответствует уровню инфляции, и КС РФ указал, что решение этого вопроса означает оценку целесообразности и экономической обоснованности. Поскольку КС РФ рассматривает исключительно вопросы права, то рассмотреть данное дело по существу он не может.

Во-вторых, КС РФ не может подменять законодателя, поэтому в обращении категорически не рекомендуется ставить вопросы об отсутствии каких-либо норм в законах, необходимости изменений или дополнений правового регулирования, выборе какой-либо модели правового регулирования.

Итак, в современном государстве необходимо обеспечить неукоснительное соблюдение конституции, так как только в этом случае устанавливается порядок, который исследователи определяют, как конституционность. Конституция РФ обязывает все суды соблюдать ее требования (ч. 2 ст. 15), но не любой суд она наделяет правом отправления конституционного судопроизводства (ч. 2 ст. 118, ст. 125 и др.). Конституционный контроль, осуществляемый в России КС РФ и конституционными (уставными) судами субъектов РФ, призван обеспечить содействие реализации Конституции РФ.

Список источников

1. Медушевский А. Н. Конституционные проекты в России XVIII–XX веков. М., 2010.

2. Основы советской Конституции: лекции, читанные М. А. Рейснером на ускоренном курсе Академии генерального штаба Р.-Кр. Армии в 1918/1919 учебном году. М., 1920.

А. В. Честнов

О некоторых проблемах обеспечения конституционных прав человека в деятельности правоохранительных органов

В настоящее время в РФ действует более 700 федеральных законодательных актов, указов Президента РФ, постановлений Правительства РФ, устанавливающих основы организации и деятельности органов внутренних дел (далее — ОВД) и внутренних войск. Важнейшие из них федеральные законы:

- от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»;

- от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения»;

- от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»;

- от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»;

- от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»;

- от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности»;

- от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»;

- от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»;

- от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и др.

Значимым является закрепление в нормах действующего законодательства социальной миссии в деятельности полиции. То есть функции общественной безопасности и защиты возлагаются на органы правопорядка, а сотрудники полиции в своей работе руководствуются общественными интересами. Главным критерием оценки работы подразделения полиции и его руководителя выступает общественное мнение граждан, проживающих на территории обслуживания.

Одной из общих проблем обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина является разделение компетенций структурных подразделений ОВД. Роль правоохранительных органов в обеспечении прав и свобод человека и гражданина определяется главным образом объемом и содержанием компетенции, которая носит сложный, собирательный характер. Она складывается из компетенции, имеющейся

у структурных подразделений, поскольку разделение труда предполагает и разделение компетенции. Вследствие этого ни один территориальный или функциональный орган внутренних дел не может обладать всем объемом полномочий, которым характеризуется система этих органов.

Также к числу таких проблем относится низкий уровень взаимодействия граждан с сотрудниками правоохранительных органов. В целях обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина при расследовании и раскрытии преступлений редко происходит прямой контакт и взаимодействие обеих сторон, что приводит к замедлению достижения целей, поставленных перед правоохранительными органами. По данным ФГКУ «ВНИИ МВД России», отвечая на вопрос о доверии органам внутренних дел в вопросах защиты личных и имущественных интересов за 2021 г., 45,6% опрошенных дали положительный ответ. Несмотря на стабилизацию в 2021 г. значений показателей оценки гражданами РФ деятельности полиции на уровне 2020 г., налицо низкий показатель, что подтверждают приведенные выше утверждения.

Реалии доказывают, что большую часть времени сотрудники правоохранительных органов тратят не на работу, ориентированную на обеспечение прав и свобод человека и гражданина, а на оформление материалов, соблюдение сроков и написание рапортов. Стоит отметить слабую материальную обеспеченность, затрагивающую современные технологии, что позволило бы значительно ускорить процессы заполнения и оформления материалов. Английскому писателю-публицисту Артуру Кларку принадлежит фраза: *«Любая достаточно развитая технология неотличима от волшебства»*. Внедрение в деятельность правоохранительных органов необходимого современного технологического инструментария дает возможность добиться решения нескольких проблем, в том числе — увеличить время на общение, взаимодействие с гражданами, обеспечение конституционных прав и свобод человека и гражданина, раскрытие и расследование преступлений.

С. В. Шевченко

Поправки 2020 г. в Конституцию РФ и международные обязательства России

В последней части своего обращения от 15 января 2020 г. к Федеральному Собранию Президент РФ предложил внести в Конституцию страны ряд поправок. По словам В. В. Путина, данные поправки следует

определить «вполне обоснованными и важными для дальнейшего развития России как правового социального государства, в котором высшей ценностью являются права и свободы граждан, достоинство человека, его благополучие» [1].

Президент заявил о необходимости провести широкое публичное обсуждение предложенных поправок, задав основные направления дискуссии, и только по ее результатам, а также после голосования граждан по всему пакету предложенных поправок принять соответствующие конституционные законы. Ограничение действия норм международных договоров, а также решений международных органов на территории России в случае их противоречия Конституции РФ было поставлено Президентом на первое место. Но, как ни парадоксально, речь пойдет не об этой поправке.

Была сформирована рабочая группа (в составе 75 человек) по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию РФ. В нее вошли видные общественные деятели, представители научных организаций, известные юристы, депутаты Государственной Думы РФ и члены Совета Федерации РФ.

Граждане страны, политические партии, общественные организации, органы государственной власти субъектов Федерации активно включились в процесс обсуждения поправок в Конституцию РФ. И если в президентских предложениях было затронуто только семь вопросов, то в процессе обсуждения новации коснулись более широкого спектра идейно-политических и социальных проблем.

Многие предложения прямо или косвенно требовали внесения дополнительных норм в первую и вторую главы Конституции РФ, что привело бы к необходимости разработки нового документа. В этом отношении Комитет Государственной Думы РФ по госстроительству и законодательству поступил весьма оригинально. Стремясь сохранить неизменность Конституции РФ, но учитывая пожелания российских граждан, указанные предложения были включены в качестве поправок в Главу 3 «Федеративное устройство». Установлен запрет на действия, направленные на отчуждение части территории РФ, а также призывы к таким действиям.

Появилась норма, определяющая брак как союз мужчины и женщины, русский язык назван языком государствообразующего народа. Заявлено, что РФ, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившее-

ся государственное единство (ст. 67¹ (новая статья)) [2, с. 19–22]. Впервые в Конституции РФ упоминается наука: в частности, что в ведении РФ находится установление основ федеральной политики и федеральные программы в области в том числе и научно-технологического развития. В подпункте «е» ст. 71 говорится об установлении единых правовых основ системы здравоохранения, воспитания и образования, в том числе непрерывного образования [2, с. 20]. Часть 5 ст. 75 посвящена вопросам труда. Но ни право на труд, ни право на общедоступное и бесплатное среднее образование в новых положениях не установлены.

Не случайно обращаем внимание на эти два права (право на труд и право на бесплатное среднее образование). Дело в том, что согласно ч. 1 ст. 67.1 Конституции Российская Федерация является правопреемником СССР. Советский Союз в свое время ратифицировал Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., где указанные права человека были закреплены [3]. В Конституции СССР 1977 г. эти права, по крайней мере для граждан Советского Союза, присутствуют (ст. ст. 40 и 45) [4].

Следует оговориться, что право на труд косвенным путем (через право на защиту от безработицы) зафиксировано ч. 3 ст. 37 Конституции РФ. Право же человека на общедоступность и бесплатность среднего общего образования гарантируется Федеральным законом от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». К сожалению, международные обязательства СССР и соответственно России о признании прав человека на труд и на общедоступность и бесплатность среднего общего образования в поправках в Конституцию РФ 2020 г. прямо не отражены.

Список источников

1. *Послание* Президента Федеральному Собранию. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582> (дата обращения: 15.11.2021).
2. *Конституция* Российской Федерации. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. *Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах* от 16 декабря 1966 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. *Конституция* (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Защита прав трудовых мигрантов в процессе формирования трудового потенциала региона

В современной социально-экономической ситуации большое значение имеет определение потенциала развития региона. Это важно для формирования благоприятного социально-экономического климата.

Одной из составляющих, оказывающих существенное воздействие на развитие различных отраслей экономики и региона в целом, выступает трудовой потенциал, под которым понимают совокупность социально-экономических отношений и возможностей трудовых ресурсов. Они мобилизуются в процессе трудовой деятельности с приложением усилий со стороны общества и создают максимальный объем товаров и услуг для эффективного и стабильного развития экономики. Кроме того, трудовой потенциал — это свободный резерв роста трудовых ресурсов региона и повышения эффективности их использования за счет различных факторов, одним из которых является миграция трудовых ресурсов. Так, несмотря на значительный миграционный приток, РФ в целом и ее отдельным регионам для поддержания отдельных отраслей требуется значительное количество рабочей силы, которая могла бы покрываться за счет внутреннего перераспределения трудовых ресурсов, и тогда регионы смогли бы работать без иностранных трудовых мигрантов. Но для этого необходимо подготовить кадры, а на это нужны средства и время [1, с. 12]. Также это может быть реализовано путем привлечения внешней трудовой миграции, наиболее привлекательными для которой в настоящее время стали приграничные территории РФ (Западная Сибирь и Дальний Восток) и крупные развитые города (европейская часть). При этом все более возрастающие миграционные процессы на территории РФ продолжают оказывать влияние на политическую и социально-экономическую сферы жизни путем перераспределения трудовых ресурсов, вызывая ряд трудностей. А пандемия (COVID-19), обнажив прежние проблемы, выявила и новые риски не только для принимающих их регионов, но и для самих трудовых мигрантов.

К основным проблемам, касающимся трудовых мигрантов, выявленным в процессе пандемии, можно отнести: недоступность медицинских услуг; отсутствие жилья; коррупционную составляющую при получении документов на въезд, патента, лицензии; нарушение трудовых прав или потеря работы при невозможности выезда в свою страну

проживания (трудоустройство без оформления трудового договора, задержка или невыплата заработной платы, штрафы, в том числе и незаконные поборы при устройстве на работу). В результате пандемии ряд предприятий прекратили свою деятельность, что привело к массовым увольнениям мигрантов, которые остались без средств к существованию. В дальнейшем это привело к ксенофобии; сверхэксплуатации (около 20% трудовых мигрантов работают более 12 часов в день); низкой социализации и пренебрежении законами страны; проблемам правового характера, связанным с невозможностью переоформить или продлить действие документов.

Все это требует грамотного и безотлагательного решения в части защиты прав и свобод трудовых мигрантов.

В качестве мер по защите можно выделить:

- подготовку нового порядка въезда и выезда на территорию РФ, который обеспечит транспарентный и комплексный подход к миграции, в том числе включающий оформление единого документа — ID-карты личности; дактилоскопию; регистрацию на Портале государственных услуг; ведение реестра недобросовестных приглашающих работодателей;

- создание льготных условий пребывания на территории РФ в части запрета задержания за просроченные документы, выдворение и ограничение въезда в соответствии с Указом Президента РФ от 15 июня 2021 г. № 364 «О временных мерах по урегулированию правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в период преодоления последствий распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» и их продление при ухудшении санитарно-эпидемиологической ситуации;

- обеспечение прав мигрантов и их семей на получение медицинской помощи и посещение дошкольных учреждений, что может привести к росту ксенофобии и нагрузке на социальную сферу [2];

- запрет в объявлениях сайтов по поиску недвижимости на указание предпочтений по цвету кожи, расе и национальности;

- ратификацию Соглашения о пенсионном обеспечении трудовых мигрантов из стран ЕвразЭС и Устава Международной организации по миграции 1953 г., давшего РФ и регионам возможность эффективнее развивать миграционную политику в части формирования трудового потенциала.

Решение данных проблем позволит помочь мигрантам включиться в единое социальное, трудовое и культурное пространство России безболезненно и с меньшими потерями.

Список источников

1. *Юсова Ю. С.* Влияние трудовой миграции на формирование рынка труда : автореф. дис. ... канд. экон. наук. Омск, 2003.
2. *О порядке* выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию : федеральный закон от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КлнсультантПлюс».

РАЗДЕЛ II. РЕАЛИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПОЛОЖЕНИЙ В ОТРАСЛЕВОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

П. А. Астафичев

Судебная форма защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина: приоритеты и проблемы совершенствования

Защита конституционных прав и свобод человека и гражданина является важным объектом конституционно-правового регулирования и, одновременно с этим, серьезной теоретико-методологической проблемой. В научной и публицистической литературе нередко можно встретить упрощенное и вследствие этого ошибочное представление о судебной защите прав человека как о некой обязанности суда «встать на защиту» интересов гражданина как наиболее слабой стороны в процессуальном правоотношении. Однако в действительности обязанность судов защищать права человека должна пониматься скорее в институциональном, чем в каком-либо ином юридическом смысле. Права и свободы человека и гражданина защищает не столько конкретный суд, сколько правосудие и судебная власть в целом: с институциональной точки зрения суды должны быть организованы таким образом, чтобы создавались полноценные гарантии реализации права каждого человека на жизнь, на достоинство, на свободу и личную неприкосновенность, избирательные права и т. п. Но это вовсе не означает, что при прочих равных условиях суд должен занять правовую позицию в пользу гражданина, являющегося носителем конституционных прав и свобод, в ущерб материально-правовым интересам его процессуального оппонента.

Если суд выступает действительно независимым и беспристрастным, как того требует Конституция РФ, он не должен придерживаться заранее предустановленной позиции. В состязательном процессе победу одерживает тот субъект, который представит суду более убедительные доказательства и сможет опровергнуть доводы противоположной сторо-

ны. Нормативное содержание ст. 2 Конституции РФ в данном случае, на наш взгляд, не имеет никакого конкретного отношения к обстоятельствам рассматриваемого судом дела. Вместе с тем следует признать, что конституционные права и свободы человека и гражданина сами по себе весьма конкретны. Их строго формализованный каталог имеется в тексте главы 2 Конституции РФ, причем граждане и их объединения вправе ссылаться на данные нормативные положения при обнаружении предполагаемого нарушения их прав, требуя эффективной и полноценной судебной защиты. Каким же образом можно увязать друг с другом эти в значительной степени конкурирующие конституционно-правовые ценности? Является ли конституционная правозащитная функция судов главным образом институциональной или процессуально обязывающей?

Ответ на поставленную группу вопросов следует искать в отечественных правовых традициях, установлениях действующего законодательства и практике зарубежных стран, а также международных организаций. Так, Европейский суд по правам человека уполномочен на установление факта нарушения Конвенции о защите прав человека и основных свобод, причем его юрисдикционно-правоприменительная функция, по сути, этим исчерпывается, хотя она и оказывается весьма действенной ввиду высокой степени правовой определенности. Такого нельзя сказать об имеющихся в современной России судебно-процессуальных механизмах защиты прав и свобод человека и гражданина.

В уголовном и административно-деликтном процессах возможна конкретная защита конституционных прав человека, судом даже устанавливается факт соответствующего правонарушения. Но цель уголовного и административно-деликтного процесса — не защита прав человека и не восстановление в правах, но уголовное или административное наказание, применяемое строго в публичных интересах. В гражданском и арбитражном процессах допустимо если не полное восстановление в нарушенных правах, то справедливая и равноценная денежная компенсация причиненного вреда. Однако конституционные права и свободы человека и гражданина защищаются здесь исключительно в той мере, в какой они признаны одновременно нематериальными объектами гражданско-правового свойства. Непосредственное же применение в гражданском и арбитражном процессах норм главы 2 Конституции РФ без их адекватной трансформации в объекты гражданских прав и обязанностей выглядит решительно невозможным. Несмотря на очевидный прогресс, данную проблему в целом не удалось решить и посредством принятия Кодекса административного судопроизводства РФ. По указанной группе

причин вопрос о судебной защите конституционных прав и свобод человека и гражданина неизбежно переносится на почву проблем организации конституционного (уставного) правосудия либо специализированных судов по правам человека.

Конституционное правосудие на федеральном уровне в СССР (Комитет конституционного надзора) и в современной России (Конституционный Суд) уже имеет продолжительную историю. За эти годы оно в целом зарекомендовало себя как весьма эффективный и общественно полезный институт, что оказалось достижимым во многом благодаря конституционно-процессуальной форме последующего судебного контроля и юридической допустимости принятия к производству юридических дел по жалобам граждан и их объединений (главным образом юридических лиц). В данном случае не так важно, что основной процессуальной формой здесь выступает проверка конституционности закона, который применен в конкретном деле заявителя, причем критерием допустимости обращения в Конституционный Суд РФ является проигранный процесс в ординарном суде. Тем самым, конечно, создается значительный входной «фильтр» для рассматриваемых дел заявителей, но без него обойтись невозможно вследствие законодательного требования рассмотрения дел в Конституционном Суде РФ полным коллегиальным составом судей.

Если бы этот правозащитный судебный инструментарий дополнить правом ординарных судов признавать факты нарушений конституционных прав и свобод человека и гражданина во всех случаях, когда это не входит в компетенцию конституционного (уставного) правосудия, процесс институционализации судебной защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина можно было бы считать развивающимся в надлежащем направлении. В целом такие тенденции и наблюдаются в России. Однако вследствие конституционных поправок 2020 г. в правовой системе государства возникли два новых обстоятельства, которые если не препятствуют этому, то, во всяком случае, могут быть использованы в целях нейтрализации или существенного ограничения сложившегося за последние несколько десятилетий механизма судебной защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина. Это, во-первых, предварительный конституционный контроль, во-вторых, упразднение конституционных (уставных) судов субъектов РФ и их трансформация в конституционные либо уставные советы как внесудебные органы конституционного (уставного) контроля.

Учреждение предварительного конституционного контроля требует активного обсуждения в современной юридической науке. Возмож-

но, даже более активного, чем какие-либо иные актуальные проблемы. С одной стороны, не следует исключать право Президента РФ на обращение в Конституционный Суд РФ во всех случаях, когда глава государства сомневается в конституционности законопроекта. Это дополнительный «рычаг» в конституционном механизме «сдержек и противовесов», который следует, по логике, только приветствовать (ведь Президент РФ не самолично принимает важнейшее решение по вопросу законодательной политики, но дополнительно опирается на мнение компетентных в конституционной юриспруденции лиц, которые к тому же наделены судебной властью и официальным статусом судей). С другой стороны, здесь прослеживаются очевидные риски лишения рядовых граждан имеющих-ся правозащитных судебных механизмов ввиду правила о преюдиции: если Конституционный Суд РФ уже занял правовую позицию о конституционности законопроекта по запросу Президента РФ, он уже не вправе (при прочих равных условиях, если к тому не будет особых оснований) принимать к своему производству дело о конституционности того же законопроекта. Во всяком случае, если в порядке предварительного нормоконтроля была сформулирована правовая позиция по той законодательной норме, конституционность которой намерен оспаривать соответствующий гражданин.

Тенденция к расширению предварительного нормоконтроля прослеживается и в организации публичной власти на уровне субъектов РФ. Приходится с сожалением констатировать, что целенаправленно прекращают свое действие конституционные суды республик в составе Федерации, причем происходит это не по причине добровольного волеизъявления самих субъектов федеративного государства, но ввиду обновленного законодательного регулирования, якобы направленного на реализацию конституционных поправок 2020 г.

Подчеркнем, что в новой редакции Конституции РФ нет указания на исчерпывающий перечень судов судебной системы РФ и федеральный законодатель вовсе не обязывался обновленной Конституцией РФ к такому жесткому политико-правовому решению. Во всяком случае конституционные суды республик в составе Федерации (где они имелись) следовало бы сохранить.

Другой вопрос заключается в практической целесообразности уставного правосудия в других субъектах РФ (городах федерального значения, краях, областях и автономных образованиях). Уставные суды субъектов РФ в течение последних десятилетий представляли собой такую экзотическую редкость, что во многом неудивителен массовый отказ от этого

института и как следствие — прямое федеральное волеизъявление. Однако вместо упразднения вполне возможной была бы модернизация. Это позволило бы в значительной степени расширить имеющийся в современной России судебный правозащитный потенциал.

Т. О. Атанова

Обеспечение прав и свобод граждан при применении мер административного принуждения

Конституция РФ закрепляет, что права и свободы человека определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием. Эти конституционные положения основаны на международных договорах, которые выступают частью правовой системы РФ и ставят в качестве важнейшей задачи государства и общества содействие уважению основных прав и свобод человека и обеспечение их путем национальных и международных прогрессивных мероприятий, всеобщего и эффективного признания и осуществления.

Нормы Конституции РФ и международных договоров нуждаются в дальнейшей конкретизации и обеспечении со стороны других отраслей законодательства, что реализуется, в частности, принятием и действием положений административного права. В современный период развитие административного права требует коренного переосмысления многих его положений, на первый план должны быть выдвинуты такие проблемы, как механизм обеспечения прав, свобод и достоинства личности.

Чаще права и свободы граждан ограничиваются или даже ущемляются со стороны исполнительных органов власти, поскольку необходимость вступать в правоотношения с ними возникает куда чаще, чем с иными государственными органами. В связи с этим значимость в настоящее время приобретает исследование проблем содержания правового института административного принуждения. Очевидно, что административное право демократического государства формируется в том числе и для общественного контроля за деятельностью государственных органов в целях надлежащего соблюдения ими прав, свобод и законных интересов граждан. Не вызывает возражений и то, что даже во многом реформированное сегодня административное право выступает результатом деятельности самой государственной администрации. В связи с этим в настоящей статье уделено внимание применению мер административ-

ного принуждения с позиций эффективной защиты и соблюдения прав и свобод лиц, в отношении которых эти меры применяются.

Анализ практики показывает, что применение мер административного принуждения должностными лицами государственных органов исполнительной власти, а в особенности сотрудниками полиции, нередко происходит с произвольным и расширительным толкованием своих полномочий по предупреждению правонарушений, поддержанию общественного порядка и борьбе с преступностью.

Исследовательский интерес к проблемам принудительных средств воздействия государства на общественные отношения вообще и административного принуждения в частности, а также развитие правовых институтов ответственности в административном, налоговом, бюджетном и процессуальном законодательстве обусловлены целым рядом причин, основными из которых, как и в других сферах правового регулирования, являются экономические, политические и правовые.

Изменение российского законодательства о принудительной деятельности государственных органов происходит сегодня быстрее, чем когда бы то ни было. Несмотря на развитие законодательства и науки, до сих пор не выработаны единые подходы к пониманию и сущности принудительных средств воздействия государства на общественные отношения.

Таким образом, административное принуждение представляет собой один из отраслевых видов правового принуждения со своими особенностями, оно применяется чаще, чем иные виды принуждения и отличается разнообразием внешних форм проявления. Административное принуждение может быть регламентировано лишь федеральными законами, поскольку только они могут ограничивать права и свободы граждан (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ). Однако в настоящее время это положение Конституции РФ часто не соблюдается, что выступает одной из серьезных проблем законности применения мер административного принуждения.

В. В. Бабурин

Проблемы уголовно-правового обеспечения ч. 2 ст. 45 Конституции РФ

Конституция РФ, закрепляя наиболее существенные права человека и гражданина, в ч. 2 ст. 45 предусматривает конституционные основы защиты гражданами своих законных интересов, в том числе путем самозащиты, даже с возможным причинением ущерба общественным

отношениям. Установленное положение о том, что «каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом», находит дальнейшую реализацию в нормах уголовного права, которое регулирует вопросы не только уголовной ответственности, но и исключения уголовной ответственности за правомерное причинение вреда общественным отношениям. Одним из известных случаев таких уголовно-правовых норм является ст. 37 «Необходимая оборона», введенная в главу 8 «Обстоятельства, исключающие преступность деяния» УК РФ.

В статье отмечается, что «не является преступлением причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны, то есть при защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства». Названная статья присутствует в УК РФ с момента его принятия в 1997 г., а в данной редакции действует с 2002 г. Характеризуя реальное состояние уголовно-правового регулирования порядка самозащиты законных интересов обороняющихся от общественно опасных посягательств на их интересы и практику применения правоохранительными органами ст. 37 УК РФ для защиты обороняющихся лиц от обвинения в совершении при этом преступления в отношении нападающих преступников, следует признать, что они далеки от совершенства.

В юридической литературе постоянно упоминается, что установленное в ч. 2 ст. 45 Конституции РФ право на самозащиту и соответственно предусмотренное в ст. 37 УК РФ право на необходимую оборону не используются в полной мере, несмотря на частое возникновение оснований для их реализации [1, с. 6]. Следует отметить, что такая ситуация существует давно, с момента появления этих положений как в Конституции РФ, так и в УК РФ. Связано это с рядом давно назревших проблем уголовно-правового обеспечения ч. 2 ст. 45 Конституции РФ. К их числу относятся следующие.

Во-первых, неверное толкование сущности механизма реализации необходимой обороны как общественно полезного деяния и, соответственно, неизбежные сложности в уголовно-правовом регулировании действий обороняющихся в рамках необходимой обороны [2, с. 115–116].

Во-вторых, вытекающая из этого неполнота реализации в тексте уголовного закона прав обороняющегося на правомерное причинение вреда во время отражения им общественно опасного посягательства на него. Действительно, если понимать необходимую оборону как обстоятельство, исключающее преступность деяния, то зачем раскрывать содержа-

ние этого обстоятельства более чем в одной статье уголовного закона? Также отсутствуют в тексте уголовно-процессуального закона положения о реализации прав обороняющегося на справедливое рассмотрение возникающей из вынужденного причинения вреда нападающему преступнику ситуации исключения уголовной ответственности за правомерное причинение вреда нападающему. Само собой исключение уголовной ответственности, гарантированное Конституцией РФ и УК РФ, никогда не возникает и не возникнет. Необходима уголовно-процессуальная процедура такого исключения.

В-третьих, отсутствие теории и практики полноценной уголовно-правовой квалификации действий обороняющегося в рамках необходимой обороны. Характеризуя обеспечение конституционных положений о праве на самооборону в нормах уголовного права, следует отметить, что если ст. 37 УК РФ еще дает какое-то представление об условиях правомерности причинения вреда, то вопросы процедуры осуществления уголовно-правовой оценки такого причинения практически не разработаны [3, с. 30–31].

Таким образом, нужно признать, что существующие проблемы обеспечения предусмотренной Конституцией РФ возможности действий по причинению вреда в обстановке необходимой обороны, а также порядок действий в целях отражения общественно опасного посягательства нападения нуждаются в дальнейшем комплексном исследовании и в подробном описании их в тексте ст. 37 УК РФ.

Список источников

1. Горбатович Д. А. Необходимая оборона при защите чести, достоинства, половой свободы, права собственности : монография. М., 2012.
2. Бабурин В. В. Система современного уголовного права : монография. Омск, 2015.
3. Колосовский В. В. Теоретические проблемы квалификации уголовно-правовых деяний : монография. М., 2011.

В. Н. Борков

Этатизм уголовно-правовой политики как средство реализации Конституции РФ

Уголовный закон при решении задач по защите личности, общества и государства от преступлений проявляет себя как акт политический и идеологический. На уголовное правотворчество оказывают влияние

неоднородность интересов разных социальных групп, неодинаковые подходы к пониманию права. Важно учитывать, что уголовно-правовая политика выступает в качестве важнейшей составляющей функционирования государства, в котором материализуются основополагающие национальные идеи. Вопреки части 2 ст. 13 Конституции РФ, государство не может существовать без идеологии. Правильно рассматривать идеологию как основополагающий фактор общественного развития [1, с. 21–24]. В свою очередь, осуществлению функций государства должны быть концептуально подчинены цели, направления, приоритеты и критерии эффективности охраны общественных отношений уголовно-правовыми средствами.

В советской правовой науке проблема функций государства стала особым предметом исследований после выступления И. В. Сталина на XVIII съезде партии, где данный вопрос он признал одним из главных в теории государства. Сталин определил, что функции характеризуют деятельность государства сообразно тем задачам, которые стоят перед ним на различных этапах его развития, а также сделал вывод о том, что в эксплуататорском государстве имеется одна внутренняя функция, которая сводится к удержанию в повиновении эксплуатируемого большинства в интересах эксплуататорского меньшинства [2, с. 644–646].

В сентябре 2021 г. Президент РФ В. В. Путин главным врагом россиян назвал «бедность значительного числа населения, нерешенные проблемы в системах здравоохранения, образования, в развитии инфраструктуры... главная цель — повышение уровня и качества жизни граждан нашей страны» [3]. Как верно отметил А. Л. Цалиев, «...только социально оправданная государственная идеология и практика ее эффективного осуществления являются необходимыми условиями успешного политического, социально-экономического, правового и духовного развития любого общества и государства» [4, с. 43].

На первый взгляд, обозначенная Президентом проблема бедности граждан выступает чисто экономической, и соответственно, решаться должна не уголовно-правовыми, а экономическими средствами. Но такой подход не является верным, и те, кто не видит значения уголовного закона в борьбе с бедностью, ошибаются или намеренно препятствуют повышению качества жизни россиян. Задача уголовного закона состоит в подавлении криминальных явлений, порождающих бедность и социальную незащищенность людей. «К самым острым проблемам общества, по мнению россиян, относится рост цен (61%), бедность и обнищание населения (36%), коррупция и взяточничество (33%)» [5]. Осуществлению

государственных функций препятствуют коррупционные преступления, совершаемые в соучастии должностными и иными лицами. Наибольший ущерб государству причиняет объединение должностных лиц с предпринимателями в целях хищения общенародных средств. Коррупция — основная причина бедности.

Коррупционные и экономические преступления больше других затрудняют нормальное функционирование государства. С одной стороны, они ослабляют власть, подрывают ее материальную основу, а с другой, непосредственно нарушают интересы граждан, которые государство обязалось защищать. Часто именно коррупционеры «позволяют» совершать предпринимателям экономические преступления. Сложно согласиться с тем, что за экономические преступления должны налагаться только финансовые санкции, а «в случае впервые совершенных, незначительных и неумышленных преступлений санкцией должно стать предупреждение» [6]. Очевидно, что «незначительных» и «неумышленных» экономических преступлений не бывает. Только с прямым умыслом совершаются хищения и все преступления в сфере экономической деятельности (глава 22 УК РФ).

Надежды на эффекты от рыночной самоорганизации экономики и минимизации роли государства не оправдались. Государство нужно постоянно укреплять и исходить из того, что предпринимательская деятельность является не целью, а средством обеспечения благосостояния граждан. Мифологическим выступает представление о способности и намерениях коммерческих корпораций обеспечить реализацию экономических прав людей. По данным опроса ВЦИОМ, «почти половина наших соотечественников (45%) предпочли бы платить больше налогов, но быть уверенными в широкой доступности и высоком качестве государственных услуг (чаще самые молодые россияне — 66% среди 18–24-летних). Более половины соотечественников (54%) согласны платить высокие налоги, если это позволит обеспечивать поддержку и бедным слоям населения» [7]. Россияне доверяют государству и хотят, чтобы оно было социальным. Власть не вправе обманывать надежды граждан.

Ошибочно экономические отношения признаны приоритетным объектом уголовно-правовой охраны в сравнении с нормальным функционированием государства. Полагаем, что власть должна активно регулировать экономику, и никак иначе. Вместе с тем трудно согласиться и с недооценкой законодателем опасности преступлений в сфере экономической деятельности. Так, незаконное предпринимательство, совершенное организованной группой или сопряженное с извлечением дохода в особо крупном размере (ч. 3 ст. 171 УК РФ), признано преступлением

средней тяжести. Только до шести лет лишения свободы может быть назначено наказание за уклонение от уплаты налогов с организации в особо крупном размере (п. «б» ч. 2 ст. 199 УК РФ).

Требует критического осмысления тенденциозное, осуществляемое в узких интересах, толкование Конституции РФ, выдвигающее на первое место право на безграничную свободу предпринимательства. Как верно отметил Председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин, «Права меньшинств могут быть защищены только в той мере, в какой большинство с этим согласно» [8]. Фактическое социально-экономическое расслоение общества закрепляет наделение некоторых категорий граждан привилегированным уголовно-правовым статусом. Установлен упрощенный порядок освобождения предпринимателей от уголовной ответственности за предпринимательские преступления (ст. 76¹ УК РФ); осуществление предпринимательской деятельности признано в качестве признака, образующего привилегированный состав мошенничества (чч. 5, 6, 7 ст. 159 УК РФ); предупредительного потенциала лишены запреты на совершение налоговых преступлений (ст. ст. 198–199⁴ УК РФ), совершившее их лицо, в случае последующей уплаты налогов, освобождается от ответственности; обеспечена повышенная, в сравнении с другими гражданами, защищенность предпринимателей от незаконного уголовного преследования (ч. 3 ст. 299 УК РФ). Примечательно, что подобных, защищающих только предпринимателей, норм нет ни в одном из уголовных законов стран ближнего зарубежья, даже в прогрессивных кодексах Киргизии и Казахстана.

Недопустимость устранения государства от осуществления своей правоохранительной функции предполагает сокращение избыточных оснований освобождения от уголовной ответственности, а также отказ от привилегированного положения отдельных категорий лиц в сфере уголовной репрессии. Занятие предпринимательской деятельностью не может признаваться обстоятельством, значительно смягчающим уголовную ответственность.

Функции государства не являются теоретико-декларативной категорией. О реально осуществляемых государством функциях можно судить по его делам. Уголовно-правовая политика, выступая в качестве важнейшего элемента государственной политики в целом, сама в значительной мере определяет направление государственной деятельности и характеризует ее. Для государства, основная задача которого заключается в подавлении большинства населения коррумпированным меньшинством, характерен уголовный закон, снисходительный к экономическим пре-

ступникам, позволяющий им откупаться от ответственности, не признающий, что коррупция — это корыстное объединение власти и бизнеса. О намерении государства решить проблему бедности будет свидетельствовать бескомпромиссная уголовно-правовая борьба с коррупцией и экономической преступностью.

Список источников

1. Хабибулин А. Г. Идеология — основополагающий фактор общественного развития // Мир политики и социологии. 2019. № 6.
2. Сталин И. В. Вопросы ленинизма. М., 1952.
3. Кузьмин В. Путин поставил новые задачи руководству Правительства // Рос. газета. 2021. 27 окт.
4. Цалиев А. М. О необходимости государственной идеологии в Российской Федерации // Рос. юстиция. 2019. № 5.
5. Проблемы общества. — Левада-Центр. URL: <https://www.levada.ru/2021/10/21/problems-obshchestva-2/> (дата обращения: 02.11.2021).
6. Кравченко В. Бизнес должен быть защищен от избыточных уголовных санкций. URL: <http://council.gov.ru/events/news/130731/?hl> (дата обращения: 02.11.2021).
7. ВЦИОМ. Новости: Социальное государство и налоги: в поисках баланса. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnoe-gosudarstvo-i-nalogi-v-poiskakh-balansa> (дата обращения: 02.11.2021).
8. Зорькин В. Буква и дух Конституции // Рос. газета. 2018. 10 окт.

Д. А. Белецкий

Реализация конституционного права на занятие предпринимательской деятельностью лицами, зарегистрированными в качестве «самозанятых»

Статья 34 Конституции РФ гарантирует возможность заниматься предпринимательской деятельностью, устанавливая, что каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности. Статья 19 Конституции РФ закрепляет всеобщее равенство перед законом.

27 ноября 2018 г. был принят Федеральный закон № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима „Налог на профессиональный доход“» (далее — Федеральный закон № 422-ФЗ). Статья 4 данного Закона установила, что

плательщиками налога на профессиональный доход признаются физические лица, в том числе индивидуальные предприниматели, перешедшие на специальный налоговый режим в порядке, установленном настоящим Федеральным законом. В части 2 этой же статьи предусмотрены категории граждан, не имеющих права применять специальный налоговый режим.

Мы видим, что в качестве плательщика налога на профессиональный доход может быть зарегистрировано любое лицо, не подпадающее под ограничения, установленные ч. 2 ст. 4.

Таким образом, в настоящее время граждане могут заниматься приносящей доход деятельностью путем образования юридического лица, регистрации в качестве индивидуального предпринимателя либо посредством применения специального налогового режима.

Вместе с тем действующее законодательство ограничивает права лиц, применяющих специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход» (далее — специальный налоговый режим) и ставит их в более ущемленное положение по сравнению с юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями.

Одной из таких сфер дискриминации является отсутствие у лица, применяющего специальный налоговый режим, возможности зарегистрировать за собой право на товарный знак и знак обслуживания.

Так, согласно п. 1 ст. 1477 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) на товарный знак, т. е. на обозначение, служащее для индивидуализации товаров юридических лиц или индивидуальных предпринимателей, признается исключительное право, удостоверяемое свидетельством на товарный знак.

Сегодня сложно представить юридическое лицо либо индивидуального предпринимателя, у которого не было бы зарегистрированного права на товарный знак либо знак обслуживания. Как справедливо было отмечено в литературе, «значение товарных знаков усиливается с расширением деловой активности, они являются гарантией качества и со стороны потребителя несут лояльность к производителю» [1, с. 66–67].

Логика законодателя, установившего обязательные требования к субъектам, желающим зарегистрировать за собой исключительное право на товарный знак или знак обслуживания, понятна.

Однако с момента введения в действия ч. 4 ГК РФ гражданский оборот претерпел определенные изменения, в том числе связанные с вступлением в силу Федерального закона № 422-ФЗ, и данная норма перестала отвечать требованиям времени.

Так, согласно информации, размещенной на официальном сайте Федеральной налоговой службы РФ (далее — ФНС России), по состоянию на сентябрь 2021 г. число лиц, зарегистрированных в качестве самозанятых, в России достигло 3 млн человек. Конечно, не все они осуществляют оказание услуг и продажу товаров, и соответственно, нуждаются в регистрации товарного знака или знака обслуживания. Но согласно информации ФНС России, среди самозанятых популярны профессии, связанные с ИТ-сферой, юристы, консультанты, проектировщики, психологи, переводчики и специалисты в области красоты и здоровья [2], и здесь совершенно естественно оказывать услуги под своим знаком обслуживания. Однако в связи с несовершенством действующего законодательства у таких лиц эта возможность отсутствует.

В заключение отметим, что действующее законодательство в указанной сфере не в полной мере соответствует Конституции РФ, не отвечает требованиям времени и нуждается в дальнейшем совершенствовании.

Список источников

1. Попова И. Ю. Товарно-знаковая символика как одна из основных конкурентных информационных составляющих товара современной индустрии питания // Вестник НГИЭИ. 2015. № 7.

2. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/11275333/ (дата обращения: 10.12.2021).

Н. А. Гукова

Реализация принципа законности при применении ограничений в отношении лиц, содержащихся в условиях изоляции

Развитие российского законодательства в области обеспечения законности, соблюдения прав и свобод человека и гражданина имеет существенное значение для деятельности самых разных государственных органов, в том числе и для системы содержания подозреваемых, обвиняемых и осужденных. Такая деятельность подразумевает непрерывное совершенствование правовой основы, направленной на оптимизацию регулирования общественных отношений, возникающих в сфере содержания, охраны и конвоирования лиц, подозреваемых, обвиняемых и осужденных.

Как показывает практика, лица, находящиеся в местах содержания подозреваемых, обвиняемых и осужденных, до сих пор допускают правонарушения, оказывающие негативные влияние на нормальное

функционирование всей системы. Примером может служить передача запрещенных предметов лицам, содержащимся в учреждениях уголовно-исполнительной системы (далее — УУИС) или изоляторах временного содержания (далее — ИВС).

Важную роль в профилактике подобного рода правонарушений играет административная ответственность. Именно эта мера, наряду с досмотром производственных объектов и жилых зон исправительного учреждения, обыском подозреваемых и обвиняемых, осужденных, их спальных мест и личных вещей, цензурой писем и другими, способствует профилактике правонарушений. Однако не стоит забывать и о воспитательной составляющей профилактической работы. Ведь именно понимание неотвратимости наступления ответственности на примере близких людей нередко удерживает от совершения новых проступков.

Чаще всего запрещенные или ограниченные к обороту вещества и предметы поступают в УУИС или в ИВС путем передачи, проноса, провоза, пересылки и т. д. Необходимо отметить, что в настоящее время проблему представляет использование для этих целей беспилотных летательных аппаратов.

Опасность таких деяний заключается, во-первых, в нарушении нормальной деятельности мест содержания лиц, подозреваемых, обвиняемых в совершении преступлений и осужденных. Во-вторых, подобные факты снижают результативность воспитательного воздействия на указанные категории лиц. В-третьих, создаются условия для совершения новых нарушений режима содержания, в том числе и преступлений.

Например, при получении денежных средств появляется возможность подкупа третьих лиц, в том числе и сотрудников, в целях совершения противоправных деяний. Получаемые алкогольные напитки могут спровоцировать акт агрессии как в отношении лиц, содержащихся в условиях изоляции, так и в отношении сотрудников этих учреждений. Наркотические средства и психотропные вещества, передаваемые в места содержания подозреваемых, обвиняемых и осужденных, создают непосредственную угрозу жизни и здоровью. Полученные средства мобильной связи, особенно имеющие возможность выхода в сеть Интернет, позволяют не только общаться по вопросам организации нарушений режима и совершения преступлений в условиях изоляции, но и совершать такие преступления, как дистанционные мошенничества.

Отметим, что предметы, запрещенные в местах содержания подозреваемых, обвиняемых и осужденных, затрудняют процесс исправления,

могут угрожать жизни и здоровью лиц, содержащихся в условиях изоляции, а также сотрудников этих учреждений, дают возможность преступать порядок.

Статистические данные о рассмотренных делах, возбужденных по фактам передачи или попытки передачи осужденным запрещенных предметов, говорят о некотором их снижении. Так, за 2019 г. рассмотрено 5942 дела о передаче или попытке передачи запрещенных предметов, подвергнуто наказанию 4467 правонарушителей (4464 наказаны штрафом). В то же время за 2020 г. в УУИС и ИВС рассмотрено 3937 дел о передаче подозреваемым, обвиняемым, осужденным запрещенных предметов, подвергнуто наказанию 2853 правонарушителя (штраф).

Снижение количества рассмотренных дел говорит о необходимости ужесточения контроля со стороны руководства УУИС или ИВС при неуклонном соблюдении закона.

Обеспечение законности как сотрудниками УУИС или ИВС, так и иными лицами будет заключаться в расширении информирования всех заинтересованных о возможной ответственности за нарушение установленного режима содержания подозреваемых, обвиняемых, осужденных как лицами, содержащимися в условиях изоляции, так и передающими запрещенные предметы.

О. А. Дизер

О необходимости закрепления ответственности за провокацию преступления в УК РФ для недопущения нарушения конституционных прав и свобод человека

Отсутствие легитимного определения провокации преступления порождает множество вариаций ее использования. Вместе с тем позиция, озвученная Европейским судом по правам человека (далее — ЕСПЧ) по делу «Ваньян против Российской Федерации» (постановление ЕСПЧ от 15 декабря 2005 г. по делу «Ваньян (Vanyan) против Российской Федерации» (жалоба № 53203/99)), в 2006 г. стала отправной точкой, после которой судами всех инстанций стало акцентироваться внимание на заявляемой провокации со стороны участников судебного процесса [1].

В настоящее время провокация, согласно ст. 5 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — Закон об ОРД), признается запрещенным методом раскрытия преступлений. Так, на основании ст. 8 Закона об ОРД проведение

оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ) возможно в случаях имеющейся достоверной информации о готовящемся либо совершаемом преступлении, провокация же осуществляется в отношении тех лиц, по которым данные либо отсутствуют, либо признаны недостаточными для реализации данного рода мероприятий.

В последнее время в судебных решениях встречаются такие формулировки: «...преследуя цель искусственного повышения показателей по службе, сотрудники полиции совершили провокацию». Достаточно показательным в этом плане выступает обвинительный приговор, вынесенный судебной коллегией по уголовным делам Краснодарского краевого суда, из мотивировочной части которого следует, что должностными лицами В. и К. в целях искусственного улучшения показателей своей работы были созданы все зависящие от них условия для вовлечения гражданина в незаконный оборот наркотических средств, при этом они осознавали, что в случае исполнения замысла спровоцированное лицо могло быть привлечено к уголовной ответственности по ст. 228 УК РФ [2].

Между тем споры о легитимном закреплении ответственности за провокацию в Уголовном кодексе РФ (далее — УК РФ) не утихают. Более того, ряд авторов выступает с предложением дополнить УК РФ статьей «Правомерная провокация». Данная инициатива нашла свое отражение в работах С. Ф. Милюкова и А. В. Никуленко, полагающих, что действия, связанные с изобличением «потенциального» преступника, должны быть оправданы ввиду исключительного характера посягательства и того, что иными методами нивелировать общественную опасность не представлялось возможным. При этом авторами сделан акцент на оценке личности виновного при определении правомерности причинения вреда охраняемым уголовным законом интересам [3, с. 42].

Следует отметить, что больше половины жалоб, рассматриваемых Конституционным Судом РФ (далее — КС РФ), приходится на обращения граждан, привлеченных к уголовной ответственности за незаконный оборот наркотиков. Правоприменительная практика показывает, что полицейская провокация проявляла себя при раскрытии тех преступлений, которые нельзя охарактеризовать как динамично развивающиеся. Возникает необходимость в анализе судебных решений, где было выявлено нарушение прав личности при проведении проверочных закупок. Такой анализ позволил констатировать, что провокация почти в каждом четвертом случае осуществлялась в отношении лиц, которые продолжительное время находились на излечении либо состояли на учете в наркологическом диспансере, более того, лица, проводившие закупку, об этом были осведомлены.

КС РФ в своих определениях разъясняет, что результаты ОРМ являются не доказательствами, а лишь сведениями об источниках тех фактов, которые могут стать доказательствами только после закрепления их надлежащим процессуальным путем. В определениях также отмечается и то, что на основании результатов оперативно-розыскной деятельности возможно не только подтвердить, но и поставить под сомнение или опровергнуть сам факт преступления, что имеет существенное значение для разрешения вопроса об уголовном преследовании или отказе от него, а также от применения связанных с ним мер принуждения или ограничения прав личности [4].

Определенный интерес представляет точка зрения профессора А. Е. Чечётина, исследовавшего проблему обеспечения прав личности при проведении проверочных закупок наркотиков. «В обвинительных приговорах по таким делам доказательственная база на этот счет весьма узкая и малоубедительная... Это свидетельствует о легковесном и упрощенческом подходе оперативных сотрудников к использованию проверочной закупки в ОРД», — пишет ученый [5, с. 130].

Продолжая анализ проблем обеспечения прав личности при проведении проверочных закупок, необходимо отметить, что перечень ОРМ, указанный в ст. 6 Закона об ОРД, более чем достаточен для законного выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений. Так, по мнению М. П. Клеймёнова, «правомерная провокация — это оксюморон, который в принципе не может быть юридическим термином ... провокация не может служить средством достижения благих целей» [6, с. 50]. Действительно, исходя из исторического опыта, фактически и объективно складывающихся общественных отношений, провокация как метод выявления и раскрытия преступлений носит сомнительный характер, а ее использование указывает на отсутствие необходимого уровня профессиональных навыков у сотрудника, проводящего ОРМ, «создающего» своими действиями преступника, данные действия не обусловлены задачами, очерченными в Законе об ОРД. Учитывая распространенность данного негативного явления, возникает необходимость введения специальной нормы в УК РФ, запрещающей использование провокации преступления.

Список источников

1. URL: <http://echr.coe.int> (дата обращения: 27.11.2021).
2. URL: bsr.sudrf.ru (дата обращения: 27.11.2021).
3. Милюков С. Ф., Никуленко А. В. Неочевидные решения проблем силового противодействия преступности // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15. № 1.

4. *Определения Конституционного Суда РФ от 21 мая 2015 г. № 1182-О №1183-О, №1184-О. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс» ; Определение Конституционного Суда РФ от 27 июня 2017 года № 1419-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; Определение Конституционного Суда РФ от 28 июня 2018 г. № 1468-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; Определение Конституционного Суда РФ от 29 января 2019 г. № 71-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».*

5. *Чечётин А. Е. Актуальные проблемы обеспечения прав личности в оперативно-розыскной деятельности уголовного розыска // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 1.*

6. *Клеймёнов М. П. Полицейский произвол: мифы и реальность // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15. № 1.*

И. А. Журавлева

Идеи конституционализма в уголовном праве России

В современной юридической науке, как отечественной, так и зарубежной, до сих пор не сформировалось единого подхода к определению термина «конституционализм». Примечательно, что однокоренные слова «конституция» и «конституционализм» не равнозначны и наполнены разным смыслом. Так, «конституция» — это писанный, как правило, Основной закон соответствующего государства, содержащий характеристики его государственного устройства и некие его «идеальные» начала; «конституционализм» — это перечень потенциальных возможностей по реализации идей, основополагающих «идеальных» начал Основного закона страны. Мы разделяем точку зрения Н. В. Мамитовой, которая считает конституционализм системой, определяющей границы активности государства и его органов, возможности его воздействия на общественные отношения. Это механизм, построенный на приоритете прав и свобод личности, устанавливающий абсолютные границы правового регулирования, за которые не может выйти само государство, регулируя различные сферы общественной жизни [1, с. 37].

Исторически термин «конституционализм» связан с Конституцией США 1787 г. Ее создатели видели в конституции, конституционализме верховенство, высшую юридическую силу Основного закона над иными правовыми актами. В дальнейшем конституционализм стал также характеристикой, показателем демократизма различных государств [2, с. 5].

С учетом общепризнанного в современной мировой законодательной практике примата норм международного права мы можем говорить о том, что идеи конституционализма, помимо соблюдения внутригосударственных норм, предполагают соблюдение всемирно признанных прав и свобод человека. На наш взгляд, это попытка своеобразного критического осмысления имеющейся правовой, судебной практики; это способ саморегулирования в государстве, в системе его органов.

В связи с этим проблематика реализации идей конституционализма в уголовном праве России предполагает не только наличие института прав человека как такового, но и гарантии их соблюдения. Так, ст. 2 УК РФ «Задачи Уголовного кодекса Российской Федерации» утверждает охрану прав, в том числе имущественных, и свобод человека и гражданина, закрепляет обеспечение мира и безопасности человечества.

Также нормы Уголовного кодекса РФ (далее — УК РФ) устанавливают принципы законности (ст. 3 УК РФ), равенства граждан перед законом (ст. 4 УК РФ), справедливости (ст. 6 УК РФ), гуманизма (ст. 7 УК РФ). Это подтверждает то, что «в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права» (ст. 17 Конституции РФ), что «права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием» (ст. 18 Конституции РФ). В правоприменительной практике ст. 14 УК РФ закрепляет презумпцию невиновности, что априори утверждает идею верховенства прав человека и гражданина, обеспечивая его безопасность, что тоже зафиксировано в ст. 7 УК РФ.

Безусловно, идеи конституционализма находят свое отражение в уголовной политике государства, которая «(в том числе уголовно-правовая политика) является составной частью общегосударственной политики, определяемой положениями Конституции, конституционных законов, других федеральных законов, утвержденных Президентом Российской Федерации стратегий, концепций и планов политического, экономического, социального, культурного и иного развития страны» [3, с. 470].

Более того, научные дискуссии, посвященные проблемам реформирования уголовного законодательства, уголовной политики РФ, также фактически базируются на идеях конституционализма. Например, К. Д. Николаев в своих работах [4, с. 217; 5, с. 145] анализирует изменения, вносимые в нормы уголовного законодательства, с позиции демократи-

ческих ценностей, института прав и свобод человека, учитывая интересы личности, общества и государства.

Таким образом, идеи конституционализма в уголовном праве РФ находят свое отражение не только в теории, но и в практической плоскости, закрепляются в правоприменительной и судебной практике, что свидетельствует о наличии признаков правового демократического государства.

Список источников

1. Мамитова Н. В. Теория российского конституционализма: история и современность. М., 2005.
2. Шульженко Ю. Л. Конституционализм и парламентаризм: понятия, соотношение // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2018. № 3(47).
3. Рарог А. И. Уголовная политика и уголовно-правовые амбиции // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10. № 3.
4. Николаев К. Д. Взгляд на концепцию модернизации уголовного законодательства в экономической сфере // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2011. № 1.
5. Николаев К. Д. «Уголовная политика: дорожная карта (2017–2025 гг.)». Куда идем? // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2017. № 3.

А. А. Затолокин

Особенности применения ст. 51 Конституции РФ в административно-юрисдикционной деятельности органов внутренних дел

В качестве демонстрации особенностей применения Конституции РФ при осуществлении производства по делам об административных правонарушениях рассмотрим действия сотрудников органов внутренних дел (далее — ОВД) при осуществлении задержания транспортного средства (далее — ТС). Анализ действующих источников права позволяет представить всю процедуру задержания ТС в виде следующего алгоритма:

- 1) выявление сотрудником полиции признаков административного нарушения и принятие решения на задержание ТС. Рассматриваемая мера обеспечения применяется при нарушении водителем требований дорожного знака 3.27 «Остановка запрещена», установленного совместно с дополнительной табличкой 8.24 «Работает эвакуатор»;

2) осуществление погрузки, транспортировки (перемещения) и разгрузки ТС в месте хранения. Эти действия выполняются специализированными фирмами, индивидуальными предпринимателями, у которых имеется соответствующий договор на предоставление данных услуг;

3) хранение ТС на специализированной стоянке. Владелец (оператором) специализированной стоянки по аналогии с фирмой эвакуации выступает коммерческое предприятие либо же индивидуальный предприниматель;

4) непосредственная выдача задержанного ТС водителю (собственнику, представителю собственника) после устранения причин задержания (а как известно, задержание является вынужденной мерой и применяется лишь в тех случаях, когда иным образом невозможно обеспечить безопасность дорожного движения) и получения соответствующего разрешения.

Приведенные действия на первый взгляд кажутся вполне транспарентными, однако при более детальном их изучении и практическом применении они не лишены правовых, организационных и прочих изъянов, позволяющих говорить не только о законном в этих случаях ограничении прав водителя (собственника) ТС, но и о посягательстве на подобные права.

Приведем несколько примеров возможных нарушений прав человека и гражданина при задержании ТС.

Во-первых, на этапе выявления и принятия решения о задержании часто складывается ситуация, при которой решение уже принято, доказательственная база нарушения Правил дорожного движения (далее — ПДД) собрана, вызваны сотрудники эвакуационной службы, однако явился собственник ТС. Пользуясь нерешительностью или слабым знанием правовых аспектов со стороны водителя, процедуру продолжают.

Во-вторых, при осуществлении второго этапа приведенного алгоритма (погрузочно-разгрузочные действия) также нередки случаи появления водителя (собственника или представителя собственника), однако данные действия не всегда прекращаются.

В-третьих, в правоприменительной практике (в том числе и судебной) встречаются факты, когда нарушение ПДД допустил водитель, а забирать автомобиль со специализированной стоянки прибыл собственник (который ничего не нарушал). Интерес представляют случаи, когда собственник решил воспользоваться ст. 51 Конституции РФ, а именно: не называет данные нарушителя, ссылаясь на близкое родство с ним. В подобной ситуации перед сотрудниками полиции встает дилемма: поступить по закону или все-таки попытаться под различными предлога-

ми узнать у собственника сведения о нарушителе либо же склонить его к подписанию всех документов в рамках производства по делу об административном правонарушении как виновника.

Помимо сотрудников полиции трудности возникают и у операторов специализированной стоянки, которые обязаны выдать автомобиль без взимания оплаты за перемещение и хранение задержанного ТС (поскольку такая обязанность лежит лишь на правонарушителе). В этом случае полиция обязана дать разрешение на выдачу ТС, а эвакуационные службы выдать его. Иные действия являются прямым нарушением конституционных прав человека и гражданина.

Таким образом, можно сделать вывод о небезупречности существующей процедуры задержания ТС как меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях. В результате ее реализации есть основания утверждать о наличии не только гипотетической возможности, но и реальных угроз нарушения прав и свобод человека и гражданина. В целях искоренения практики, когда ПДД нарушает водитель, а забирать ТС является собственник, который согласно действующему законодательству вправе не оплачивать штраф (так как не нарушал), возмещать расходы по эвакуации и хранению задержанного ТС (поскольку подобное возлагается на нарушителя ПДД) и, учитывая положения ст. 51 Конституции РФ, не сообщать о нарушителе никакой информации, необходимо внести изменения в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. В частности, нами предлагается расширить возможность привлечения к административной ответственности собственников ТС при фиксации административных правонарушений камерами, работающими в автоматическом режиме.

О. В. Карпова

Ограничение конституционных прав в ходе исполнения меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении

Подписка о невыезде и надлежащем поведении является мерой принуждения, при реализации которой на подозреваемого, обвиняемого налагаются минимальные ограничения. В статье 102 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее — УПК РФ) закреплено, что подозреваемый (обвиняемый) не вправе покидать постоянное или временное место жительства без разрешения дознавателя, следователя или суда.

Отметим, что право на свободное передвижение и выбор места жительства и пребывания, согласно ст. 27 Конституции РФ, имеет каждый, кто законно находится на территории РФ. В связи с этим возникает вопрос о правильном применении уголовно-процессуального закона.

В юридической литературе даются различные толкования ст. 102 УПК РФ. В советский период действия аналогичной меры пресечения Ю. Д. Лившиц предлагал предоставить обвиняемому возможность обращаться к следователю с просьбой об отъезде с места жительства с обязательным приведением мотивов [1, с. 124]. Позднее эта идея была поддержана Л. К. Труновой, по мнению которой, подозреваемый (обвиняемый) вправе заявлять мотивированное ходатайство о разрешении отлучиться с постоянного или временного места жительства с указанием причины, места и времени нахождения вне места проживания [2, с. 355–356].

Высказанные точки зрения согласуются с позицией законодателя. Применение меры пресечения, предусмотренной ст. 102 УПК РФ, не обязывает подозреваемого (обвиняемого) постоянно находиться по месту жительства (пребывания). Такие ограничения могут применяться в случае избрания домашнего ареста. Исполнение меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении имеет несколько иную природу. Положение, изложенное в п. 1 ст. 102 УПК РФ, не следует рассматривать как запрет, ограничивающий свободу передвижения. Анализ нормы сводится к тому, что подозреваемый (обвиняемый) не может выезжать за пределы определенной местности, при этом он вправе свободно передвигаться внутри населенного пункта, в котором он временно или постоянно проживает.

В зарубежном законодательстве определены сроки возможного отсутствия по месту жительства. Так, согласно ч. 1 ст. 128 УПК Эстонии подозреваемый или обвиняемый, в отношении которого избрана мера пресечения в виде подписки о невыезде, не может выезжать за пределы своего места жительства на срок более одних суток без разрешения лица, ведущего производство. Такое ограничение представляется излишним.

В этом отношении следует согласиться с О. И. Цоколовой, утверждающей, что подозреваемый (обвиняемый) не обязан неотлучно находиться по месту проживания, однако если он отлучается, то обязан каждый день возвращаться к месту жительства [3, с. 7].

Принимая во внимание данное суждение, полагаем, что надлежащему исполнению рассматриваемой меры пресечения будет способствовать

уведомление органа, осуществляющего уголовное судопроизводство, об отсутствии подозреваемого (обвиняемого) по месту жительства (пребывания), исключающее выезд за пределы населенного пункта на срок более 24 часов. В юридической литературе справедливо указывается на необходимость поддержания постоянной связи с подозреваемым (обвиняемым) [4, с. 41].

Представляется и другой вариант разрешения данной ситуации. Закон не запрещает в постановлении об избрании меры пресечения, в частности в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении, индивидуализировать ее применение и излагать конкретные ограничения, которые будут применяться к подозреваемому (обвиняемому) в ходе исполнения этой меры принуждения.

При применении рассматриваемой меры пресечения не только осуществляется контроль за передвижениями подозреваемого (обвиняемого) внутри населенного пункта, но и налагаются ограничения на выезд за его пределы. Законодатель Республики Молдова разделяет эти два запрета на подписку о невыезде из местности, в которой постоянно или временно проживает подозреваемый (обвиняемый), и подписку о невыезде из страны.

Для эффективной реализации указанных ограничений в ст. 178 УПК Республики Молдова закреплена возможность направления копии решения об избрании соответствующей меры пресечения пограничным органам для исполнения и временного изъятия паспорта — при нарушении подозреваемым (обвиняемым) запрета на выезд из страны. В российском уголовно-процессуальном законодательстве такая мера не предусмотрена.

В заключение можно констатировать, что затруднения при исполнении рассматриваемой меры пресечения возникают, пока не устранена неопределенность в том, какие ограничения к подозреваемым (обвиняемым) может установить орган расследования. Разрешение этого вопроса видится в индивидуализации выносимого решения. Наряду с указанием меры пресечения в постановлении (определении) ее избрании представляется целесообразным устанавливать конкретные виды ограничения, которые позволят более четко определить предмет исполнения.

Список источников

1. *Лившиц А. Д.* Подписка о невыезде как мера пресечения уклонения от следствия и суда // Правоведение. 1959. № 3.
2. *Трунова Л. К.* Современные проблемы применения мер пресечения в уголовном процессе : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002.

3. Цоколова О. И. Подписка о невыезде как ограничение прав личности // Проблемы правоохранительной деятельности. 2015. № 1.

4. Чернова С. С. Меры уголовно-процессуального принуждения : учеб.-практ. пособие. М., 2014.

А. В. Коркин

Конституционно-правовые основы административных ограничений в период режима повышенной готовности

Конституция РФ закрепляет возможность ограничения прав граждан, установление их обязанностей и ответственности только федеральными законами в конкретных целях (ч. 3 ст. 55).

В связи с распространением инфекции, вызванной новым коронавирусом (COVID-19), в России первые ограничения прав граждан были введены в Москве с 5 марта 2020 г. [1]. С этого момента основным правовым средством противодействия COVID-19 в России является режим повышенной готовности, который по своей юридической природе следует отнести к административно-правовым. Повышенная готовность как режим функционирования органов управления сил единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций предусмотрена федеральным законодательством с 2012 г., с момента внесения изменений в Федеральный закон от 14 декабря 1994 г. № 68-ФЗ [2]. Однако право органов государственной власти субъектов РФ вводить режим повышенной готовности и обязанность граждан соблюдать правила поведения при его введении включены в этот закон только с 1 апреля 2020 г. [3], а через день вступили в силу сами Правила поведения, обязательные для исполнения гражданами и организациями при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации, установленные Правительством РФ [4]. А вот «нерабочие дни с сохранением за работниками заработной платы» были утверждены Указом Президента РФ [5]. Эти и многие другие правовые акты, направленные на противодействие распространению инфекции, практически с момента издания становятся предметом юридических споров с позиции правомерности запретов, ограничений и обязанностей для всех субъектов права, не предусмотренных действующим федеральным законодательством в буквальных формулировках (вызывает интерес и снятие с рассмотрения законопроекта № 17357-8, который был призван легитимизировать на федеральном уровне пресловутые QR-коды,

так полюбившиеся главам многих регионов в 2021 г.). И хотя Конституционный Суд РФ [6] и другие судебные инстанции неоднократно подтверждали допустимость вышеуказанных и подобных мер, представляется, что приводимые ими аргументы часто основывались на целесообразности, а не на законности ограничений.

Не добавляет ясности в рассматриваемый вопрос и толкование Конституции РФ, данное Верховным Судом РФ, в части действия общепризнанных принципов и норм международного права на нашей территории (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ). Так, в своем разъяснении он указал, что «содержание указанных принципов и норм международного права может раскрываться, в частности, в документах ООН и ее специализированных учреждений» [7]. Известно, что к числу специализированных учреждений ООН относится и Всемирная организация здравоохранения (далее — ВОЗ), официальным источником опубликования документов которой является ее официальный сайт, находящийся в международном сегменте Интернета (доменная зона «int»). Таким образом, документы, размещенные на этом сайте, например, в разделе «Рекомендации для населения в отношении инфекции, вызванной новым коронавирусом (COVID-19)», автоматически становятся обязательными для применения судами РФ, следовательно, обязательными и для остальных субъектов российского права. Одновременно отпадает необходимость в дублировании требований и рекомендаций ВОЗ в российских источниках, например, в части установления мест соблюдения масочного режима и правил ношения средств защиты органов дыхания в этих местах. Однако такое утверждение представляется не совсем верным.

Таким образом, для обеспечения единства правового пространства, обеспечения равенства граждан независимо от места их нахождения и проживания, согласованности законодательства и правоприменительной практики, соблюдения законности при введении и применении административных ограничений в период режима повышенной готовности, необходимо:

1. Установление в федеральном законодательстве однозначного требования о том, что любые ограничения прав и свобод граждан, введение новых запретов и обязанностей для них, которые в буквальных формулировках не предусмотрены нормативными правовыми актами, имеющими юридическую силу не ниже федерального закона, являются ничтожными и не подлежат применению.

2. Разработка и реализация мер, направленных на совершенствование доведения до субъектов российского права содержания обще-

признанных принципов и норм международного права, изложенных на государственном языке РФ, в части их опубликования в конкретных источниках, находящихся в российской юрисдикции.

Список источников

1. *О введении режима повышенной готовности* : указ мэра Москвы от 5 марта 2020 г. № 12-УМ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. *О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера* : федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. *О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций* : федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 98-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. *Об утверждении Правил поведения, обязательных для исполнения гражданами и организациями, при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации* : постановление Правительства РФ от 2 апреля 2020 г. № 417. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. *О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)* : указ Президента РФ от 2 апреля 2020 г. № 239. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. *Постановление Конституционного Суда РФ от 25 декабря 2020 г. № 49-П*. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. *О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации* : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В. Ф. Луговик

Оперативно-розыскная деятельность в контексте конституционализации публичного правопорядка

Термин «публичный правопорядок» и обозначаемое им явление не относится к числу устоявшихся правовых категорий. Он привлек

к себе внимание и приобрел конституционное звучание после принятия поправок в Конституцию РФ в 2020 г., которыми текст ст. 125 изложен в новой редакции с использованием данного словосочетания [1].

Законодатель, видимо, не случайно употребил составной термин, включающий «публичность» и «правопорядок». Конечно, нельзя сказать об абсолютной правовой новизне их обособленного употребления: слова «публичность» и «правопорядок» имеют давние традиции взаимно не связанного нормативного использования и прочно входят в правовой тезаурус. Однако предложенное словосочетание при конструировании конституционной нормы российской юридической доктрине неизвестно. Правовой смысл данного термина еще не вполне понятен, и это побуждает к научному поиску [2, с. 15]. Мы попытаемся определить содержание обозначаемого явления и места в нем оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД).

Публичность — одна из центральных категорий теории права и государства. Изначально она получила признание и распространение в связи с организацией власти, которая всегда подразумевает ориентацию на общественные интересы, нередко отождествляемые с публичностью. Несмотря на отсутствие единства взглядов на понимание и соотношение публичного и частного, законодатель, да и большинство авторов, все-таки придерживаются позиции, что публичность следует рассматривать как специальную категорию, обозначающую обособленную государственную деятельность по обеспечению исполнения законов для достижения баланса частных и публичных интересов [3, с. 5]. Иными словами, публичность присутствует там, где есть общественные интересы, в том числе неопределенного круга лиц.

При уголовном правоприменении, а именно к этой сфере относится и ОРД, публичность наполняется вполне конкретным смыслом и определяет границы вмешательства государства в уголовно-правовые отношения. Это достигается в том числе и путем установления видов уголовного преследования. Так, статья 20 Уголовно-процессуального кодекса (далее — УПК РФ) гласит, что в зависимости от характера и тяжести совершенного преступления уголовное преследование, включая обвинение в суде, осуществляется в публичном, частно-публичном и частном порядке. С самых общих позиций публичность в данном случае означает принятие государством на себя обязанности и права разрешать возникающие ситуации независимо от желания сторон уголовно-правового конфликта. Спецификой правового разрешения таких ситуаций выступает необходимость их выявления и раскрытия, что без осуществления ОРД практически невозможно.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ (далее — КС РФ) вопрос об ограничении конституционных прав в ходе осуществления ОРД подлежит разрешению в процедурах, обусловленных характером уголовных и уголовно-процессуальных, т. е. публичных отношений [4]. Осуществление ОРД по факту преступного деяния либо в отношении лиц, обоснованно подозреваемых в их подготовке или совершении, не предполагает согласия участников правоотношений, для этого достаточно соблюдения оснований и условий, определенных ст. ст. 7 и 8 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — Закон об ОРД).

Чаще всего ОРД рассматривают как вид государственной правоохранительной деятельности, осуществляемой специальными органами государственной исполнительной власти, наделенными для реализации своих функций властными юридическими полномочиями, либо как одну из государственно-правовых форм борьбы с преступностью, к числу которых также относят уголовно-правовую, уголовно-процессуальную и уголовно-исполнительную. Возможно, такой подход раскрывает какие-то стороны ОРД, но место ОРД в системе обеспечения публичного правопорядка должно определяться все-таки с учетом ее правовой природы. И здесь важно обратиться к закону и его толкованию высшими судебными органами.

Статья 1 Закона об ОРД гласит, что ОРД — это вид деятельности, осуществляемой гласно и негласно оперативными подразделениями государственных органов, уполномоченных на то законом, в пределах их полномочий посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств.

Нужно отметить, что в других законах, регламентирующих публичную сферу правоприменения, мы не найдем дефиниций соответствующего вида деятельности: в УПК РФ нет определения уголовно-процессуальной деятельности, в УК РФ — уголовно-правовой, в КоАП РФ — административно-правовой и т. п. Почему же такая норма-дефиниция присутствует в оперативно-розыскном законодательстве? Полагаем, что это можно объяснить относительной «молодостью» оперативно-розыскного права и вызванной этим потребностью декларировать специфические свойства ОРД.

В решениях КС РФ отмечается, что, учитывая цели и задачи оперативно-розыскной деятельности, вопрос об ограничении конститу-

ционных прав в связи с проведением оперативно-розыскных мероприятий по проверке информации о противоправных деяниях и лицах, к ним причастных, подлежит разрешению по общему правилу, в процедурах, обусловленных характером уголовных и уголовно-процессуальных, т. е. публичных отношений [5; 6]. Иначе говоря, ОРД носит публичный характер и преимущественно направлена на обеспечение «жизни» норм уголовного закона.

Кроме того, согласно правовой позиции Верховного Суда РФ ОРД является деятельностью по обеспечению общественного порядка и общественной безопасности, а лица, ее осуществляющие, при совершении в отношении них криминального деяния, признаются потерпевшими от преступления, предусмотренного ст. 317 УК РФ [7]. А общественный порядок и общественная безопасность — это есть не что иное как правопорядок, понимаемый как деятельность по реализации правовых норм, ориентированная на представление о должной модели поведения [8, с. 14].

Таким образом, можно заключить, что ОРД осуществляется в публичной сфере (сфере уголовного правоприменения) и направлена на обеспечение правопорядка. Думается, именно это определяет правовую сущность ОРД и имеет практическое значение.

Список источников

1. *О совершенствовании* регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти : закон РФ о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. *Гаврилов Д. А., Гаврилова Ю. А.* Конституционализация публичного правопорядка в современной России // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 6.

3. *Стахов А. И., Ландерсон Н. В.* Публичная администрация в России: понятие, система и структура // Административное право и процесс. 2021. № 10.

4. *Определение* Конституционного Суда РФ от 18 июля 2019 г. № 1872-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. *Постановление* Конституционного Суда Российской Федерации от 9 июня 2011 г. № 12-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. *Определение* Конституционного Суда РФ от 21 мая 2015 г. № 1182-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. *Определение* Верховного Суда РФ от 28 апреля 2004 г. № 72-о04-6 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 3.

8. Черногор Н. Н., Пашенцев Д. А. Правовой порядок: доктринальные подходы, методы и актуальные направления исследования // Журнал российского права. 2017. № 8.

А. В. Ляшук, Трошев Д. Б.

Общая профилактика правонарушений участковым уполномоченным полиции как действенный механизм защиты прав граждан

Общую административную профилактику участковые уполномоченные полиции (далее — УУП) осуществляют планомерно и систематически, при этом используют определенные методы [1]. УУП должны регулярно проводить отчеты перед населением о результатах своей работы [2]. Это является следствием их служебной деятельности, которая урегулирована законодателем в нормативно-правовых актах.

Что касается общей профилактики, то УУП проводят работу по разъяснению населению способов и средств правомерной защиты и самообороны от преступных и иных противоправных посягательств. Также в установленном порядке информируют об этом население через средства массовой информации.

Основным направлением предупредительной деятельности УУП является проведение профилактического обхода административного участка. Именно в этом процессе УУП реализуют весь потенциал общей превенции. Само присутствие УУП на своем административном участке в форменном обмундировании служит определенным атрибутом соблюдения правопорядка, обеспечения спокойствия граждан [3, с. 79].

Посещение участковым жилых и нежилых помещений, а самое главное, общение с гражданами вне стен кабинета позволяют наладить взаимодействие с большим кругом лиц, проживающих на обслуживаемом административном участке, способствуют получению важной информации и служат общепредупредительным стимулом для большинства. В рамках профилактического обхода особое внимание УУП уделяется визуальному обзору и непосредственному общению с гражданами. Наблюдение за поведением лиц в общественных местах, на улицах, в парках, в подъездах, в магазинах, в жилых помещениях дает возможность получить информацию для реализации профилактической деятельности. Особое внимание УУП при применении данного метода профилактической работы должно уделяться малолетним,

находящимся в общественных местах без сопровождения взрослых, и пожилым людям.

Участившиеся в последнее время случаи телефонного мошенничества с использованием техник нейролингвистического программирования вызывают серьезную обеспокоенность со стороны полиции. При профилактическом обходе административного участка УУП, визуально наблюдая за местами расположения банкоматов, способен выявить лиц преклонного возраста, ведущих себя растерянно, проявляющих признаки неуверенности и разговаривающих по телефону, получая вербальные инструкции от кибер-мошенников.

Предупредительная деятельность в отношении данной категории граждан заключается в том, что УУП, обходя ежедневно свой участок и наблюдая за поведением граждан, обязан заранее пояснить порядок действий при поступлении звонков от потенциально опасных собеседников

Общепредупредительная деятельность УУП в отношении такой категории, как несовершеннолетние, характеризуется особенностями законодательного регулирования, в том числе регионального. Так, при профилактическом обходе участковый выявляет несовершеннолетних, находящихся в темное время суток без сопровождения взрослых в общественных местах, и применяет к ним предусмотренные законодательством меры ответственности.

По результатам получения данных сведений УУП докладывает руководству, а также заинтересованным должностным лицам органа полиции, затем полученная информация используется лицами в рамках осуществления ими служебных обязанностей.

Список источников

1. *О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности* : приказ МВД России от 29 марта 2019 г. № 205. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. *Об организации и проведении отчетов должностных лиц территориальных органов МВД России* : приказ МВД России от 30 августа 2011 г. № 975. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. *Теоретические основы формирования отрасли полицейского права* / под ред. О. И. Бекетова. Омск, 2019.

Л. А. Макарова, Е. Л. Невзгодина

Проблемы реализации конституционных норм в отраслевом законодательстве

Коренные изменения в политической и социально-экономической жизни России, затрагивающие важнейшее конституционное право на жилище, здоровой и безопасной среды обитания (ст. 40 Конституции РФ), которому корреспондирует обеспечение надежного и бесперебойного теплоснабжения, повлекли за собой принятие отраслевого Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 190-ФЗ «О теплоснабжении», ставшего отправной точкой в регулировании соответствующих отношений [1, с. 50].

Учитывая особую социальную значимость теплоснабжения для устойчивого роста экономики, повышения качества жизни населения и содействия укреплению ее внешнеэкономических позиций [2, с. 16], определение единого подхода к защите гражданских прав является важным вопросом отраслевого законодательства, состояние которого порождает многочисленные трудности в теории и на практике.

Отношения в сфере теплоснабжения нуждаются в выработке особо эффективных, справедливых и достаточных механизмов правовой защиты, которые в целях рационального использования энергетических ресурсов должны носить четко аргументированный характер.

Один из основных принципов гражданского законодательства «никто не должен обогащаться за счет другого без наличия к тому должного правового основания (титула)» влечет широкое применение в условиях российской правовой действительности института неосновательного обогащения (о чем свидетельствует и судебная практика).

В то же время далеко не во всех случаях гражданско-правовые нормы о неосновательном обогащении — способе истребования полученного без правовых оснований имущества — применяются правильно и единообразно. С одной стороны, указанная проблема связана с обеспечением баланса публичных и частных интересов, с другой, порождается отсутствием в отраслевом законодательстве адаптированных механизмов правовой защиты, в полной мере отвечающих целям и задачам социально ориентированных сфер общественных отношений, в числе которых — теплоснабжение.

Общая концепция неосновательного обогащения не требует виновного поведения субъектов. При применении норм главы 60 Гражданского кодекса РФ не возникает необходимости устанавливать и такой элемент субъективной стороны, как наличие воли приобретателя имущества,

отсутствие воли потерпевшего или поведение третьих лиц. Функциональное назначение обязательств, возникающих из неосновательного обогащения, состоит в правовом обеспечении восстановления первоначального имущественного положения сторон [3, с. 889].

Сфера теплоснабжения обладает особенностями, заключающимися, прежде всего, в неотделимости материальных объектов от производимого и передаваемого с помощью них ресурса (тепловой энергии), а также назначении теплосетевого имущества, которое используется для осуществления хозяйственной деятельности в публичных интересах, берущих начало от провозглашенных Конституцией РФ основ здоровой и безопасной среды обитания человека (ст. 40).

При этом сам институт неосновательного обогащения, призванный обеспечить легальный переход имущественных ценностей, часто не учитывает ни характера объектов, в отношении которых применяются его защитные механизмы, ни особенностей сферы общественных отношений, в которых они участвуют (например, публичность, социальная значимость, ограниченная оборотоспособность).

С учетом специфики объектов теплоснабжения и социальной ориентированности указанной сферы представляется целесообразным установить дополнительный критерий, определяющий, кто из сторон ответственен за факт возникновения неосновательного обогащения (с учетом принципа добросовестности) в целях справедливого распределения ответственности.

В силу особого характера складывающихся в процессе потребления тепловой энергии правоотношений, в которые вступают профессиональные теплоснабжающие организации и потребители (априори слабая сторона договора теплоснабжения), применение кондикционного иска в качестве меры защиты не всегда будет обоснованным. Возникновение обязательств вследствие неосновательного обогащения в данном случае связывается с отсутствием надлежащих оснований (тарифа, договора), а также неисполнением предусмотренных законом или договором обязанностей. Размер самого обогащения составляет разница между экономически обоснованной стоимостью тепловой энергии и фактически потребленного ресурса. Даже на первый взгляд очевидно, что взыскание стоимости поставленного ресурса с потребителей посредством кондикции связано с недостаточной проработанностью (отсутствием) норм отраслевого законодательства, направленных на эффективную защиту интересов как потребителей, так и ресурсоснабжающих организаций. Приоритет над применением норм о неоснова-

тельном обогащении должны иметь способы защиты, направленные, прежде всего, на соблюдение баланса прав участников правоотношений в сфере теплоснабжения.

Подводя итог, отметим, что в связи с принятием большого количества новых отраслевых норм многие традиционные институты отечественного законодательства нуждаются в переосмыслении, дальнейшей отработке механизмов правового регулирования и приведении их в соответствие с основополагающими конституционными принципами России.

Список источников

1. Руфф А. Ю. Договор теплоснабжения как один из видов договоров энергоснабжения // Законодательство и экономика. 2016. № 8.
2. Васильева О. Н., Костылева Г. В. Административная ответственность за незаконное потребление энергоресурсов // Рос. юстиция. 2018. № 8.
3. Российское гражданское право : учебник: в 2 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд. М., 2011. Т. 2.

К. В. Маслов

Угрозы налоговой безопасности государства: конституционное измерение

Национальная безопасность часто понимается как «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечивать конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие РФ, оборону и безопасность государства» [1, с. 170].

В Конституции РФ выделены три основные разновидности безопасности: «безопасность государства» (ч. 5 ст. 13), «безопасность граждан» (ч. 1 ст. 56), «общественная безопасность» (ч. 1 ст. 72).

На конституционном уровне категория «государственная безопасность» впервые была упомянута в ст. 14 Конституции СССР 1936 г. в части отнесения ее охраны к ведению СССР в лице его высших органов власти и государственного управления, после чего стала использоваться в иных официальных документах и научных источниках.

Плодотворно в правовом аспекте отмеченное А. И. Стаховым тождество между интересами, защищенность которых образует безопасность, и закрепленными в Конституции ценностями [2, с. 17]. В правовом госу-

дарстве необходимым условием обеспечения безопасности в любой сфере выступает регламентация соответствующих ценностей в Основном законе. Как отмечает А. Н. Кокотов, именно конституционное право призвано ставить цели для иных отраслей права, закрепляя базовые для них ценности [3, с. 18].

Конституция РФ высшей ценностью объявляет права и свободы человека (ст. 2), а целью государственной политики — создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (ч. 1 ст. 7). Поэтому серьезной угрозой экономической и, в частности, налоговой безопасности государства выступают не только высокие показатели налоговой деликтности, но и недостаточный уровень инвестиций в развитие человеческого капитала. Человеческий капитал — это запас знаний, умений, навыков, мотиваций, способностей и здоровья, который формируется в результате инвестиций [4, р. 217; 5, с. 6–7] и содействует росту доходов не только отдельного человека, но и государства в целом [6, с. 139]. Иначе говоря, «о человеческом капитале можно говорить и как о факторе национального богатства» [7, с. 5]. Нобелевский лауреат Т. Шульц доказал, что инвестиции в человеческий капитал в сравнении с вложениями в классический капитал приносят больший доход [8, р. 113]. В настоящее время в рейтинге стран по индексу человеческого развития (показатель, в расчете которого участвуют практически те же элементы, которые характеризуют человеческий капитал) Россия занимает лишь 52-е место в мире [9]. Не случайно три из пяти заявленных Президентом РФ национальных целей развития напрямую связаны с человеческим капиталом: сохранение населения, здоровье и благополучие людей, возможности для самореализации и развития талантов, комфортная и безопасная среда для жизни [10].

Высокий уровень налогообложения, дестимулирующий экономическую активность населения, а равно сбалансированный бюджет за счет отказа от государственных инвестиций в здравоохранение и образование, в перспективе неизбежно подрывают налоговую базу государства, а значит, угрожают его налоговой безопасности.

Потому налоговая безопасность государства должна включать показатели обеспечения экономических потребностей всех социальных групп на основе консенсуса. Как отмечал Конституционный Суд РФ в постановлении от 14 июля 2003 г. № 12-П, законодатель должен учитывать не только публичный интерес государства, связанный с его экономической безопасностью, но и частные интересы физических и юридических лиц.

Именно конституционные принципы должны стать ориентиром для регулирования вопросов безопасности в отраслевых правовых актах.

Вместе с тем, как отмечают исследователи, пока, к сожалению, «не существует глубоко продуманной корреляции между Основным законом страны и правовыми нормами, регламентирующими экономическую деятельность» [11, с. 16].

Список источников

1. Юрченко М. В., Давыдов А. В. Научно-теоретические основания категории «национальная безопасность России» // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. № 6.

2. Стахов А. И. Административно-публичное обеспечение безопасности в Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007.

3. Кокотов А. Н. Конституционное право в российском праве. Понятие, назначение и структура // Правоведение. 1998. № 1.

4. Becker G. S. Human capital: theoretical and empirical analysis, with special reference to education. Chicago, London: The University of Chicago Press, 1964.

5. Добрынин А. Н., Дятлов С. А. Человеческий капитал в транзитивной экономике: формирование, оценка, эффективность использования. СПб., 1999.

6. Милль Дж. С. Основы политической экономии. М., 1980. Т. 1.

7. Костюков А. Н. Приоритеты конституционно-правового развития современной России // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 1.

8. Schultz T. Investment in Human Capital; The Role of Education and of Research. New York: The Free Press, 1971. 272 pp.

9. 2020 Human Development Index Ranking. Режим доступа: <http://hdr.undp.org/en/content/latest-human-development-index-ranking> (дата обращения: 26.06.2021).

10. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года : указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Карданов В. З. Правовое обеспечение экономической безопасности Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004.

Е. Л. Невзгодина

Пределы охраны конституционного права на жилище при банкротстве гражданина

Право на жилище и недопустимость его незаконного изъятия являются важнейшим конституционным правом каждого гражданина, а равно неотъемлемым элементом как его общей и гражданско-правовой правосубъектности, так и существенным субъективным правом на конкретное жилище. Адекватная защита этого права имеет не только правовое, но и огромное социальное значение, так как наличие достаточного жилища — это необходимое условие нормальной жизнедеятельности гражданина как члена социума, неотъемлемая часть общепризнанных стандартов прав человека.

Право каждого гражданина на жилище и недопустимость его произвольного лишения регламентированы ст. 40 Конституции РФ.

Гарантии права на жилище, его неприкосновенность закреплены в соответствии с Конституцией страны в ряде отраслей отечественного права (гражданское, административное, семейное и др.), а также в нормах процессуального права. Так, статьей 446 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее — ГПК РФ) не допускается обращение взыскания по исполнительным документам судов на принадлежащее гражданину-должнику жилое помещение (его часть), если для этого гражданина и членов его семьи, совместно с ним проживающих, оно является единственным пригодным для постоянного проживания помещением. Однако, следуя общим принципам гражданского права (принципам добросовестности, разумности, справедливости), нельзя не учитывать необходимости достижения нужного баланса права гражданина на обеспеченность жильем и прав его кредиторов, которые заинтересованы в наиболее полном удовлетворении своих требований к этому гражданину в рамках процедуры банкротства.

В судебной практике с учетом постоянного роста числа дел о банкротстве физических лиц остро встает вопрос о возможности реализации единственного пригодного для проживания должника-гражданина и членов его семьи жилого помещения (далее — единственное жилое помещение) в рамках процедуры реализации имущества гражданина, применяемой в деле о его банкротстве, что неизбежно вступает в определенный конфликт с конституционным правом гражданина на жилище.

Следует отметить, что дискуссия о допустимости ограничения исполнительского иммунитета, в том числе в рамках дел о банкротстве, яв-

ляется достаточно продолжительной и в настоящем не достигла какой-либо завершающей точки.

В законодательстве целого ряда стран (Великобритания, Франция, Швеция, Швейцария, Беларусь, Австрия, Германия, Болгария) предусмотренный в ст. 446 ГПК РФ иммунитет в отношении единственного пригодного для проживания гражданина и членов его семьи жилого помещения имеет, исходя из буквального толкования соответствующей нормы права, ст. 446 ГПК РФ, безусловный характер (за исключением случаев, когда жилое помещение является предметом ипотеки). Соответствующая проблема нередко становилась предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ (далее — КС РФ), были и предписания законодателю в части внесения изменений в ст. 446 ГПК РФ применительно к размерам жилого помещения, на которое может быть обращено взыскание по исполнительным документам, однако до сих пор этого не произошло.

В то же время судебной практикой по делам о банкротстве граждан, где вопросы достижения баланса интересов должника и конкурсных кредиторов и противодействия злоупотреблениям участвующих в деле лиц традиционно имеют особое значение, все-таки выработан более гибкий подход к определению наличия (отсутствия) оснований для применения указанной нормы права.

В частности, Верховный Суд РФ (далее — ВС РФ) неоднократно указывал арбитражным судам на необходимость при применении ст. 213.25 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» учитывать установленные ими факты недобросовестного поведения должника в процедуре, т. е. исполнительский иммунитет следует оценивать как предел применения соответствующего способа защиты субъективного права кредитора на удовлетворение его законных требований к должнику.

Такая позиция ВС РФ, как и позиция КС РФ, содержащаяся в его постановлении от 14 мая 2012 г. № 11-П, означает концептуальный прорыв в юридических взглядах на возможность обращения взыскания на единственное жилое помещение. Иными словами, судебная практика допускает отступление от установленного в ст. 446 ГПК РФ императива о недопустимости обращения взыскания на единственное жилье в любом случае с соблюдением принципов разумности, справедливости и добросовестности. Следовательно, налицо определенные «ножницы» между позицией судебной практики, предлагаемой высшими судебными инстанциями страны, и законом.

В этих условиях требуется внесение изменений в ст. 446 ГПК РФ, позволяющих суду (и только суду) обращать взыскание и на единственное жилье гражданина-банкрота, если соответствующий объект недвижимости по своим характеристикам явно превышает уровень, достаточный для обеспечения разумной потребности гражданина-должника и членов его семьи в жилище. При этом обращение взыскания на единственное жилье должно быть допустимо как исключительное, поскольку только при соблюдении этого условия должнику может быть реально гарантирована защита от злоупотреблений со стороны кредиторов.

Для целей определения достаточного для удовлетворения потребности гражданина и членов его семьи в жилище метража жилой площади желательна выработка усредненных по стране либо разработанных применительно к условиям конкретного населенного пункта нормативов обеспеченности граждан жилой площадью, которые будут использоваться непосредственно для целей определения наличия (отсутствия) оснований для обращения взыскания на единственное жилое помещение.

К. Д. Николаев

Понятие и классификация конституционных основ уголовного законодательства

Конституционные основы уголовного законодательства закреплены в нормах Конституции РФ, являющихся источником соответствующих предписаний Уголовного кодекса РФ (далее — УК РФ), а также иных нормативных правовых актов, так или иначе затрагивающих вопросы уголовного права, например, постановлений Пленума Верховного Суда РФ. Исходя из этого можно предложить следующее понятие: конституционные основы уголовного законодательства — это закрепленные в нормах Конституции РФ базовые предписания, получившие дальнейшее развитие и конкретизацию в УК РФ, а также иных нормативных правовых актах.

Классификация конституционных основ уголовного законодательства может быть предложена в нескольких вариантах. Так, в ходе подготовки, составления и принятия уголовного законодательства в нем должны быть закреплены составы преступлений, связанных с посягательством на общественные отношения, получившие отражение в нормах Конституции РФ. Эти нормы определяют направления осуществления уголовно-правовой охраны.

Полагаем, можно предложить классификацию основ уголовного законодательства, учитывая общественные отношения, которые постулируются нормами, образующими ту или иную главу Конституции РФ (иначе говоря, общественные отношения, которым посвящены конкретные главы Конституции РФ и которые надлежит охранять, в том числе, задействуя уголовное право).

Так, в самом общем виде выделяются конституционные основы норм уголовного законодательства, направленных на:

- 1) защиту конституционного строя и государства;
- 2) охрану конституционных прав человека и гражданина, не связанных с отношениями правосудия и уголовно-правовыми отношениями;
- 3) защиту федеративного устройства (территориальной целостности РФ и ее субъектов);
- 4) охрану Президента РФ;
- 5) охрану и обеспечение функционирования Федерального Собрания РФ (как государственного института в целом, так и сенаторов Совета Федерации РФ и депутатов Государственной Думы РФ в частности);
- 6) охрану и обеспечение функционирования Правительства РФ (как государственного института в целом, так и отдельных его членов);
- 7) охрану и обеспечение функционирования суда и прокуратуры;
- 8) охрану и обеспечение функционирования местного самоуправления.

Согласно господствующей в настоящее время в теории права точке зрения можно выделить следующие виды конституционных основ уголовного законодательства — конституционные предписания, лежащие в основе уголовно-правовых норм, направленных на:

- 1) охрану и обеспечение законных интересов личности;
- 2) охрану и обеспечение интересов общества;
- 3) охрану и обеспечение интересов государства.

Исходя из территории (действие уголовного закона в пространстве), в соответствии с которой действует уголовное законодательство, его конституционные основы можно классифицировать следующим образом. Это предписания конституционных норм, на которых базируются соответствующие нормы уголовного законодательства, регламентирующие применение норм УК РФ на территории:

- Российской Федерации;
- вне пределов Российской Федерации.

Также можно выделить конституционные основы уголовного законодательства применительно к противодействию конкретным видам

преступлений. Их в самом общем виде можно разделить на являющиеся конституционной базой уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за:

- преступления общеуголовной направленности;
- иные преступления.

В рамках каждого из этих направлений можно выделить и более узкие группы преступлений.

Правомерно говорить о конституционных основах уголовного законодательства в части, касающейся *общего* и *специального* предупреждения преступлений (в том числе и осуществляемого в местах лишения свободы). Опять же в зависимости от конституционных основ можно разделять направленность общего и специального предупреждения преступлений на общеуголовные и иные преступления, а далее более подробно классифицировать в зависимости от отдельных их видов.

Необходимо отметить, что классификация основ уголовного законодательства далеко не исчерпывается предложенными вариантами. Конституционные основы уголовного законодательства проявляются в различных аспектах. Например, конституционные предписания напрямую влияют на определение порядка, субъекта принятия и, соответственно, статуса уголовного законодательства.

Ю. С. Пестерева

Защита конституционного права на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности, нормами уголовного законодательства

Часть 2 ст. 37 Конституции РФ закрепила социально направленное право каждого на условия труда, отвечающие требованиям безопасности и гигиены. Вместе с тем реализация этого права в РФ подвержена ряду рисков, среди которых наиболее опасным является риск несчастного случая и получения производственной травмы, которая в некоторых случаях может вести к тяжкому вреду здоровью, инвалидности или даже смерти. Так, согласно статистическим данным, в 2020 г. в России на производстве произошло 1277 случаев со смертельным исходом (в 2019 г. — 1527). Общее количество страховых случаев составило 32,2 тыс. (в 2019 — 39,5 тыс.), в том числе несчастных случаев с легким исходом — 24,2 тыс. (в 2019 г. — 29,4 тыс.), с тяжелым — 3,3 тыс. (в 2019 г. — 4,6 тыс.) [1]. По этим показателям Россия находится на одном из первых мест в Европе и мире.

Статья 143 Уголовного кодекса РФ (далее — УК РФ) устанавливает уголовную ответственность за нарушение требований охраны труда и характеризуется рядом особенностей, во многом определяемых бланкетностью нормы.

Непосредственным объектом состава преступления выступают общественные отношения, связанные с обеспечением сохранения жизни и здоровья работников в процессе трудовой деятельности и защищаемые конституционным правом каждого на условия, отвечающие требованиям безопасности и гигиены. Дополнительными объектами являются жизнь и здоровье человека.

Потерпевшими по соответствующим частям ст. 143 УК РФ с учетом разъяснений постановления Пленума Верховного Суда РФ (далее — ВС РФ) от 29 ноября 2018 г. № 41 «О судебной практике по уголовным делам о нарушениях требований охраны труда, правил безопасности при ведении строительных или иных работ либо требований промышленной безопасности опасных производственных объектов» будут работники, а также иные лица, участвующие в производственной деятельности работодателя. При этом работниками могут считаться лица, с которыми заключены трудовые договоры, а также лица, с которыми трудовой договор не был оформлен либо был оформлен в ненадлежащей форме, но которые приступили к работе с согласия или ведома работодателя или его уполномоченного представителя. К иным лицам, участвующим в производственной деятельности работодателя, следует относить лиц, указанных в ст. 227 Трудового кодекса РФ (далее — ТК РФ). Вместе с тем Пленумом ВС РФ не была учтена проблема гражданско-правовых договоров, фактически регулирующих трудовые отношения. Трудовые отношения «исполнителей» таких договоров признаются работодателем либо судом в порядке гражданского судопроизводства. В силу ст. 16 ТК РФ такие лица не могут быть признаны лицами, фактически допущенными с согласия либо ведома работодателя или его представителя. Тем не менее, полагаем, что данные лица должны быть отнесены к категории потерпевших, так как между ними и работодателями складываются фактически трудовые отношения, т. е. отношения, при которых трудовая деятельность таких работников осуществляется под контролем работодателя. Также Пленумом ВС РФ не был учтен открытый перечень ст. 227 ТК РФ, что повлекло невозможность признания в качестве потерпевших лиц, участвующих в производственной деятельности работодателя, но не указанных в ст. 227 ТК РФ. К ним следует относить осужденных к принудительным работам и участвующих

щих без оплаты труда в работах по благоустройству зданий и территорий исправительных центров. Считаем необходимым внести изменения в пп. 3, 12 постановления Пленума ВС РФ от 29 ноября 2018 г. № 41 в целях устранения сложившихся ошибок.

Полагаем, что к субъектам ст. 143 УК РФ нужно относить лиц, осуществляющих незаконную предпринимательскую деятельность, но только при наличии двух условий:

1) потерпевшие добросовестно полагали, что деятельность их работодателя является законной, т. е. пострадавшие не являлись соучастниками преступления;

2) лицом, осуществляющим незаконную предпринимательскую деятельность, было нарушено определенное государственное нормативное требование охраны труда.

Также к субъектам преступления следует относить лиц, фактически руководивших организацией, при условии, если формальным учредителем и руководителем выступало подставное лицо.

Необходима криминализация нарушения требований охраны труда, повлекшего причинение вреда здоровью средней тяжести.

Считаем необходимым установить уголовную ответственность за создание работнику условий, опасных для его жизни.

Список источников

1. *Производственный травматизм и профессиональная заболеваемость*. URL: https://rosstat.gov.ru/working_conditions?print=1 (дата обращения: 05.12.2021).

П. В. Пошелов

Защита свободы совести и вероисповеданий Уголовным кодексом Российской Федерации

Федеральным законом от 29 июня 2013 г. № 136-ФЗ [1] в ст. 148 УК РФ были внесены несколько изменений. Теперь часть 1 этой статьи предусматривает уголовную ответственность за совершение публичных действий, выражающих явное неуважение к обществу и совершенных в целях оскорбления религиозных чувств верующих.

Рассмотрим конкуренцию ч. 1 ст. 148 с другими статьями: п. «б» ч. 1 ст. 213, ст. 282 УК РФ (в части унижения достоинства группы лиц по признакам отношения к религии), ст. 20.3.1 КоАП РФ (в той же части).

Единственным отличием ч. 1 ст. 148 УК РФ от п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ является наличие в последней такого признака, как «грубое нарушение общественного порядка».

Что касается статей 282 УК РФ и 20.3.1 КоАП РФ, то теперь по ним нужно будет квалифицировать в случае, если лицо утверждает исключительность одной религии перед другими, и при этом указывает отрицательные характеристики представителей другой религии (по причине того, что эти лица не исповедуют «правильной» религии, а не из-за ненависти к религии как таковой). Иначе говоря, если представитель одной религии унижает религиозные чувства представителей другой, в этом случае не будет квалификации по ст. 148 УК РФ. Это деяние может стать катализатором межконфессиональных конфликтов, значит оно посягает на другой объект (на основы конституционного строя и безопасности государства, а не на конституционные права и свободы). Если же лицо высказывает унижительные характеристики, отрицательные эмоциональные оценки верующих, не называя при этом одну религию правильной, а другую неправильной, тогда это деяние следует квалифицировать по ч. 1 ст. 148 УК РФ.

Рассмотрим санкции конкурирующих статей. Максимальное наказание по ч. 1 ст. 282 УК РФ, а также по ч. 1 ст. 213 УК РФ — пять лет лишения свободы, максимальное же наказание по ч. 1 ст. 148 УК РФ — один год лишения свободы. Это не совсем согласуется с концепцией законопроекта (а цель была в ужесточении ответственности). То, что раньше могло квалифицироваться по ст. 213 УК РФ с наказанием до пяти лет лишения свободы, теперь квалифицируется по ст. 148 с наказанием до одного года лишения свободы. Где же ужесточение?

Также довольно спорным представляется помещение данного деяния в главу 19 УК РФ. Исходя из логики законодателя, оскорбление религиозных чувств верующих нарушает конституционное право на свободу совести и вероисповедания. Обратимся к Федеральному закону от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях». В соответствии с ним под свободой совести и свободой вероисповедания понимается право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, совершать богослужения, другие религиозные обряды и церемонии, осуществлять обучение религии и религиозное воспитание, свободно выбирать и менять, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними, в том числе создавая религиозные объединения. Каким образом при оскорблении чувств верующих

могут быть нарушены эти права? То есть верующий после оскорбления его религиозных чувств не сможет исповедовать свою религию или совершать богослужение? Часть 1 ст. 148 УК РФ логичнее было поместить в главу 25 «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности».

Что касается других положений этой статьи, то к ним также есть вопросы. В частности, по ч. 3 выносится наказание за незаконное воспрепятствование деятельности религиозных организаций или проведению богослужений, других религиозных обрядов и церемоний. В соответствии с Федеральным законом «О свободе совести и о религиозных объединениях» религиозным объединением признается добровольное объединение граждан РФ, иных лиц, постоянно и на законных основаниях проживающих на территории РФ, образованное в целях совместного исповедания и распространения веры и обладающее соответствующими признаками. Религиозные объединения могут создаваться в форме религиозных групп и религиозных организаций. Однако в части 3 установлена ответственность за воспрепятствование деятельности только религиозной организации. Получается, что религиозные группы уголовным законом не защищены, чего, конечно, не должно быть.

Помимо этих проблем существуют и иные, чисто формального либо лингвистического характера. Кто такие верующие (ведь официального списка религий в РФ нет, к религии можно отнести верования, обряды многочисленных коренных народов и неоязычество). Что нужно относить к религиозным чувствам? Можно ли вообще оскорбить чувства (представляется, что оскорбить можно человека — носителя чувств, но не сами чувства, хотя в теории есть и иные позиции) [2, с. 65]?

Список источников

1. *О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан* : федеральный закон от 29 июня 2013 г. № 136-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. *Титаренко А. П.* Квалификация цели состава преступления, предусмотренного частью 1 и 2 статьи 148 Уголовного кодекса Российской Федерации в деятельности следователя Следственного комитета Российской Федерации // *Алтайский вестник государственной и муниципальной службы.* 2019. № 17.

С. А. Романькова, В. О. Кулик

Реализация прав и свобод граждан при осуществлении федерального государственного надзора в области безопасности дорожного движения

В Юридической энциклопедии безопасность дорожного движения определена как состояние дорожного движения, отражающее степень защищенности его участников от дорожно-транспортных происшествий (далее — ДТП) и их последствий [1, с. 47]. Аналогичное понятие закреплено в ст. 2 Федерального закона «О безопасности дорожного движения» [2]. Представляется, что основу подхода законодателя составляет обеспечение приоритета неотъемлемых прав граждан: на жизнь, здоровье, личную неприкосновенность. Таким образом, защита участников дорожного движения от ДТП и их последствий является задачей, имеющей государственную значимость. Это вытекает из содержания государственных программных документов [3; 4].

Безопасность дорожного движения рассматривается в контексте национальной безопасности, содержательную часть которой составляют оборона страны и все виды безопасности, в частности государственная, общественная, информационная, экологическая, экономическая, транспортная, энергетическая и др. [5, с. 39].

В Стратегии, утвержденной Указом Президента РФ, национальная безопасность обозначена как состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие РФ [3].

Таким образом, к объектам безопасности дорожного движения следует отнести жизнь и здоровье, права и свободы участников дорожного движения; техническое состояние транспортных средств; состояние дорог и дорожно-транспортной инфраструктуры; состояние экологии [6, с. 34; 7, с. 66], социально-экономического развития; деятельность и организацию деятельности юридических лиц и др.

Следует подчеркнуть, что рост количества нарушений правил дорожного движения, неудовлетворительное состояние объектов транспортной инфраструктуры, транспортных средств являются не только источниками угроз безопасности дорожного движения, но и общественной безопасности [4]. Несомненно, низкая правовая культура

участников дорожного движения и эксплуатация объектов транспортной инфраструктуры, транспортных средств, состояние которых не отвечает требованиям безопасности, повышают риск возникновения ДТП и чрезвычайных ситуаций. Это не обеспечивает защиту жизни и здоровья участников дорожного движения от негативных факторов самого дорожного движения. Поэтому основными направлениями работы по противодействию угрозам жизни и здоровья граждан определены совершенствование правового регулирования в области дорожного движения, укрепление режима безопасного функционирования транспортной инфраструктуры и других критически важных, потенциально опасных объектов, повышение уровня их защищенности.

Таким образом, государством намечена стратегия защиты конституционных прав и свобод участников дорожного движения, направленная на развитие необходимого уровня правового регулирования общественных отношений, отражающих безопасность дорожного движения.

Список источников

1. Тихомирова Л. В., Тихомиров М. Ю. Юридическая энциклопедия. М., 1998.
2. О безопасности дорожного движения : федеральный закон от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/499059750> (дата обращения: 12.10.21).
5. Романькова С. А. Административное принуждение, применяемое полицией в области дорожного движения : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2017.
6. Буцакова М. А. Координация в системе государственного и муниципального управления охраной окружающей среды : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011.
7. Деятельность полиции зарубежных стран : учеб. пособие. Омск, 2005.

М. Н. Ситкина, И. В. Прудникова

Обеспечение принципа законности при проведении опроса граждан

Гарантией защиты прав и законных интересов личности в сфере оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД) выступают наличие четкой правовой основы, а также соблюдение принципов законности и уважения прав и свобод личности при ее осуществлении. Законодателем определен исчерпывающий перечень оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ), которые в зависимости от решаемых задач и складывающейся тактической ситуации можно проводить как гласно, так и негласно в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств [1].

Опрос — это оперативно-розыскное мероприятие, заключающееся в сборе фактической информации, имеющей значение для решения задач ОРД. Оно является самым распространенным в деятельности оперативных подразделений. Участие лица в проведении опроса может быть только добровольным. Выбор места его проведения диктуется тактической необходимостью. Если требуется придать беседе статус официальной, а затем допросить гражданина в качестве участника уголовного процесса, то целесообразно проводить опрос в служебном помещении органа внутренних дел (далее — ОВД).

Несмотря на то, что россияне в основном положительно оценивают работу полиции в их регионе (36%), еще почти половина дают среднюю оценку (47%), остальные опрошенные высказывают недоверие ОВД, в том числе из-за опасения необоснованного обвинения и привлечения к уголовной или административной ответственности [2]. В связи с этим добровольно явиться в отдел полиции для проведения опроса согласится лишь половина граждан.

В то же время законодатель не позволяет применять меры принуждения при проведении ОРМ. Если вызванное лицо отказывается прибыть в ОВД для участия в опросе, невозможно обеспечить его явку, как это допускается в рамках уголовно-процессуального и административно-процессуального производства.

Есть и другая сторона проблемы — человеку для участия в ОРМ нужно оставить рабочее место. Например, свидетель, потерпевший согласно ст. 188 УПК РФ уведомляются об участии в следственных действиях

повесткой, в которой указаны место, время проведения следственного действия и меры принуждения, применяемые в случае неявки по вызову без уважительных причин. Таким образом, повестка — это официальное подтверждение законности отсутствия лица на работе (учебе). При участии же в ОРМ опрашиваемый не защищен перед работодателем.

Обратимся к другой проблеме, которая в последнее время вызывает интерес у юристов и ученых, — участие защитника в ОРМ [3, с. 14–19; 4, с. 127; 5, с. 13].

Оперативно-розыскное законодательство не предусматривает возможности участия адвоката в ОРМ. Однако часть 1 ст. 48 Конституции РФ гарантирует право на получение квалифицированной юридической помощи. В то же время уголовно-процессуальное законодательство запрещает использование результатов ОРД, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам. Пункт 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ к недопустимым доказательствам относит показания подозреваемого, а равно обвиняемого, данные ими в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника (включая случаи отказа от защитника) и не подтвержденные подозреваемым, обвиняемым в суде. Из этого следует, что с момента, когда ограничение их прав становится реальным, сотрудникам правоохранительных органов надлежит разъяснять права граждан на защиту и предоставлять возможность пользоваться услугами адвоката.

Таким образом, для повышения эффективности решения задач ОРД следует рассмотреть возможность внесения изменений в законодательные акты, обеспечивающие явку лиц для участия в гласных ОРМ, а также предусматривающие возможность привлечения защитника.

Список источников

1. *Об оперативно-розыскной деятельности* : федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. *Результаты* социологического исследования ВНИИ МВД России. Ноябрь 2020 г. URL: <https://мвд.рф/publicopinion> (дата обращения: 12.11.2020).
3. Гусев В. А. Участие адвоката в проведении негласных оперативно-розыскных мероприятий // Законодательство и практика. 2020. № 1.
4. Чечётин А. Е. Актуальные проблемы обеспечения прав личности в оперативно-розыскной деятельности уголовного розыска // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 1(49).
5. Чуркин А.В. Участие адвоката в оперативно-розыскной деятельности требует законодательного решения // Адвокат. 2014. № 5.

РАЗДЕЛ III. ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Д. В. Андреев

О недопустимости избыточных ограничительных мер в сфере алкогольного законодательства в целях охраны прав предпринимателей

Регулирование оборота алкогольной продукции на территории РФ является важным элементом в системе государственного управления в целом, так как результаты управленческой деятельности существенно влияют на общественные отношения.

В научной литературе государственное регулирование часто связывают с экономической деятельностью государства. Большой экономический словарь определяет понятие «государственное регулирование» как правительственные правила и законы, изменяющие или контролирующие экономическую деятельность [1, с. 67]. На первый взгляд, можно утверждать, что Федеральный закон от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции» (далее — Закон № 171) устанавливает правоотношения только в экономическом секторе общественных отношений, охраняя при этом только финансовые интересы субъектов данных правоотношений. Пунктом 1 ст. 8 Конституции РФ гарантируются единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности.

Однако понятие государственного регулирования значительно шире (*terminus est latius*) и затрагивает не только экономические интересы, но и социальную жизнь общества. Данное суждение основано на п. 1 ст. 7 Конституции РФ, где сказано, что Российская Федерация является социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Вместе с тем права и свободы человека и гражданина первостепенны, они

определяют смысл, содержание, применение законов, а также деятельность органов публичной власти.

Кроме того, в ч. 1 ст. 1 Закона № 171 прямо определены цели, среди которых: защита нравственности, здоровья, прав и законных интересов граждан, экономических интересов РФ, обеспечение безопасности указанной продукции.

Из этого следует, что задачи административно-правового регулирования оборота алкогольной и спиртосодержащей продукции значительно шире экономической сферы и затрагивают социально важные аспекты жизни общества.

Таким образом, реализуя функции в сфере алкогольного законодательства в целях достижения экономических интересов, государству важно учитывать последствия применения административно-правовых мер, которые могут повлиять на свободу предпринимательства и отрицательно отразиться на экономике предприятий, что, в свою очередь, может негативно повлиять на социальную жизнедеятельность общества.

Например, органы исполнительной власти в ряде субъектов РФ, преследуя цель пополнения регионального бюджета, осуществляли протекционизм местных производителей и продавцов алкогольной продукции, устанавливая требования по прохождению дополнительной сертификации (маркировки) алкогольной продукции. Данные меры усложняли ввоз алкогольной продукции производителей и продавцов из других субъектов РФ, а также требовали финансовых вложений, что влияло на увеличение цены ввозимой продукции по сравнению с местной [2].

Региональные власти обосновывали такие меры борьбой с контрафактной продукцией.

Экспертный совет Федеральной антимонопольной службы РФ (далее — ФАС) отмечает, что добровольная сертификация и маркировка алкогольной продукции направлена исключительно на увеличение объемов реализации местной алкогольной продукции. Также отсутствуют объективные данные о том, что она способствует выявлению нелегального и контрафактного товара [2].

Кроме того, ФАС выявлены дополнительные ограничения и запреты на реализацию алкогольной продукции в местах общественного питания. Их разделяли по типам, местонахождению и ограничению по времени продажи алкогольной продукции, установленным органами исполнительной власти Новосибирской, Рязанской, Амурской, Иркутской областей, Еврейского автономного округа, Приморского и Ставропольского краев, Республики Саха (Якутия) [2].

В результате предприниматели организаций общественного питания в целях получения прибыли вводили «пробковый сбор». Его суть заключалась в том, что гость приносил алкогольную продукцию в заведение и платил определенную сумму за возможность употребления.

Таким образом, иногда это создавало условия для развития теневого сектора среди легальных участников оборота алкогольной продукции, способствуя при этом нелегальной продаже.

Полагаем, что при принятии дополнительных ограничительных мер в сфере оборота алкогольной продукции органам публичной власти необходимо не только преследовать экономические интересы, но и учитывать последствия, причиняемые социальной жизнедеятельности общества.

Список источников

1. *Большой экономический словарь* / под ред. А. Н. Азриалияна. М., 1997.
2. URL: <https://fas.gov.ru/documents/562720> (дата обращения: 20.11.2021).

Д. Е. Баталов

Законодательная власть в системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации

Обеспечение национальной безопасности в контексте жизнедеятельности общества и государства является приоритетным направлением всей системы органов публичной власти в РФ. Стоит отметить, что в соответствии с Федеральным законом от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» (далее — Закон о безопасности) законодательное закрепление полномочий в сфере обеспечения национальной безопасности на уровне федеральных органов государственной власти получили Президент РФ, Правительство РФ и отдельные министерства, а также палаты Федерального Собрания РФ. Из перечисленных субъектов, чья деятельность направлена на обеспечение национальной безопасности, интерес представляет Парламент. Это связано с его представительным характером и основной сферой деятельности — законодательным процессом.

Федеральное Собрание РФ является постоянно действующим органом государственной власти, состоящим из двух палат, — Государственной Думы и Совета Федерации. Правовой статус данного органа госу-

дарственной власти закреплён в главе 5 Конституции РФ. В контексте обеспечения национальной безопасности необходимо рассмотреть отдельные полномочия Федерального Собрания РФ, в том числе и на основе Закона о безопасности. При этом часть полномочий палат будет отличаться.

К ведению Государственной Думы РФ относятся:

- принятие федеральных законов в области обеспечения безопасности;
- утверждение по представлению Президента РФ кандидатуры Председателя Правительства РФ;
- решение вопроса о доверии Правительству РФ;
- заслушивание ежегодных отчетов Правительства РФ о результатах его деятельности, в том числе по вопросам, поставленным Государственной Думой РФ;
- назначение на должность и освобождение от должности Председателя Центрального банка РФ;
- заслушивание ежегодных отчетов Центрального банка РФ;
- назначение на должность и освобождение от должности заместителя Председателя Счетной палаты РФ и половины от общего числа аудиторов Счетной палаты по представлению Президента РФ;
- назначение на должность и освобождение от должности Уполномоченного по правам человека в РФ;
- объявление амнистии;
- выдвижение обвинения против Президента РФ в целях отрешения его от должности или против Президента РФ, прекратившего исполнение своих полномочий, в целях лишения его неприкосновенности.

Совет Федерации РФ в данной сфере общественных отношений обладает полномочиями по:

- рассмотрению принятых Государственной Думой Федерального Собрания РФ федеральных законов в области обеспечения безопасности;
- утверждению указа Президента РФ о введении чрезвычайного или военного положения;
- утверждению изменения границ между субъектами РФ;
- решению вопроса о возможности использования Вооруженных Сил РФ за пределами территории РФ;
- отрешению Президента РФ от должности;
- лишению неприкосновенности Президента РФ, прекратившего исполнение своих полномочий;

— проведению консультаций по предложенным Президентом РФ кандидатурам на должность руководителей федеральных органов исполнительной власти (включая федеральных министров), ведающих вопросами обороны, безопасности государства, внутренних дел, юстиции, иностранных дел, предотвращения чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий, общественной безопасности;

— заслушиванию ежегодных докладов Генерального прокурора РФ о состоянии законности и правопорядка в РФ.

Стоит отметить, что в структуре палат Федерального Собрания РФ имеются профильные комитеты, ведающие вопросами обеспечения национальной безопасности. В структуру Государственной Думы РФ входят комитеты по безопасности и противодействию коррупции, по обороне, по бюджету и налогам и др. [1]. В Совет Федерации введены такие комитеты: по обороне и безопасности, по международным делам, по бюджету и финансовым рынкам [2].

Таким образом, анализ полномочий Федерального Собрания РФ позволил сделать вывод о том, что по своей сути Парламент обладает реальной политической властью в сфере обеспечения национальной безопасности РФ. В первую очередь это проявляется в формировании законодательных основ регулирования данной сферы общественных отношений. Так, по мнению Е. А. Белокрыловой и Е. А. Бевзюк, в ходе законотворческой деятельности в сфере обеспечения национальной безопасности РФ Федеральным Собранием РФ принято и действует более 100 федеральных законов [3, с. 50]. Также немаловажной функцией данного органа государственной власти является парламентский контроль. Следовательно, в своей деятельности Парламент выступает архитектором государственно-правовой структуры национальной системы обеспечения безопасности. К тому же, исходя из своей представительской сущности, как считает И. Н. Глебов, он «является связующим звеном высшего уровня между обществом и системой обеспечения безопасности» [4, с. 99].

Список источников

1. О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации : постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 22 января 1998 г. № 2134-III ГД. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. О Регламенте Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации : постановление Совета Федерации Федерального

Собрания РФ от 30 января 2002 г. № 33-СФ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Белокрылова Е. А., Бевзюк Е. А. Комментарий к Федеральному закону от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Глебов И. Н. Правовые проблемы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид.наук. М., 1999.

А. В. Веренич

Защита прав несовершеннолетних при доставлении в органы внутренних дел

Органы внутренних дел (далее — ОВД) являются важнейшими органами исполнительной власти, наделенными действующим законодательством значительными, в том числе властными, полномочиями. Как пишет Ю. П. Соловей, «...в качестве важной черты метода полицейско-правового регулирования следует отметить сравнительно широкий объем дискреционной власти, власти действовать по своему усмотрению» [1, с. 6]. Профилактика правонарушений несовершеннолетних — одна из важнейших задач, стоящих перед правоохранительными органами современной России. Несмотря на то, что в последние годы и наблюдается снижение уровня преступлений, совершенных несовершеннолетними, данный показатель свидетельствует о необходимости проведения комплексной профилактической работы по их предупреждению.

По данным ГИАЦ МВД России, в 2020 г. несовершеннолетними совершено 203 898 правонарушений и 21 845 преступлений.

Профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних — одна из приоритетных задач МВД России, так как напрямую влияет на уровень подростковой преступности, а также обеспечивает общественное доверие и оценку населением эффективности деятельности ОВД. Одной из административных мер по профилактике правонарушений и преступлений несовершеннолетних является доставление в ОВД. Органы внутренних дел в рамках профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних реализуют не только превенции противоправного поведения подростков, но и важную функцию защиты прав детей, поскольку методы административного принуждения применяются не только для пресечения правонарушений, но и для защиты жизни и здоровья несовершеннолетних. В соответствии с законодательством

РФ доставлению подлежат не только подростки, совершившие противоправные деяния, но и дети, оказавшиеся в сложной жизненной ситуации, заблудившиеся, не имеющие места жительства, и др.

Доставление как административная мера представляет собой меру принуждения, которая сопровождается кратковременным ограничением свободы действий и передвижения физического лица, доставляемого в специальное служебное помещение. Несмотря на то, что при доставлении ограничение свободы носит кратковременный характер, нередко это влечет за собой обращения граждан в надзорные и судебные инстанции. В современных условиях применение мер обеспечения в административном производстве, а именно доставление несовершеннолетних, имеет ряд особенностей. Поэтому, чтобы избежать ущемления их прав и законных интересов, принудительное воздействие указанных мер должно осуществляться в строгом соответствии с законом. Как отмечено А. В. Тямкиным, «обеспечение (соблюдение) неотъемлемых прав и свобод есть их гарантирование, т. е. создание условий для беспрепятственной реализации этих прав и свобод со стороны государства» [2, с. 17]. Одной из особенностей применения к несовершеннолетним меры административного принуждения выступает незамедлительное уведомление его родителей или иных законных представителей о факте доставления. Однако до настоящего времени имеют место факты несвоевременного уведомления родителей или законных представителей о доставлении несовершеннолетних в ОВД либо освобождения их без передачи родителям.

Уведомление родителей или законных представителей в возможно короткий срок о применении к несовершеннолетним мер принуждения является важной гарантией защиты их прав. Строгое соблюдение нормативной правовой базы в практической деятельности полиции при осуществлении доставления несовершеннолетних будет способствовать укреплению основ системы профилактики правонарушений в РФ.

Список источников

1. Соловей Ю. П. Полицейское право и его место в системе современного административного права // Полицейское право. 2005. № 1(1).
2. Тямкин А. В. Государственная защита прав личности в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел России (теоретико-прикладные основы и проблемы) : монография. Воронеж, 2004.

О. И. Вислогубова

Конституционные основы обеспечения безопасности некоторых категорий участников дорожного движения

В настоящее время внимание общества сконцентрировано на вопросах правового регулирования передвижения лиц, управляющих электро-самокатами, гироскутерами, моноколесами и сигвеями. Повышенный интерес к указанным проблемам проявляют как потребители, так и экспертное сообщество, а также представители государственных органов. При этом, несмотря на все имеющиеся преимущества (мобильность, простота в управлении, доступность, экономичность и экологичность), рассматриваемый транспорт обладает существенным недостатком, связанным с отсутствием законодательного закрепления административно-правового статуса лиц, передвигающихся на нем [1, с. 101].

Отмечая наличие определенного правового вакуума, следует заметить, что сфера безопасности дорожного движения (далее — БДД) регламентирована действующими источниками права, главенствующую роль в системе которых занимает Конституция РФ. Так, в качестве примера конституционного регулирования сферы обеспечения БДД можно привести следующие нормы Основного закона:

— статья 2 (государство обязано защищать права и свободы человека и гражданина). Обязанность по защите реализуется посредством специально создаваемых государственных органов — правоохранительных, наиболее важным из которых в сфере БДД является МВД России в лице Государственной инспекции безопасности дорожного движения;

— статья 20 (гарантированным правом в нашей стране является право на жизнь). Согласно статье никого нельзя произвольно лишить жизни;

— статья 27 (любой человек имеет право свободно передвигаться). Любой человек, находящийся на территории РФ, имеет право свободно передвигаться, используя при этом (на законных основаниях) все виды транспорта.

Помимо предоставляемых прав Конституция РФ предъявляет требования и к соблюдению обязанностей, в числе которых:

— соблюдение Конституции РФ и законов (ст. 15);

— уважение прав и свобод других лиц (ст. 17).

Анализ правоприменительной практики свидетельствует о ситуации, при которой новые категории участников дорожного движения желают пользоваться всеми правами, однако не выполняют обязанностей. Согласно сведениям, содержащимся в Многопараметрической

информационно-аналитической системе прогнозирования и моделирования ситуации в области обеспечения БДД (МИАС) и Автоматизированной информационно-управляющей системы Госавтоинспекции (Журнал ДТП) [2, с. 22], основными местами совершения дорожно-транспортных происшествий (далее — ДТП) с участием электросамокатов, гироскутеров, моноколес и сигвеев являются:

- прилегающие территории к автодорогам (37 ДТП);
- регулируемые пешеходные переходы (26 ДТП);
- перекрестки (регулируемые — 24 ДТП; нерегулируемые — 19 ДТП; неравнозначные улицы — 19 ДТП);
- нерегулируемые пешеходные переходы (15 ДТП).

При этом подавляющее количество ДТП (77%) произошло, когда лицо передвигалось на ином виде механического транспортного средства в перпендикулярном направлении по отношению к другому транспортному средству, участвующему в ДТП. Приведенные данные свидетельствуют о том, что большинство лиц, передвигающихся на электросамокатах, гироскутерах, моноколесах и сигвеех, не только опасно маневрируют в потоке пешеходов, но и, не спешившись, пересекают проезжие части дорог, подвергая опасности себя и других участников дорожного движения.

Решением имеющихся проблем правового регулирования передвижения лиц, управляющих электросамокатами, гироскутерами, моноколесами и сигвеем, должно стать законодательное закрепление их административно-правового статуса. В основу индивидуализации прав, обязанностей и ответственности новых категорий участников дорожного движения следует положить ч. 3 ст. 17 Конституции РФ, согласно которой «осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц». Иными словами, реализуя конституционное право на свободу передвижения, лица, управляющие новыми видами механических транспортных средств, не должны посягать на безопасность пешеходов, пользующихся несомненным приоритетом на тротуарах и на пешеходных дорожках, а также водителей, которые не ожидают столь быстрого и бесшумного появления иного участника дорожного движения, передвигающегося на электросамокате перпендикулярно проезжей части.

Список источников

1. Затолокин А. А., Вислогубова О. И. Экономико-правовые меры решения проблем, связанных с использованием гироскутеров и электросамокатов // Общество и право. 2021. № 3(77).

2. *Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 6 месяцев 2021 года. Информационно-аналитический обзор.* URL: <https://НЦБДД.МВД.РФ/news/item/25536110> (дата обращения: 18.09.2021).

В. В. Вставский

Конституция как правообразующий фактор в учении Б. А. Кистяковского

Во все времена бесспорную основу, закрепляющую руководящие принципы выработки новых законов, составляет конституция государства как главный закон страны. В период расцвета российской юриспруденции (в конце XIX—начале XX вв.) конституция еще не была утверждена, формировались предпосылки на пути к ее созданию и закреплению в 1924 г. Данный факт позволял вести полемику в юридической среде о необходимости конституции, ее содержании, в том числе и о закреплении в ней идей правообразования. Особый интерес вызывают учения представителей социологической школы права, которая в тот период стремительно набирала обороты и занимала ключевые позиции в развитии правовой мысли. Научный интерес отечественных юристов в области социологической юриспруденции на рубеже веков обусловлен поиском способов эволюции политического строя и правовой системы в условиях распространения идей конституционализма и правового государства. Одним из видных представителей данного направления юриспруденции был Б. А. Кистяковский, чье учение также затронуло вопрос конституции как правообразующего фактора.

Б. А. Кистяковский считал одним из наиболее удачных определений конституции следующее: «конституция есть совокупность основных или учредительных норм права, которые устанавливают строй государства, обладающего народным представительством, и определяют состав и организацию высших органов государственной власти, гарантируя подзаконность их деятельности и неприкосновенность известных прав личности» [1, с. 488]. По мнению автора, очень важно, чтобы конституция содержала признаки, соотносимые с правовым государством как идеалом для государственного строя России. Однако в своем учении Б. А. Кистяковский приводит и другое понятие конституции, которое он считает некорректным. Так, конституцией «называется совокупность основных законов, устанавливающих государственный строй и определяющих

состав, организацию и деятельность высших органов государственной власти» [2, с. 345]. На основании данного определения невозможно отграничить правовое государство от неправового, происходит смешение понятий.

Б. А. Кистяковский, рассуждая о том, что должна содержать конституция помимо государственного строя, прав и свобод граждан, обращает внимание на роль закрепления основополагающих идей правообразования. «Строгость определений, устанавливаемых конституцией для изменения старых и издания новых законов, сообщает последним особую устойчивость и авторитетность», — считал автор [2, с. 510]. Данный тезис позволяет говорить об особом значении правообразования, которое, благодаря нормам конституции, получает широкое признание и непоколебимость.

Неоспоримым фактом в учении Б. А. Кистяковского является то, что деятельность высших органов государственной власти в современном государстве подчинена высшему закону или конституции. Используя эту формулировку, делаем логический вывод: если все ветви власти подчинены конституции, значит законодательным органам необходимо руководствоваться высшим законом, в том числе и в вопросах правообразования.

Более того, по мнению самого Б. А. Кистяковского, в конституции необходимо закрепить правило о том, что «старое право не может быть просто отменено, так как отмена его имеет силу только тогда, когда оно заменяется новым правом» [3, с. 631]. Благодаря этому требованию, законы будут приниматься своевременно, следуя принципу взаимозаменяемости, что предотвратит появление пробелов в законодательстве.

Таким образом, Б. А. Кистяковский, рассуждая о конституционном государстве, придает большое значение существованию при таком строе конституции, которая несет в себе как государственные факторы, так и правовые. Закрепление в Основном законе страны основополагающих правил правотворческого процесса повышает внимание законодателя к нему, а также является отправной точкой, неся в себе определенные принципы при создании новых законов. Несомненно, в понимании Б. А. Кистяковского конституцию государства можно считать правообразующим фактором.

Список источников

1. Кистяковский Б. А. Государственное право (общее и русское) : лекции, читанные в Московском коммерческом институте в 1908–1909 академическом году. М., 1909.

2. Кистяковский Б. А. Государство правовое и социалистическое // Вопросы философии и психологии. М., 1906.

3. Кистяковский Б. А. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М., 1916.

Е. С. Квасников

Зарубежный опыт уголовно-правовой охраны конституционного права на труд в условиях безопасности

Право на труд в условиях безопасности в России признается и гарантируется Конституцией РФ. Трудовая деятельность человека является фундаментальной составляющей всей его жизни, поэтому практически во всех странах мира безопасность труда подлежит охране, в том числе уголовно-правовыми средствами, хотя в конституциях не всех стран присутствует указание на такое право каждого. Постоянные изменения на рынке труда, возникновение нетипичных трудовых отношений выступают одной из причин актуальности развития уголовного и трудового отечественного законодательства. Правовые средства охраны труда должны идти в ногу с существующими реалиями. Их совершенствование, а также вывод охраны труда в России на международный уровень немыслимы без обращения к положительному зарубежному опыту в конструировании и применении норм об уголовной ответственности за нарушение требований охраны труда.

В качестве особенностей уголовного законодательства стран СНГ в сфере охраны труда можно выделить: отсутствие указания в соответствующих нормах уголовных законов некоторых стран на форму вины [1]; расширенный круг криминообразующих последствий в виде профессиональных заболеваний, вреда здоровью средней тяжести [2] либо же вреда здоровью без указания на степень тяжести [3].

Примечательно, что, в отличие от универсальности состава ст. 143 УК РФ (нарушение требований охраны труда), в уголовном законодательстве некоторых стран такой признак отсутствует. Например, глава 36 в недавно принятом Уголовном кодексе Киргизской Республики содержит специальные составы преступлений против безопасности в промышленности, строительстве и сфере обращения с источниками повышенной опасности [4].

Законодательство ряда европейских стран в указанной части также обладает спецификой. Например, уголовный закон Франции [5] не содер-

жит общей уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за нарушение требований охраны труда. В отличие от соответствующей российской нормы, в Законе имеют место составы преступлений, не разграниченные в зависимости от статуса субъекта преступления (работодатель, уполномоченное на соблюдение требований охраны труда лицо и др.) и от трудового статуса потерпевшего. Также не закрепляют общих норм, дифференцированных от других составов преступлений, предусматривающих ответственность за причинение смерти или какого-либо вреда здоровью по неосторожности, касающихся именно уголовно-правовой охраны труда, уголовные законы ФРГ, Бельгии, Дании, Швеции. Однако ст. 220 уголовного закона Польши «Невыполнение лицом обязанности обеспечить безопасность и гигиену труда, если тем самым подвергло работника непосредственной опасности утраты жизни либо причинения тяжелого вреда здоровью» обладает определенным сходством со ст. 143 УК РФ, за исключением дуализма состава преступления (состав преступления — формально-материальный). Особый интерес вызывает уголовное законодательство Испании, где преступлениям против прав трудящихся посвящен весь раздел (XV: ст. 311–318), что с точки зрения правил единообразного построения уголовно-правовых норм нам представляется логичным.

Для стран англо-американской правовой семьи характерно существование отдельных нормативных правовых актов, регламентирующих как вопросы обязанностей работодателей по выполнению мероприятий по охране труда, так и уголовной ответственности за их невыполнение [6; 7].

Подводя итог, отметим позитивные стороны (для обеспечения прав и законных интересов трудящихся) уголовно-правовой охраны труда в зарубежном законодательстве, которые заключаются:

- 1) в единообразном расположении норм об охране труда;
- 2) в формальности составов преступлений (при умышленной форме вины);
- 3) в отдельных нормативных правовых актах, регламентирующих обязанности работодателей по выполнению мероприятий по охране труда;
- 4) в признании профессионального заболевания криминообразующим фактором в результате нарушения требований охраны труда.

Полагаем, что следует рассмотреть вопрос об использовании положительного зарубежного опыта в данной сфере применительно к соответствующим нормам российского законодательства.

Список источников

1. Уголовный кодекс Республики Молдова от 18 апреля 2002 г. № 985-XV. URL: <http://bizlex.ru/5-ugolovnyy-kodeks-respubliki-moldova.html> (дата обращения: 18.11.2021).
2. Уголовный кодекс Республики Армения от 29 апреля 2003 г. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=7472 (дата обращения: 18.11.2021).
3. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 г. № 787-IQ. URL: http://continent-online.com/Document/?doc_id=30420353#pos=1852;-46 (дата обращения: 18.11.2021).
4. Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 2 февраля 2017 г. № 19. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111527> (дата обращения: 17.11.2021).
5. Уголовный кодекс Франции (по состоянию на 6 декабря 2019 г.). URL: <https://constitutions.ru/?p=25017> (дата обращения: 18.11.2021).
6. 29 U.S. Code § 666. Civil and criminal penalties. Chapter 15. Occupational safety and health Act. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/29/666> (дата обращения: 17.11.2021).
7. Преступления против здоровья и безопасности в Соединенном Королевстве. — Health and safety crime in the United Kingdom. URL: https://datewiki.ru/wiki/Health_and_safety_crime_in_the_United_Kingdom#Pre-1974_legislation (дата обращения: 18.11.2021).

Т. А. Лозовская

Конституционно-правовой анализ ч. 2 ст. 14 Уголовного кодекса РФ

Отсутствие необходимой ясности о том, в чем именно находит свое выражение общественная опасность и какова природа факторов, ее обуславливающих, — основная причина сложностей, возникающих при соотношении малозначительности деяния и общественной опасности. Без уяснения роли признака общественной опасности невозможно определить ту грань, когда деяние достигает уровня криминальной опасности, необходимого для легитимации уголовной ответственности.

В научной литературе встречаются разные подходы о соотношении общественной опасности и малозначительности деяния. Так, дословное толкование ч. 2 ст. 14 УК РФ наводит на мысль о полном отсутствии общественной опасности в малозначительном деянии. Эту позицию разделяют В. Н. Винокуров [1, с. 74] и С. М. Даровских. [2, с. 96].

Полагаем, что для малозначительности все-таки необходим тот минимум общественной опасности, степень которого не позволяет отнести совершенное деяние к преступному. На это обращал внимание Конституционный Суд РФ [3], об этом писали и В. В. Мальцев [4], и Ю. Е. Пудовочкин, отмечавшие, что отдельные элементы состава преступления проявляют в себе «заряд» общественной опасности, который определяет ее содержание [5, с. 32].

Общественные отношения, имеющие абсолютно не опасный характер, не могут отражаться в нормах уголовного законодательства, которые, напомним, закрепляют крайнюю форму делинквентного поведения. Малозначительным деяние становится тогда, когда соблюдены все условия: признаки совершенного деяния формально соотносятся с признаками состава преступления, однако степень общественной опасности не дотягивает до криминального уровня.

Так, оправдывая П. по предъявленному обвинению в незаконном проникновении в жилище, суд указал, что подсудимая после стука в дверь открыто, в присутствии других соседей дома, без намерения причинить какой-либо вред проникла в квартиру в целях побудить потерпевшую принять участие в очистке от снега общедомовой территории. Поскольку действия не представляли большой общественной опасности в силу малозначительности, суд пришел к выводу об оправдании П. [6].

Состав преступления, предусмотренного ст. 139 УК РФ, формальный, следовательно, преступное деяние окончено с момента незаконного проникновения в жилище. Однако ввиду сложившейся обстановки (присутствие соседей, наличие свободного доступа в жилое помещение) общественная опасность не соответствует криминальной степени. Соглашаясь с выводами суда, следует отметить, что он разделяет позицию, на основании которой для малозначительности характерен определенный «запас» опасности.

Так какое место занимает общественная опасность в предусмотренной уголовным законом совокупности объективных и субъективных признаков? Среди многочисленных подходов выделяются две основные теории: первая предлагает рассматривать общественную опасность за пределами признаков состава преступления, вторая — в контексте состава, внутри его признаков.

Например, сторонники одного подхода придерживаются мнения, что состав преступления не обладает признаком общественной опасности. Авторская позиция по данному вопросу отражена в заголовке насто-

ящей статьи и аналогична мнению В. Н. Кудрявцева [7, с. 88] и др. На наш взгляд, верно исходить из того, что совокупность объективных и субъективных признаков состава преступления наделена общественной опасностью. При этом каждый структурный элемент отдельно обладает «своей» степенью опасности.

Таким образом, общественная опасность становится главным криминообразующим признаком, позволяющим оценить деяние как преступное, который находится в рамках состава преступления и рассредоточен в каждом его структурном элементе. Если в структуре один признак «недовыражен», снижается общий уровень «заряда» опасности. Отсюда следует: чем менее выражены отдельные признаки состава преступления, тем больше снижается степень общественной опасности всего деяния и тем больше вероятность применения правил малозначительности.

Список источников

1. *Винокуров В. Н.* Малозначительность деяния в уголовном праве: признаки и формы // Журнал российского права. 2014. № 4.

2. *Даровских С. М.* К вопросу о малозначительности административного правонарушения // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2012. № 7.

3. *По делу о проверке конституционности статьи 324 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Н. М. Демьшиной* : постановление Конституционного Суда РФ от 27 февраля 2020 г. № 10-П. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

4. *Мальцев В. В.* Малозначительность деяния в уголовном праве. URL: <https://www.lawmix.ru/comm/7739> (дата обращения: 15.11.2021).

5. *Пудовочкин Ю. Е.* Учение о преступлении : избранные лекции. 2-е изд., испр. и доп. М., 2012.

6. *Апелляционное постановление Усть-Вымского районного суда (Республика Коми) № 10-11/2020 от 14 мая 2020 г. по делу № 10-11/2020.* URL: sudact.ru/regular/doc/LconCNKPZE6n/ (дата обращения: 18.11.2021).

7. *Кудрявцев В. Н.* Теоретические основы квалификации преступлений. М., 1963.

В. Е. Мушаков

Хартия прав человека и принципов для Интернета: конституционный потенциал нереализованных положений

Современная общемировая тенденция такова, что каждое государство, вставшее на путь информационно-коммуникационного развития, сталкивается с проблемой защиты прав граждан в новом виртуальном пространстве. Опыт обеспечения прав человека в различных государствах аккумулируется в рамках деятельности международных организаций, членами которых указанные государства являются, и обобщается в положениях международных актов.

Относительно защиты прав человека в условиях цифровизации общества отметим, что уже с начала XXI в. в рамках активной деятельности ООН государства-участники утверждали принципиальность соблюдения и защиты общепризнанных прав и свобод человека и гражданина при построении информационного общества. Достаточно вспомнить Женевский и Тунисский этапы Всемирного саммита по информационному обществу, проведенные под эгидой ООН в 2003 г. и 2005 г. Результатом деятельности Тунисского этапа стало принятие программы для информационного общества (далее — Тунисская программа) [1], где в п. 72 содержалось прямое обращение к Генеральному секретарю ООН с просьбой об образовании нового органа — Форума по вопросам управления использованием Интернета (Internet Governance Forum, далее — IGF). В итоге с 2006 г. IGF был учрежден и на мандатной основе действует под эгидой ООН вплоть до настоящего времени.

Динамической коалицией по правам человека и принципам в Интернете в рамках IGF в том же году была разработана и принята Хартия прав человека и принципов для Интернета (далее — Хартия) [2, с. 109–124]. На наш взгляд, она представляет собой первую известную попытку интерпретировать положения Международного билля о правах человека применительно к цифровой реальности.

Структурно Хартия состоит из преамбулы, каталога прав и обязанностей человека и заключительных положений. В преамбуле сказано, что со стороны государств и частного сектора требуется универсальное понимание всеобщности прав и свобод человека, применяемых в цифровой среде. В каталоге прав человека раскрыто содержание права на доступ в Интернет (ст. 1), на защиту от дискриминации в доступе, использовании и управлении Интернетом (ст. 2), на свободу и личную неприкосновенность в Интернете (ст. 3), на развитие посредством Интернета (ст. 4),

на неприкосновенность частной жизни в интернете (ст. 8), на защиту цифровых данных (ст. 9) и др. В статье 20 Хартии сказано, что у каждого есть обязанности и ответственность за соблюдение прав всех лиц, находящихся в онлайн-среде. Дети (ст. 12), люди с ограниченными возможностями (ст. 13) и потребители (ст. 16) обоснованно отнесены к социальным группам, наиболее уязвимым в цифровую эпоху.

Прогрессивные положения Хартии имеют не только международно-правовой, но и внутригосударственный конституционный потенциал. Руководствуясь теорией «живой конституции», нормы ч. 3 ст. 17, ст. 18, ч. 1 ст. 21, ч. 1 ст. 23, ч. 4 ст. 29, закрепленные в главе 2 Конституции РФ, следует расширительно толковать сквозь призму положений Хартии. Это позволит адаптировать текст Основного закона к меняющимся социально-правовым реалиям современного информационного общества.

К сожалению, Хартия не имеет юридической силы и носит лишь рекомендательный характер. Она была принята совещательным органом, пусть и функционирующим под эгидой ООН. По этой причине Хартия крайне редко попадает в орбиту научных исследований зарубежных и российских ученых-юристов.

Также, принимая во внимание проблемность вопроса взаимодействия международной и национальной правовых систем даже в тех случаях, когда международные акты имеют юридическую силу и накладывают на государства конкретные обязательства, идея о реализации в конституционном законодательстве положений Хартии, как и многих других рекомендательных актов универсального и регионального характера, малоперспективна. Все же выразим надежду на то, что текст Хартии станет ориентиром в назревшей универсальной международно-правовой стандартизации прав человека в условиях цифровизации общества и, тем самым, получит свое развитие.

Список источников

1. *Тунисская программа для информационного общества* (WSIS-05/TUNIS/DOC/6 (Rev.1)-R от 15 ноября 2005 г. URL: https://www.un.org/ru/events/pastevents/pdf/agenda_wsisis.pdf (дата обращения: 09.12.2021).

2. *Щербович А. А. Хартия прав человека и принципов для Интернета с точки зрения реализации социальных, экономических и культурных прав : монография.* М., 2016.

А. В. Мирошниченко

Обоснованность ограничений прав и свобод лиц нетрадиционной сексуальной ориентации

С момента принятия ст. 6.21 Кодекса об административных правонарушениях РФ, запрещающей пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних, в судебной практике насчитывается достаточно большое количество обращений в Конституционный Суд РФ о нарушении прав и свобод граждан, относящих себя к группам сексуальных меньшинств. Рассмотрим проблему запрета пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних сквозь призму права на свободу выражения мнений и информации.

В части 1 ст. 10 Конвенции по правам человека (далее — КПЧ) говорится о том, что каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи. В соответствии с ч. 1 ст. 19 Международного пакта о гражданских и политических правах (далее — международный пакт) каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их, т. е. данное положение защищает право всех людей, включая представителей сексуальных меньшинств, искать, получать и распространять информацию по всем вопросам, касающимся сексуальной ориентации.

При этом особое внимание следует уделить демонстративному игнорированию ч. 2 ст. 10 КПЧ, в которой говорится о том, что «осуществление этих свобод (указанных в ч. 1 ст. 10 КПЧ), налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, для охраны здоровья и нравственности»; и ч. 2 ст. 19 международного пакта: «каждый человек имеет право на свободное выражение своего мнения; при этом пользование предусмотренными в п. 2 ст. 19 международного пакта правами налагает особые обязанности и особую ответственность, так как оно может быть сопряжено с некоторыми ограничениями, которые, однако, должны быть установлены законом и являться необходимыми, а именно п. в ч. 2 ст. 19 международного пакта — «для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения». Таким образом, Российское государство закрепляет за собой обязанность нести бремя демонстрации того, что любое ограничение в целях защиты

общественной морали имеет важное значение для поддержания уважения к фундаментальным ценностям российского общества.

Европейский суд по правам человека (далее — ЕСПЧ) выступил с заявлением: «разделение между „пропагандой“ гомосексуализма и его „обсуждением“, „информированием“ важно в контексте необходимости соответствия российской судебной практики практике ЕСПЧ». Речь идет о п. 84 постановления ЕСПЧ от 21 октября 2010 г.: «не существует двусмысленности в отношении признания другими государствами-участниками права людей открыто называть себя геем, лесбиянкой или иным сексуальным меньшинством и пропагандировать свои права и свободы» [1]. Ранее Конституционный Суд РФ в п. 3 решения по определению Конституционного Суда РФ от 19 января 2010 г. № 151-О-О указал, что законодатель установил меры, нацеленные на обеспечение нравственной и психической безопасности детей, в том числе в виде запрета совершать публичные действия по пропаганде гомосексуализма, и пояснил, что «подобные ограничения не закрепляют какие бы то ни было меры, направленные на запрет гомосексуализма, не содержат признаков дискриминации. Соответственно, оспариваемые заявителями положения данных законов не могут рассматриваться как несоразмерно ограничивающие свободу слова» [2]. Что касается административного запрета пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений в свете судебной практики, то основным постулатом запрета выступает опасность пропаганды гомосексуализма среди детей и молодежи, еще не способных критически отнестись к тому потоку информации, который обрушивается на них каждый день, поэтому возникает необходимость оградить подрастающее поколение от воздействия гомосексуальной пропаганды. Особо подчеркивается, что административная ответственность предусматривается не за сам факт гомосексуальной ориентации, а только за ее пропаганду среди несовершеннолетних.

Наконец, в Законе косвенно утверждается недопустимость мнения о «социальной равноценности традиционных и нетрадиционных сексуальных отношений», что может и вовсе рассматриваться как прямой призыв к дискриминации «прав и свобод сексуальных меньшинств». Как отмечалось, это совершенно недопустимо с точки зрения ЕСПЧ и никак не поддерживалось ранее судами в России.

Говоря о правах сексуальных меньшинств в РФ, сделаем вывод: российское законодательство не ограничивает граждан своей страны в определении своей сексуальной ориентации, существует лишь обоснованный запрет на пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений среди

несовершеннолетних в целях сохранения и поддержания физического, психического здоровья и нравственного воспитания подрастающего поколения.

Список источников

1. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12085344/> (дата обращения: 10.12.2021).

2. *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы граждан Алексева Н. А., Баева Н. В. и Федотовой И. Б. на нарушение их конституционных прав статьей 4 Закона Рязанской области «О защите нравственности детей в Рязанской области» и статьей 3.10 Закона Рязанской области «Об административных правонарушениях»: определение Конституционного Суда РФ от 19 января 2010 г. № 151-О-О. URL: <https://base.garant.ru/1794530/> (дата обращения: 10.12.2021).

А. А. Никитчик

Принцип демократизма в теории конституционного государства Б. А. Кистяковского

Глубокое осмысление Б. А. Кистяковским социально-политических проблем выразилось в разработке проекта конституционного государства, где принцип демократизма гарантирует каждому человеку личную независимость и политическую самостоятельность.

Рассматривая право как часть социальной жизни, мыслитель утверждает, что добиться его господствующего положения возможно посредством передачи законодательной функции народному представительству [1, с. 530, 533]. Учет «народного правосознания», по мнению Б. А. Кистяковского, позволяет обеспечить целесообразность и применимость закона, поэтому законотворческий процесс требует обязательного участия граждан и других лиц, проживающих на территории государства.

В своей интерпретации идеи народного суверенитета Б. А. Кистяковский предостерегает от отождествления ее положений с требованием «самодержавия народа», поскольку последнее может привести к произволу, нередко губительнее деспотизма одного лица. «Принцип народного суверенитета вовсе не требует неограниченности народной власти. Он предполагает лишь верховенство народа», — пишет автор, настаивая на признании за народным представительством статуса органа государственной власти, действующего наряду с другими в целях обеспечения приоритета прав и интересов каждого человека [2, с. 480].

Поскольку народ позиционируется Б. А. Кистяковским в качестве участвующего субъекта государственной власти, в его компетенцию, помимо законотворчества, должно входить формирование государственных учреждений посредством закрепленного в конституции «всеобщего, равного и прямого избирательного права с тайной подачей голосов» [2, с. 486]. Вовлечение граждан в сферу государственного управления, по убеждению мыслителя, вызвано не только необходимостью реорганизации осуществления власти, но и тем уровнем правовой культуры, который сформировался в российском обществе: «нужно, чтобы в нашем обществе и народе исчезло несколько пренебрежительное отношение к законам и праву» [2, с. 488]. Б. А. Кистяковский утверждает, что участие населения в решении ключевых государственных вопросов воспитывает в гражданах уважительное отношение к существующему правопорядку, что, в свою очередь, повышает их правовую грамотность и минимизирует проявления правового нигилизма.

Итак, в теории Б. А. Кистяковского принцип демократизма трактуется как основанное на политической свободе вовлечение каждого члена общества в управление делами государства. Он не только осознавал значимость политической правоспособности граждан, но и предвосхищал проблемы современного конституционного государства, обусловленные взаимосвязью между функционированием демократических институтов и уровнем развития правовой культуры общества.

Список источников

1. Кистяковский Б. А. Лекции по государственному праву. М., 1909.
2. Кистяковский Б. А. Государство правовое и социалистическое // Вопросы философии. М., 1906. Кн. V.

Д. А. Огорелков

Роль Конституции РФ и международных источников права в регламентации наказания в виде штрафа в России

К одному из направлений гуманизации уголовной политики России относится внедрение достижений зарубежного и международного опыта в отечественную правоохранительную систему. Не случайно Концепция развития уголовно-исполнительной системы на 2017–2025 годы определила своей целью приведение условий отбывания наказания осужденными в соответствие с российским законодательством и международными стандартами, что, в свою очередь, способно служить гарантом соблюдения прав, свобод и законных интересов осужденных [1].

В соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ в отечественное правовое пространство включены международные источники права. На конституционном уровне отмечено, что общепризнанные принципы и нормы международного права, а также международные договоры РФ отнесены к первоочередным нормативно-правовым актам по своей юридической силе.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» указывает, что содержание принципов и норм международного права раскрывается в том числе в правовых актах Организации Объединенных Наций (далее — ООН) [2].

Одним из начальных международных правовых актов, направленных на гуманизацию, открытость и справедливость при отправлении уголовного правосудия, стала принятая ООН в 1948 г. Всеобщая декларация прав человека (далее — Декларация). В ней были закреплены основополагающие международные правовые принципы, такие как право каждого человека на жизнь, свободу и личную неприкосновенность; на свободу и равенство людей перед законом; на запрет дискриминации по какому бы то ни было признаку (в том числе правовое равенство граждан любого государства); на неприменение более тяжкого наказания, чем то, которое было предусмотрено на момент совершения преступления. Отдельно стоит отметить ст. 5 Декларации, согласно которой запрещаются пытки, а наказание не может быть жестоким, бесчеловечным либо унижительным [3]. Декларация стала своего рода отправной точкой для выработки конкретизированных норм права в области пенитенциарного законодательства и теории наказания.

Результатом активной международной правовой деятельности второй половины XX в. по гуманизации и депенализации уголовного законодательства стало подписание Токийских правил 1990 г. (далее — Правила). Причинами их принятия стали такие факторы, как необходимость разработки стратегий различного уровня по применению мер, не связанных с лишением свободы; признание альтернатив тюремному заключению эффективным средством воздействия на осужденных; признание конечной целью системы правосудия ресоциализацию осужденного [4]. При вынесении судебного решения в части избрания наиболее соразмерного вида наказания было рекомендовано, во-первых, назначать меры воздействия, не связанные с лишением свободы, во-вторых, учитывать не только интересы общества, но и условия, необходимые для воз-

вращения преступника к жизни в социуме. На наш взгляд, данный шаг ознаменовал переход к безусловно положительному вектору уголовной политики, направленному на изменение подхода к пониманию уголовно-правового воздействия.

Токийские правила представили значительный перечень санкций, рекомендованных к использованию в национальном законодательстве. Большое внимание в Правилах было уделено наказаниям имущественного характера, они представлены в ст. 8.2 в различных вариациях. Отметим, что отечественному законодателю следует обратить более пристальное внимание на предложенную систему наказаний. В частности, наиболее перспективным представляется совершенствование регламентации о наказании в виде штрафа.

Также можно поставить вопрос о разработке в качестве дополнительной меры уголовно-правового характера постановления о компенсации, что было предложено Правилами. Тем самым государство может существенно усилить контроль за восстановительно-компенсационной функцией правоохранительной системы в русле уголовно-правовых отношений, не затрагивая возможности потерпевшего добиться какой-либо компенсации гражданским иском.

Список источников

1. *Об утверждении* Концепции федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2017–2025 годы)» : распоряжение Правительства РФ от 23 декабря 2016 г. № 2808-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. *О применении* судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. *Всеобщая декларация прав человека* (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. *Резолюция* Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1990 г. № 45/110. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Историко-правовой анализ конституционного статуса Республики Крым в составе Российской Федерации

Официальное присоединение Республики Крым в качестве нового субъекта РФ состоялось 18 марта 2014 г. Условиями изменения государственной принадлежности Республики Крым стали сложившиеся политические разногласия внутри Украины и подрыв ее внутрисударственной стабильности. После таких существенных политических изменений и из-за возможного возникновения угрозы населению Крыма 11 марта 2014 г. была принята Декларация о независимости Республики Крым и г. Севастополя [1]. Для решения вопроса о вхождении Республики Крым в состав России на ее территории был проведен общекрымский референдум. Его результатом стало желание большинства жителей Республики, чтобы Крым вошел в состав РФ. Следствием таких итогов референдума выступило заключение Договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов [2].

Для проведения историко-правового анализа конституционного статуса Республики Крым необходимо рассмотреть обе модели республики в случае государственной принадлежности как к Украине, так и к Российской Федерации.

Первое упоминание о Республике Крым в статусе административно-территориальной автономии было закреплено в Законе СССР «О восстанвлении Крымской АССР», после чего органам законодательной власти Украинской ССР пришлось внести изменения в Конституцию УССР.

Основной нормативно-правовой базой, закрепляющей за Республикой Крым статус автономии, выступали следующие законодательные акты:

- Декларация «О государственном суверенитете Крыма» 1990 г.;
- «Акт о государственной самостоятельности Республики Крым» 1992 г.;
- Конституция Республики Крым от 6 мая 1992 г.

Чтобы проанализировать историческое формирование статуса Республики Крым, необходимо сравнить два важнейших нормативных акта — Конституцию Республики Крым от 6 мая 1992 г., когда она находилась в составе Украины, и Конституцию Республики Крым от 11 апреля 2014 г. после ее входа в состав РФ.

В соответствии с двумя высшими законодательными актами Республика Крым обладала статусом правового демократического государства, которое могло самостоятельно разрешать вопросы, относящиеся к его ведению. Если обратиться к ст. 1 Конституции Республики Крым 2014 г., то можно увидеть следующую формулировку: «вне пределов ведения Российской Федерации, полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации Республика Крым обладает всей полнотой государственной власти». Автономия республики в 1992 г. подкреплялась ст. 1 Конституции, в которой было сказано, что Республика Крым является правовым, демократическим государством.

Что касается источника власти, то согласно ст. 2 Конституции Республики Крым 1992 г. «носителем суверенитета и единственным источником государственной власти является народ, который составляют граждане Республики Крым всех национальностей». Если сравнить с однородным положением из ст. 2 Конституции Республики Крым 2014 г., то можно заметить, что законодатель не отделил жителей Республики Крым от граждан Российской Федерации и использовал следующую формулировку: «источником власти в Республике Крым является ее народ, являющийся частью многонационального народа Российской Федерации».

Особенностью Конституции Республики Крым 1992 г. выступает определение гражданства лиц, проживающих на территории республики. Так, в главе 6 содержались три статьи, регламентирующие возможность приобретения, сохранения и утраты гражданства не Украины, в состав которой входила Республика Крым, а именно собственного так называемого крымского гражданства. По нашему мнению, данная норма недопустима, если республика входит в состав какого-либо государства.

В Конституции Крыма, принятой после ее вхождения в состав России, не предусмотрена возможность приобретения гражданства Республики Крым в целом, что является наиболее юридически правильным.

Большой конфликт между центральной властью Украины и Республикой Крым возник из-за норм, содержащихся в Разделе V Конституции Республики Крым от 1992 г. Этот раздел устанавливал свою собственную систему государственных органов, что вступало в противоречие с основами конституционного строя Украины и тем самым нарушало целостность Украины как государства, ограничивало ее суверенитет и верховенство Конституции Украины на всей ее территории [3, с. 105].

В заключение можно сделать вывод о том, что Республика Крым, будучи в составе Украины, имела статус автономного государства, хотя

большинство норм, содержащихся в Конституции Республики Крым 1992 г., полностью противоречили законодательству Украины и никак не регламентировали взаимодействие центральных органов государственной власти Украины и органов государственной власти Республики Крым.

С момента вхождения Республики Крым в состав РФ она приобрела статус государства со всеми присущими ему признаками, но при этом остается субъектом РФ. Иными словами, нормы, изложенные в Конституции Республики Крым 2014 г., не противоречат конституционным нормам РФ, а также имеется четкое разграничение полномочий между существующими государственными органами республики и высшими органами государственной власти РФ.

Список источников

1. *Декларация о независимости Автономной Республики Крым и города Севастополя* от 11 марта 2014 г. URL: http://www.rada.crimea.ua/news/11_03_2014_1 (дата обращения: 01.12.2021).

2. *Договор между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов* (Москва, 18 марта 2014 г.). URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/531718/> (дата обращения: 08.12.2021).

3. *Смирнова Е. В.* Конституционно-правовой статус Республики Крым в составе Российской Федерации: Историко-правовой анализ // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2015. № 1.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андреев Денис Владимирович — адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России.

Астафичев Павел Александрович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургского университета МВД России.

Атанова Татьяна Олеговна — преподаватель кафедры оперативно-разыскной и административной деятельности Дальневосточного юридического института МВД России (г. Владивосток).

Бабурин Василий Васильевич — доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, профессор кафедры криминологии и профилактики преступлений Омской академии МВД России.

Баталов Данила Евгеньевич — адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России.

Белецкий Даниил Александрович — преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Омской академии МВД России.

Бейсеев Айдар Амангельдыевич — кандидат филологических наук, магистр юридических наук, доцент кафедры общеправовых дисциплин Карагандинской академии МВД Республики Казахстан имени Б. Бейсенова (Республика Казахстан, г. Караганда).

Борков Виктор Николаевич — доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права Омской академии МВД России.

Бураков Сергей Константинович — кандидат политических наук, начальник Омской академии МВД России.

Бучакова Марина Александровна — доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры конституционного и международного права Омской академии МВД России.

Веренич Анастасия Владимировна — адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России.

Вислобубова Оксана Игоревна — адъюнкт адъюнктуры Краснодарского университета МВД России.

Вставский Виталий Викторович — адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России.

Герасименко Тамара Юрьевна — практикующий юрист, соискатель ученой степени кандидата юридических наук (Санкт-Петербург).

Герасименко Юрий Васильевич — доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры конституционного и международного права Омской академии МВД России, Уполномоченный по защите прав предпринимателей в Омской области.

Грищенко Тарас Алексеевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургского университета МВД России.

Грязнова Татьяна Евгеньевна — доктор юридических наук, доцент, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, начальник кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России.

Гукова Наталья Анатольевна — преподаватель-методист факультета профессиональной подготовки Омской академии МВД России.

Гусев Владимир Александрович — доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Омской академии МВД России (по научной работе).

Дизер Олег Александрович — доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина (по научной работе).

Дизер Ольга Александровна — преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России.

Елисеева Галина Валерьевна — старший преподаватель кафедры конституционного и международного права Сибирского юридического университета (г. Омск).

Жилиев Артур Валерьевич — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и международного права Омской академии МВД России.

Журавлева Ирина Александровна — кандидат юридических наук, доцент кафедры правоведения, государственного и муниципального управления Омского государственного педагогического университета.

Зайцева Екатерина Сергеевна — кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России

Засыпкин Михаил Александрович — кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права Омской академии МВД России.

Затолокин Александр Александрович — кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права Краснодарского университета МВД России.

Карасев Анатолий Тихонович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета (г. Екатеринбург).

Карпова Олеся Владимировна — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России.

Квасников Евгений Сергеевич — адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России.

Кожевников Олег Александрович — доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета, профессор кафедры публичного права Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург).

Козлов Валентин Николаевич — преподаватель кафедры конституционного и административного права Краснодарского университета МВД России.

Коркин Андрей Владимирович — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург).

Корсун Ксения Ивановна — преподаватель кафедры конституционного права Уральского юридического института МВД России (г. Екатеринбург).

Кошелев Евгений Викторович — кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права Омской академии МВД России.

Кулик Василий Олегович — заместитель начальника ОМВД России по г. Артему Приморского края, начальник полиции (г. Владивосток).

Ладыгина Оксана Александровна — магистр юридических наук, старший преподаватель кафедры общеюридических дисциплин Карагандинской академии МВД Республики Казахстан имени Б. Бейсенова (Республика Казахстан, г. Караганда).

Лозовская Татьяна Александровна — адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России.

Луговик Виктор Федорович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России, ведущий научный сотрудник НИИ ФСИН России.

Ляшук Анна Валерьевна — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России.

Маслов Кирилл Владиславович — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального права Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского.

Макарова Лидия Анатольевна — аудитор Российского университета дружбы народов (Москва).

Мирошниченко Анастасия Владиславовна — адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России.

Морозов Андрей Анатольевич — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии и политологии Омской академии МВД России.

Москаленко Глеб Евгеньевич — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России.

Мушаков Виталий Евгеньевич — адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России.

Невзгодина Елена Львовна — кандидат юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, заведующий кафедрой гражданского права Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского.

Никитина Анна Евгеньевна — преподаватель кафедры криминалистики Омской академии МВД России.

Никитчик Алина Александровна — адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России.

Николаев Константин Дмитриевич — кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовного права Омской академии МВД России.

Огорелков Дмитрий Алексеевич — адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России.

Пестерева Юлия Сергеевна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Сибирского юридического университета (г. Омск).

Петров Александр Викторович — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и политологии Омской академии МВД России.

Пошелов Павел Викторович — старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Сибирского юридического университета (г. Омск).

Прудникова Ирина Викторовна — старший преподаватель кафедры морского права Морского государственного университета имени адмирала Г. И. Невельского (г. Владивосток).

Ремнева Мария Игоревна — адъюнкт адъюнктуры Краснодарского университета МВД России.

Романькова Светлана Александровна — кандидат юридических наук, доцент кафедры оперативно-разыскной и административной деятельности Дальневосточного юридического института МВД России (г. Владивосток).

Сисакьян Арус Качпероновна — кандидат юридических наук, доцент кафедры права Троицкого филиала Челябинского государственного университета.

Ситкина Мария Николаевна — кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры оперативно-разыскной и административной деятельности Дальневосточного юридического института МВД России (г. Владивосток).

Трошев Денис Борисович — кандидат юридических наук, ведущий консультант — помощник первого заместителя министра аппарата первого заместителя Министра (Горового А. В.) ДДО МВД России (Москва).

Трусов Николай Александрович — кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры конституционного и международного права Нижегородской академии МВД России.

Упоров Иван Владимирович — доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права Краснодарского университета МВД России.

Харитонов Илья Константинович — кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры гражданского права и процесса Краснодарского университета МВД России.

Честнов Александр Владимирович — преподаватель кафедры конституционного и международного права Омской академии МВД России.

Шевченко Сергей Витальевич — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского.

Юсова Юлия Станиславовна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры землеустройства Омского государственного аграрного университета имени П. А. Столыпина.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПОЛОЖЕНИЙ В РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Буряков С. К. Конституция РФ и развитие российской государственности	3
Бейсеев А. А. Деятельность государственных органов Республики Казахстан в рамках взаимодействия с комитетами ООН по защите прав человека	4
Бучакова М. А. Конституционные основы духовной жизни общества ...	6
Гусев В. А. Конституционное право на получение квалифицированной юридической помощи по защите прав и свобод человека в процессе проведения оперативно-розыскных мероприятий	8
Герасименко Ю. В. Правовые проблемы реализации статуса уполномоченного по защите прав предпринимателей в Российской Федерации	11
Герасименко Т. Ю. О недопустимости ограничения прав женщин в воспитании своих детей: решение ЕСПЧ по делу «Тапаева и другие против России»	12
Грязнова Т. Е. Учение об английском конституционализме М. М. Ковалевского	14
Грищенко Т. А. Некоторые проблемы соотношения государственного суверенитета и международного права в контексте новой редакции статьи 79 Конституции РФ	16
Дизер О. А. К вопросу о деятельности Уполномоченного при Президенте РФ по правам человека в сфере свободы совести ...	18
Елисеева Г. В. Влияние пандемии COVID-19 на избирательные права и свободы	20

Жиляев А. В. Проблемы законодательного регулирования миграционной реформы в Российской Федерации	22
Зайцева Е. С. Возможности использования современных правотворческих технологий для установления пределов правового регулирования	24
Засыпкин М. А. Нормотворческая деятельность Президента РФ в сфере обеспечения национальной безопасности	26
Карасев А. Т. Некоторые вопросы о конституционной юстиции в субъектах РФ в свете поправок в Конституцию РФ 2020 г.	29
Кожевников О. А. К дискуссии о нормативной основе местного самоуправления в формирующейся единой системе публичной власти в Российской Федерации	31
Козлов В. Н. Новые вопросы конституционного контроля в Российской Федерации	35
Кошелев Е. В. Избирательные права граждан в современных условиях ...	39
Корсун К. И. Местное самоуправление и гражданское общество в России: проблемы и перспективы становления	40
Ладыгина О. А. Права, законные интересы и правовые преимущества в структуре правового статуса личности (по законодательству Республики Казахстан)	43
Морозов А. А. Свобода совести в России в первые десятилетия XXI века: тенденции законодательной и правоприменительной практики	46
Москаленко Г. Е. К вопросу о вкладе С. А. Муромцева в формирование основ российского конституционализма	48
Никитина А. Е. Совершенствование деятельности полиции по обеспечению права на свободу совести	50
Петров А. В. Национальный шовинизм как вызов принципу федерализма: конфликт витальных и секулярных целей	52
Сисакьян А. К. К вопросу о влиянии конституционных ценностей при формировании конституционного правосознания	55
Трусов Н. А. Система национальной безопасности России: логика построения, элементы, современное состояние	57
Упоров И. В. Местное самоуправление в постсоветской России: от ожиданий начала 1990-х гг. до конституционных поправок 2020 г.	60
Харитонов И. К. Реформа конституционного контроля в России	62

Честнов А. В. О некоторых проблемах обеспечения конституционных прав человека в деятельности правоохранительных органов	68
Шевченко С. В. Поправки 2020 г. в Конституцию РФ и международные обязательства России	69
Юсова Ю. С. Защита прав трудовых мигрантов в процессе формирования трудового потенциала региона.....	72
РАЗДЕЛ II. РЕАЛИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПОЛОЖЕНИЙ В ОТРАСЛЕВОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ	
Астафичев П. А. Судебная форма защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина: приоритеты и проблемы совершенствования	75
Атанова Т. О. Обеспечение прав и свобод граждан при применении мер административного принуждения	79
Бабурин В. В. Проблемы уголовно-правового обеспечения ч. 2 ст. 45 Конституции РФ	80
Борков В. Н. Этатизм уголовно-правовой политики как средство реализации Конституции РФ.....	82
Белецкий Д. А. Реализация конституционного права на занятие предпринимательской деятельностью лицами, зарегистрированными в качестве «самозанятых»	86
Гукова Н. А. Реализация принципа законности при применении ограничений в отношении лиц, содержащихся в условиях изоляции	88
Дизер О. А. О необходимости закрепления ответственности за провокацию преступления в УК РФ для недопущения нарушения конституционных прав и свобод человека.....	90
Журавлева И. А. Идеи конституционализма в уголовном праве России. ...	93
Затолюкин А. А. Особенности применения ст. 51 Конституции РФ в административно-юрисдикционной деятельности органов внутренних дел	95
Карпова О. В. Ограничение конституционных прав в ходе исполнения меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении	97
Коркин А. В. Конституционно-правовые основы административных ограничений в период режима повышенной готовности.....	100

Луговик В. Ф. Оперативно-розыскная деятельность в контексте конституционализации публичного правопорядка.....	102
Ляшук А. В., Трошев Д. Б. Общая профилактика правонарушений участковым уполномоченным полиции как действенный механизм защиты прав граждан.....	106
Макарова Л. А., Невзгодина Е. Л. Проблемы реализации конституционных норм в отраслевом законодательстве	108
Маслов К. В. Угрозы налоговой безопасности государства: конституционное измерение	110
Невзгодина Е. Л. Пределы охраны конституционного права на жилище при банкротстве гражданина.....	113
Николаев К. Д. Понятие и классификация конституционных основ уголовного законодательства.....	115
Пестерева Ю. С. Защита конституционного права на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности, нормами уголовного законодательства.....	117
Пошелов П. В. Защита свободы совести и вероисповеданий Уголовным кодексом Российской Федерации	119
Романькова С. А., Кулик В. О. Реализация прав и свобод граждан при осуществлении федерального государственного надзора в области безопасности дорожного движения	122
Ситкина М. Н., Прудникова И. В. Обеспечение принципа законности при проведении опроса граждан.....	124

РАЗДЕЛ III. ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Андреев Д. В. О недопустимости избыточных ограничительных мер в сфере алкогольного законодательства в целях охраны прав предпринимателей	126
Баталов Д. Е. Законодательная власть в системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации	128
Веренич А. В. Защита прав несовершеннолетних при доставлении в органы внутренних дел.....	131
Вислогубова О. И. Конституционные основы обеспечения безопасности некоторых категорий участников дорожного движения.....	133
Вставский В. В. Конституция как правообразующий фактор в учении Б. А. Кистяковского.....	135

Квасников Е. С. Зарубежный опыт уголовно-правовой охраны конституционного права на труд в условиях безопасности	137
Лозовская Т. А. Конституционно-правовой анализ ч. 2 ст. 14 Уголовного кодекса РФ	139
Мушаков В. Е. Хартия прав человека и принципов для Интернета: конституционный потенциал нереализованных положений	142
Мирошниченко А. В. Обоснованность ограничений прав и свобод лиц нетрадиционной сексуальной ориентации	144
Никитчик А. А. Принцип демократизма в теории конституционного государства Б. А. Кистяковского	146
Огорелков Д. А. Роль Конституции РФ и международных источников права в регламентации наказания в виде штрафа в России.	147
Ремнева М. И. Историко-правовой анализ конституционного статуса Республики Крым в составе Российской Федерации	150
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	153

Научное издание

**РЕАЛИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

*Материалы VI международной научно-практической
конференции*

Редактор Е. А. Жукова

Корректор Л. И. Замулло

Технический редактор П. В. Ярославцева

ИД № 03160 от 02 ноября 2000 г.

Подписано в печать 12.05.2022. Формат 60×84/16. Бумага офсетная № 1.

Усл. печ. л. 9,5. Уч.-изд. л. 8,9. Тираж 130 экз. Заказ № 133.

